

101811-4

101811-4

В. Невская

КАРАЧАЙ

в

ПОРЕФОРМЕННЫЙ

ПЕРИОД

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

В. П. НЕВСКАЯ

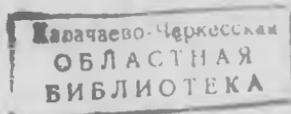
КАРАЧАЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

*Под редакцией доктора исторических наук
А. В. ФАДЕЕВА*

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии.
2. ГА ААО — Государственный архив Адыгейской автономной об-
3. ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.
4. КОВ — Кубанские областные ведомости.
5. ИКОРГО — Известия Кавказского отдела русского географическо-го общества.
6. ИОЛИКО. Известия общества любителей изучения Кубанской об-ласти.
7. СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и пле-мен Кавказа.
8. Труды комиссии — Труды комиссии по исследованию современ-ного положения землепользования и землевладения кара-чаевского народа Кубанской области, Владикавказ, 1908.
9. ЦГА КБ АССР — Центральный государственный архив Кабарди-но-Балкарской АССР.
10. ЦГА СО АССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР.
11. ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
12. ЦГВИА Гр. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.
13. ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ле-нинграде.
14. ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.

101811-1

ВВЕДЕНИЕ

Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая на XXII съезде КПСС и названная народом Манифестом XX века, выдвинула в области национальных отношений целый ряд важнейших задач, осуществление которых обеспечит всестороннее развитие экономики и культуры советских наций и народностей.

Одним из важнейших завоеваний социализма Программа называет дружбу народов нашей Родины и призывает «вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов, против обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству».¹

Одним из средств коммунистического воспитания, ценным оружием для борьбы со всякого рода проявлениями национализма и идеализацией прошлого является написанная с марксистских позиций история народа, содержащая исследование экономического, политического и культурного развития этого народа, история, раскрывающая глубокие корни современности и объясняющая ее закономерности.

В жизни каждого народа были переломные моменты, которые оказывали большое влияние не только на современников, но и на будущее народа. Таким периодом в жизни карачаевцев была вторая половина XIX века.

Замкнутые в узких ущельях, почти отрезанные высочайшими горами Кавказа и бездорожьем от населения предкавказской равнины, карачаевцы в течение веков вели натуральное хозяйство и жили в условиях феодального строя с обилием феодальных пережитков.

Включение Карачая в состав Российской империи в 1828 г. мало изменило его социально-экономический строй: продукты производились по-прежнему для собственного потребления, в

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. Москва, 1961, стр. 116.

социальных отношениях господствовали феодальные и дофеодальные методы эксплуатации.

И только во второй половине XIX века, когда началось экономическое «завоевание» Кавказа российским капитализмом, Карачай стал втягиваться в общее русло экономического развития страны. Экономическое «завоевание» выразилось прежде всего в усиленной колонизации бывших горских земель, вследствие которой рядом с аулами возникали казачьи станицы и крестьянские села, жителей которых связывало с карачаевцами тесное производственное общение, рыночные и культурные связи.

Реформы 60—70-х годов, несмотря на свою ограниченность, способствовали ломке старых феодальных отношений. Рушилась замкнутость натурального хозяйства карачаевцев, которое стало приобретать черты товарного.

В земельных отношениях, несмотря на колонизаторскую политику царизма, который лишил горцев их исконных земель, отобрав их в казну и используя для насаждения класса помещиков, в фискальных целях стремился сохранить общину, тенденция развития шла в сторону образования новой, капиталистической собственности и разрушения общины.

Карачай, как одна из колониальных окраин Российской империи, превращался в рынок сырья (шерсти, леса, серебряно-свинцовой руды, угля) и в рынок сбыта для промышленности центральной России. «Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик».¹ — писал В. И. Ленин.

Развитие товарно-денежных отношений, превращение натурального крестьянского хозяйства в мелкотоварное изменило и классовый состав карачаевского аула. Разложение общины вело к выделению кулачества и обеднению крестьянства, к развитию батрачества, которое часто выступало в завуалированном виде, прикрытое старинными патриархальными институтами.

Эксплуатация крестьянства кулачеством и старой феодальной знатью, малоземелье и тяжелый податный гнет обостряли социальную борьбу в карачаевских аулах.

Большое влияние на пробуждение классового самосознания карачаевского народа имели связи с русским народом, усиливающиеся во второй половине XIX века, когда недалеко от аулов возникали станицы и села, а в горах Карачая открывались рудники и заводы. Местом встреч и тесного общения карачаевцев с русскими людьми были коши, расположенные на станичных и казенных землях, угольные копи, серебро-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 521.

свинцовый рудник, смоло-скипидарные, лесопильные и сыроваренные заводы, на которых карачаевцы трудились рядом с русскими.

Так во второй половине прошлого века закладывались основы дальнейшего сближения и дружбы народов, полный расцвет которых стал возможен только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Основными источниками для написания данной работы послужили архивные материалы, хранящиеся в государственных архивах Краснодарского края, Грузинской ССР, в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда (фонд Кавказского комитета) и Москвы, в местных архивах Карачаево-Черкесской, Адыгейской и др. областей.

Полнее всего жизнь карачаевского народа во второй половине XIX века отражена в делах Краснодарского краевого архива. Тут и обширная официальная переписка, отчеты по военно-народным округам и участкам, и жалобы, и прошения карачаевских крестьян, рассказывающие о тяжелом экономическом положении, политической несправедливости и классовом гнете.

События 60—70-х годов, борьба крестьян против крепостного гнета и наступления феодалов, против колониальной экспансии царизма ярче всего видны из документов 774 фонда: «Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами». В этом же фонде содержится «Записка о Кубанском каменном угле», рассказывающая о зарождении каменноугольной промышленности в верховьях Кубани, о тяжелых условиях работы и быта шахтеров.

Дела об аренде и субаренде, о самовольных захватах земли феодалами и ограблении горцев царизмом, забравшем лучшие земли Закубанья в казну, собраны в 574 фонде: «Межевая комиссия».

«Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска» (фонд 454) содержит материалы о расслоении карачаевского крестьянства, породившем новые социальные группы: кулаков и батраков, о ростовщичестве и эксплуатации крестьянства, об аграрных волнениях в аулах в конце XIX — начале XX вв. и жестокой расправе с ними, об арестах и ссылках в Сибирь в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.

В Центральном государственном Военно-историческом архиве хранится очень большое количество интереснейших документов о колониальной политике царизма и антиколониальной борьбе горских народов (ф. ВУА, Военно-ученый архив, напри-

мер, ед. хр. 6231. «О квартирном расположении войск отдельного Кавказского корпуса на Кавказской линии расположенных и о военных действиях против горцев» и др.), о губительном переселении в Турцию (фонд 400, главный штаб Азиатской части), о реформах в горских округах Кавказа (ф. 400, главный штаб, Азиатская часть, ф. 38 — Главное управление генерального штаба) и колонизации Кубанской области (ф. 38).

Хранящийся в 400 фонде документ «Об административном преобразовании Кубанской и Терской областей» (оп. 260/910, ед. хр. 72) рисует колониальный характер политики самодержавия, специфические особенности контрреформ 80-х годов на Кавказе, целиком подчинивших горское население казачьим начальникам.

Большой интерес представляют имеющиеся в этом архиве многочисленные военно-топографические и статистические описания (ф. 414. Статистические сведения о Российской империи), ценная коллекция карт.

Из фондов Центрального государственного исторического архива Ленинграда для истории Кавказа особый интерес представляет 1268 фонд: «Кавказский комитет». Тысячи единиц этого фонда рассказывают буквально о всех сторонах жизни народов Кавказа: об антифеодальных и антиколониальных выступлениях народных масс (оп. 1), о торговых связях и деятельности меновых дворов (оп. 8, 9), о поземельных спорах (оп. 10) и работе «Комитета по освобождению рабов, крестьян и зависимых сословий на Кавказе» (оп. 11) и сословных и поземельных комиссий (оп. 12).

Отчеты начальников губерний и областей дают большой фактический и цифровой материал об экономическом развитии Северного Кавказа, о проникновении на Кавказ русского капитализма, возникновении фермерских экономий и развитии добывающей промышленности и о влиянии капитализма на экономику и общественный быт горских аулов. В этом отношении особенно интересен документ «О необходимости соединить Кавказ с центром Империи устройством железного пути между оконечностью русской сети в Ростове-на-Дону и Владикавказом с ветвью к Черному морю» (ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11).

Отдельные документы о горских народах Кавказа и, в частности, о карачаевцах содержатся и в других фондах, например, в 561 — «Особенная канцелярия Министра финансов по секретной части».

Очень богат материалами о народах Северного Кавказа, в том числе и о карачаевцах, Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР. Полнее всего пореформенный период отражен в фонде 416 «Кавказская археографи-

ческая комиссия», содержащем документы с 1864 по 1917 гг. Материалы о подготовке и проведении отмены крепостного права имеются также в фондах 7—«Департамент главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе» (1869—1883) и 545 «Кавказское военно-народное управление», о земельной политике царизма, экспроприировавшего горские земли, и ф. 1080—«Штаб командующего войсками Кубанской области».

В государственном архиве Ставропольского края основная масса документов о народах Карачая и Черкесии относится к дореформенному периоду, так как после образования в 1861 г. Кубанской и Терской областей—Карачай и Черкесия вошли в Кубанскую область и вся отчетность и переписка поступили в Екатеринодар. Но тем не менее и в Ставропольском архиве сохранился ряд интересных документов: о торговых связях карачаевцев (фонд 20, «Главный попечитель кавказских меновых сношений с горцами»), об изменениях в хозяйстве и быту горского населения и особенно ногайцев (фонд 79, «Общее управление Кавказской области»; ф. 249 — Управление главного пристава кочующих народов), о просвещении, так как дети карачаевской знати и зажиточной верхушки учились в Ставропольской гимназии.

Областные архивы Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областей содержат лишь отдельные документы, относящиеся к истории Карачая в пореформенный период: жалобы карачаевцев на аульскую администрацию и участковых начальников (ГА КЧАО, ф. 3); дела Баталпашинского казначейства (фонд 2) и т. д.

Сведения о поземельных и сословных отношениях у карачаевцев, собранные поземельными и сословными комиссиями, хранятся в архиве Северо-Осетинской АССР, поскольку постоянным местопребыванием комиссий был г. Владикавказ. Там же сохранился полный «список лиц свободных сословий бийчанка и узден в карачаевском обществе Баталпашинского уезда» снабженный интересными комментариями (ф. 268. эд. хр. 23).

Тесные связи карачаевцев с соседними кабардинцами и балкарцами послужили причиной того, что ряд документов о них отложился и в государственном архиве Кабардино-Балкарской АССР: фонд 16 «Управление начальника центра Кавказской линии», ф. 22 «Нальчикский горский суд» и т. д.

И даже в далеком Оренбургском архиве имеется дело о стоящем под гласным надзором полиции Хаджи Султане Байчорове, высланном в Орский уезд «за агитаторскую деятельность» (ф. 10, оп. 3, ед. хр. 402).

Значительно хуже обстоит дело с публикацией документов по истории Карачая. В многотомном издании Актов, собран-

ных Кавказской археографической комиссией, к изучаемому периоду относятся только несколько документов последних томов. В книге У. Алиева «Кара халк» опубликованы адаты карачаевцев и балкарцев, обнаруженные автором в архиве Северо-Осетинской АССР.

В последние годы изданы, собранные Е. О. Крикуновой, два тома документов по истории Балкарии. В этом ценном издании также есть материалы, имеющие непосредственное отношение к истории Карачая пореформенного периода.

Ценным дополнением к архивным материалам служит периодическая печать второй половины XIX и начала XX вв. В газетах «Кавказ», «Северный Кавказ», «Кубанские областные ведомости» и др. публиковались статьи этнографов и экономистов, историков и политических деятелей (Я. Абрамова, Г. Чурсина, Е. Д. Фелицина и др.), а также многочисленные информации с мест, в частности из Баталпашинского отдела Кубанской области, в который входил Карачай

В периодических изданиях Кавказского статистического комитета (Кубанский сборник, Памятная книжка Кубанской области, Кубанская справочная книжка) публиковалось много статистического материала о числе жителей карачаевских аулов и количестве скота у них, о школах, лавках, мельницах и усовершенствованных орудиях труда. Там же помещались большие статьи описательного характера, как, например, Г. Петрова «Верховья Кубани — Карачай».

Другие кавказские издания: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), Известия Кавказского отделения Русского географического общества (ИКОРГО), Известия общества любителей изучения Кубанской области (ИОЛИКО), Сборник сведений о кавказских горцах (СВКГ) — так же публиковали статьи и исследования о Карачае: путевые заметки В. Я. Тепцова «По истокам Кубани и Терека»,¹ статьи В. М. Сысоева «Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях»,² А. Н. Дьячкова-Тарасова «Заметки о Карачае и карачаевцах»,³ М. В. Орлова «Возможна ли частная земельная собственность в Карачае»,⁴ Н. Иваненкова «Карачаевцы»,⁵ Г. Ф. Чурсина «Поездка в Карачай»⁶ и др.

Эти работы содержат много интересных этнографических данных о жилище и одежде, пище и обычаях карачаевцев. Есть в них сведения и об экономическом состоянии аулов: о

¹ СМОМПК, вып. XIV, Тифлис, 1892 г.

² СМОМПК, вып. XIII, Тифлис, 1913 г.

³ СМОМПК, вып. XXV, Тифлис, 1898 г.

⁴ ИОЛИКО, вып. III, Екатеринодар, 1902 г.

⁵ ИОЛИКО, вып. V, Екатеринодар, 1912 г.

⁶ ИКОРГО, т. 3, 1915 г., № 3.

количестве скота и изготовленных ремесленных изделиях, об открытии лавок в аулах; приведено много красивых преданий о происхождении народа и его героях. Работы Н. Иваненкова и М. В. Орлова посвящены рассмотрению наиболее большого вопроса в жизни карачаевцев — поземельного.

Большой фактический и цифровой материал по Карачаю был собран и опубликован Комиссией по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Комиссия изучала не только непосредственно вопросы землепользования, но и экономическое положение карачаевских аулов, состояние скотоводства и земледелия, горные и лесные богатства Карачая, промыслы и кустарное производство.

Все эти материалы были опубликованы в Трудах Комиссии¹ с приложением статистических таблиц. Отдельным изданием вышли «Письменные заявления карачаевского народа и объяснения Комиссии», Екатеринодар, 1911.

Интересный материал по экономике и быту нагорных станиц Кубанского края, о связях казаков с местными народами содержат работы Л. В. Македонова: «В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области». Воронеж, 1908 и «Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области». Кубанский сборник, т. X.

Автор описывает историю заселения нагорных станиц, вызвавшего большое недовольство казачества, подробно останавливается на основных отраслях хозяйства: скотоводстве, земледелии и лесном промысле, на общении и взаимных взаимоотношениях казаков и горцев. Он показал расслоение и бедность части казачества, но не мог понять причин этого расслоения, не мог найти правильных мер борьбы с ними. Все свои упования Л. Македонов возлагал на «культурно-промышленное» развитие населения, на повышение образовательного уровня, на развитие земства, как будто это могло уничтожить главные причины — господство помещиков и капиталистов, колониальную политику царизма.

К работе приложены таблицы с богатым статистическим материалом.

Однако ни одна из этих работ, ценных и интересных своим фактическим материалом, не дает правильного анализа социально-экономических процессов, происходивших в Карачае в пореформенную эпоху, не показывает проникновения в аулы товарно-денежных отношений, расслоения общины и появления новых социальных групп — кулачества и батраков.

¹ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908.

История карачаевцев рассматривается в них изолированно от общего хода развития Российской империи, втягивавшего Карачай в русло развития капитализма. Многие из этих работ грешат идеализацией старины, отрицанием классового расслоения и классовой борьбы в аулах (Г. Петров, В. М. Сысов).

Огромное значение для изучения пореформенной истории Карачая имеют работы В. И. Ленина по аграрному вопросу¹ и особенно его классический труд «Развитие капитализма в России». С присущей Владимиру Ильичу гениальностью раскрыт сложный и противоречивый процесс развития капитализма в России, разложение крестьянства, создающее внутренний рынок для крупной заводской промышленности, вовлечение в этот процесс путем колонизации окраин империи.

Открытые В. И. Лениным закономерности развития капитализма вглубь и вширь помогли по-новому осветить процессы исторического развития народов Кавказа и других колоний российского капитализма, который «втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создал себе рынок для своих фабрик».²

Первые марксистские работы по истории Карачая были написаны историками-карачаевцами Умаром Алиевым и Исламом Тамбиевым в конце 20—начале 30 гг. XX в. Умар Алиев в своем историко-этнографическом очерке «Карачай» дал общий очерк истории карачаевского народа, начиная с гипотез о происхождении народа и кончая успехами его в строительстве социализма. В книге приведен обширный цифровой материал, подробно рассмотрены вопросы землевладения и землепользования, вопросы угнетения и классовой борьбы.

Но работа У. Алиева имеет и свои недостатки, к которым прежде всего можно отнести слабое раскрытие социально-экономических процессов, происходивших в пореформенную эпоху.

Вторая историческая монография У. Алиева «Кара халк»³ («Черный народ») посвящена сравнительному описанию, положению трудящихся масс Карачая, Кабарды, Осетии и др. народов Северного Кавказа. Работа содержит много интересного материала, в частности, в ней впервые опубликованы отрывки

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 4.—«Рабочая партия и крестьянство», т. 5—«Крепостники за работой», т. 6—«К деревенской бедноте»; т. 10—«Пересмотр аграрной программы рабочей партии»; т. 15—«Аграрный вопрос в России к концу XIX века»; т. 17—«Пятидесятилетие падения крепостного права», «Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция» и другие.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

³ У. Алиев Кара халк, Ростов-на-Дону, 1927 г.

из адатов, обнаруженных автором в архиве Северо-Осетинской АССР.

Статьи Ислама Тамбиева «О родах и сословно-феодалных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации»¹ и «Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае»² имели острую полемическую направленность. Автор резко критиковал работу А. П. Дьячкова-Тарасова «Социальные формации Карачая и их современная политическая мощность»³ за попытки смазать классовые противоречия и идеализацию старины. Критикует он за это и У. Алиева, не увидевшего разницы в социальном положении узденей и кулов. Правильно определив социальный строй Карачая в XIX в. как феодальный с пережитками родовых и рабских отношений, И. Тамбиев ошибочно утверждает, что до установления феодализма в Карачае существовала рабовладельческая формация «по подобию античного рабства».⁴

Социально-экономический строй Карачая в XIX в. автор рассматривал статично, поэтому не увидел и не отразил тех перемен, которые произошли в Карачае в пореформенный период, когда там начали развиваться элементы капиталистических отношений.

Ряд интересных сведений и замечаний о социально-экономическом развитии Карачая содержится в работах Ислама Хубиева, писавшего под псевдонимом «Карачайлы» («Адат и шариат», «Советский Северный Кавказ», 1930, № 5. «Борьба против горских адатов — борьба за социализм», «Революция и горец», 1932, № 8—9).

В конце 30-х годов была опубликована статья Е. Н. Студенецкой «К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века»,⁵ в которой она на основании большого архивного и полевого материала рассматривала вопросы социального строя Карачая накануне отмены крепостного права и условия освобождения крестьян от власти владельцев.

В течение 13 лет (с 1943 по 1957 гг.) история карачаевского народа не изучалась. Первые статьи по истории карачаевского народа появились после их возвращения на Кавказ: раздел «Карачаевцы» в сборнике «Народы Карачаево-Черкесии», 1957 г., статьи Е. П. Студенецкой и В. П. Невской в сборнике Трудов Карачаево-Черкесского пединститута. Е. П. Студенецкая в работе «Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарнии (конец XIX — начало XX в.)» остановилась на одной из завуалированных форм батрачества — исполщине ско-

¹ «Революция и горец», № 12/38, Ростов-на-Дону, 1931 г.

² «Революция и горец», № 4, Ростов-на-Дону, 1932 г.

³ Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, т. 1, Ростов-на-Дону, 1928 г.

⁴ «Революция и горец», 1932, № 4.

⁵ «Советская этнография», 1937, №№ 2—3.

та, имевшей большое распространение в Карачае. Наряду с этим в статье дана яркая характеристика карачаевских кулаков и показана эволюция хозяйства феодалов.

Большое значение для правильного понимания процессов социально-экономического развития Карачая, как и всего Кавказа, имеют работы А. В. Фадеева: монографии «Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период», М., 1957, «Россия и Кавказ в первой трети XIX в.», М., 1960. Статьи: «Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период».¹ «О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период».²

Проблеме развития капитализма вширь, поставленной В. И. Лениным, посвящена статья А. В. Фадеева «Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России»³ и «Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период».⁴

В 1960 г. вышла из печати книга В. П. Невской «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период)». Настоящая работа является ее продолжением и рассматривает вопросы истории Карачая в пореформенный период.

¹ Журнал «История СССР», № 1, 1957 г.

² Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

³ «История СССР», 1959, № 6.

⁴ «Ежегодник по аграрной истории» за 1959 г.

Раздел I

РЕФОРМЫ 60-х ГОДОВ

Глава I.

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КАРАЧАЕ

1. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КАРАЧАЕ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

В 1864 году завершилось завоевание царизмом Кавказа. Обширный и прекрасный край с богатейшими недрами и плодородными землями, край, населенный трудолюбивыми и гордыми народами, в течение десятилетий отстаивавшими свою свободу, стал частью Российской империи.

Большая часть кавказских земель, в том числе и Карачай и расположенные по Кубани и ее первым притокам черкесские, абазинские и ногайские аулы, были присоединены к России раньше, но пока не прекратилась освободительная борьба горцев Западного Кавказа освоение этих земель, включение их в общее русло экономического и политического развития России было крайне затруднено.

Постепенное передвижение кардонных линий с Кубани на Зеленчук, Уруп и затем на Лабу отодвигало фронт от аулов Карачая и Черкесии, но частые набеги и столкновения, насильственное переселение аулов и мобилизация мужчин в отряды местной милиции сохраняли напряженность военного времени.

Приставы, назначенные правительством обычно из офицеров царской армии, не вмешивались в хозяйственную деятельность народов и их общественный быт, но зато беззастенчиво грабили население, разоряя его произвольными поборами и штрафами. Это был режим военной оккупации со всеми его последствиями.

В аулах не затихло брожение. Недовольство народа колониальной политикой царизма часто прорывалось наружу в виде открытых выступлений. Справедливым гневом народа пытались воспользоваться местные феодалы и мусульманское духовенство, провоцировавшие горцев на гибельное переселение в Турцию.

Царизм, более охотно присоединявший пустые пространства, чем земли, населенные «мятежными горцами», не препятствовал этому пагубному шагу. Мало того, он усугублял недовольство населения хищническим расхищением земельного фонда Закубанья, прямо поощряя выселение: «Оставление этого края остальными ногайцами и абазинами было бы для

нас чрезвычайно полезно: все поземельные споры горцев между собою и с казаками прекратились бы сами собой, а нам представилась бы возможность связать наши казачьи станицы вновь устроенными и образовать сплошное казачье народонаселение», — писал в 1860 году командующий войсками правого крыла Кавказской линии.¹

Земельная политика самодержавия на Кавказе, сопровождавшая колониальную экспансию, лишала горцев их исконных земель. Цепь укреплений и казачьих станиц отрезала от аулов значительную часть пахотных и пастбищных угодий. Лучшие земли Закубанья были отобраны в казну. Царское самодержавие, выражая интересы российского дворянства, и на вновь присоединенных территориях проводило ту же политику укрепления помещичьего землевладения. Генералы царской армии и сановники кавказской администрации получили огромные латифундии, по несколько тысяч десятин плодороднейших земель, отобранных у согнанного с них горского населения. Так, командующему войсками графу Евдокимову было пожаловано 10 660 десятин земли, к тому же в нефтеносном районе. Сумарков-Эльстон, генералы-адъютанты Граббе, Коцебу, Врангель, Филиппсон получили по 6 тысяч десятин.²

Была даже выработана определенная норма земельного пожалования в зависимости от воинского чина: генералам от 800 до 1200 десятин, полковникам от 200 до 1000 десятин и т. д.³

Такие же большие земельные пожалования давались тем из представителей местных феодалов, которые помогали царизму подавлять национально-освободительную борьбу своих народов или, как говорилось в официальных документах, «за исключительно важные заслуги в деле покорения Кавказа». И наоборот, земли отбирались у тех князей и влиятельных дворян, которые придерживались турецкой ориентации и старались использовать движение народных масс для усиления своего политического господства и осуществления пантюркистских и панисламистских идей.

Значительная часть земель была передана в ведение казны. Сотни тысяч десятин отданы под казачьи станицы.

Казачье землевладение носило сословный характер. Земли из станичного юрта давались только лицам, приписанным к казачьему сословию, и были связаны с несением воинской службы. Все остальные жители станиц входили в разряд иногородних, не имеющих права на получение земельного надела. Отчуждению казачьи земли не подлежали.

По проекту «О заселении предгорий Западного Кавказа»

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1080, оп. 3, ед. хр. 481, л. 9.

² ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 129—130.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1080, оп. 2, ед. хр. 219, л. 1—11.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 3230, л. 8.

под казачьи станицы отводилось 1 360 тыс. десятин,¹ но в дальнейшем количество их значительно возросло. В конце 70-х годов только в одном Баталпашинском уезде, куда вошли наряду с казачьими станицами карачаевские, черкесские, абазинские и ногайские аулы, из 2-х миллионов 400 тысяч десятин земли более миллиона ста тысяч было отдано под казачьи станицы, около 200 тысяч под невойсковые поселения, по сто тысяч десятин русским и горским частным землевладельцам и около девятисот тысяч десятин оставлено в казне.²

Проект 1862 г. «О заселении предгорий Западного Кавказа» был программой узаконенного грабежа горского населения. Коренные жители Закубанья подлежали гону со своих земель и переселению на специально отведенные для них участки худших земель. «Лучшие, как по богатству природы, так и по красоте местности, земли Закубанского края не вошли в район горских округов и достались большей частью в надел казакам. Земли же, вошедшие в район горских округов, в особенности в район Урупского и Зеленчукского, вследствие истребления в этих округах лесов, подвержены большей части неблагоприятным условиям, свойственным степным местностям»,³ — сообщает современник событий И. А. Гаврилов.

Не говоря уже о плодородных речных долинах и тучных пастбищах предгорий, даже каменистые горные кручи Карачая прельстили алчных колонизаторов.

В течение многих лет карачаевцы пасли свой скот от верховьев Эшкакона и Кич-Малки на востоке до истоков Зеленчука на западе. Но вот в 1859 г. специальная комиссия, рассматривавшая поземельные споры карачаевцев с соседними народами, ограничила карачаевские земли с востока Водораздельным хребтом между системой Кубани и Терека, лишив этим карачаевцев эшкаконских пастбищ. Это было первое вмешательство правительства в поземельные дела карачаевцев и, как и многие последующие распоряжения, оно нанесло карачаевскому хозяйству значительный урон.

В Карачае не было широких речных долин или степных пространств, пригодных для поселения казачьих станиц или для основания крупных поместий — но там было «зеленое золото» — лес. Поэтому и у карачаевцев, которых не переселяли с их каменистых и скудных склонов, отобрали часть земельных владений — огромные лесные массивы по течению рек Теберды и ее притоков, по Маре и между Тебердой и верховьями Зеленчука. Лесные поляны этих мест карачаевцы использовали главным образом для выпаса скота, мелкие — для заготовки сена. Но после 1862 г. карачаевцы лишились этих земель,

¹ ЦГИА, Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 3216, л. 4.

² ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 334.

³ И. А. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869, стр. 66.

причем изъятие у них части земель было обличено в форму «монаршей милости» и дарования им их собственных земель.

В феврале 1862 г. карачаевцам была объявлена прокламация графа Евдокимова о даровании им 267 тысяч десятин земли. «Дарованные» карачаевцам земли лежали между течением рек Мары (с севера), водораздельным хребтом бассейна рек Кубани и Малки (с востока), Главным Кавказским хребтом (с юга) и течением р. Теберды (с запада),¹ т. е. «дарование» не только не увеличивало количество земель, которым пользовался карачаевский народ, но даже изъяло из его пользования значительную часть пастбищ и лесных массивов.

Оставленные карачаевцам земли состояли в основном «из отрогов Главного хребта, прорезанных глубокими долинами реки Кубани и ее притоков с правой и левой стороны: самые же долины за редкими исключениями почти наполовину высоты покрыты снегом», — характеризовал эти земли начальник Эльборусского округа Н. Петрусевич.² Еще эмоциональнее писал о «дарованных» карачаевцам землях этнограф-экономист Г. Чурсин: «Но какая это земля? Громадную площадь захватывают горы, скалы, то есть такие земли, которые скорее составляют бедствие, чем богатство: падающие с гор камни засыпают поля, сенокосы».³

Земельный голод карачаевцев был настолько вопиющим, что его вынуждены были признать даже царские чиновники. Созданная в 1864 г. временная посредническая комиссия «для окончательного разбора поземельных прав кабардинцев, карачаевцев и абазинцев»⁴ под председательством полковника Ильинского констатировала, что «земель пахотных и покосных в самом Карачае по числу и потребности населения действительно недостаточно» и «признала справедливым и необходимым прибавить им в надел часть низменных и плоскостных земель»⁵ в размере 50 тысяч десятин.

В 1865 г. было вынесено решение о прирезке карачаевцам 40 тысяч десятин в качестве компенсации за потерю экшаконских пастбищ. Но прошло еще несколько лет, прежде чем карачаевцам действительно выделили эти земли.

После окончательного подавления освободительной борьбы кавказских народов, земельная политика царизма несколько изменилась. В условиях мирного времени правительство уже меньше нуждалось в поддержке местных князей и феодалов. Мало того, подданство российскому императору было несоместимым с феодальной вольницей и вассальным подчинением

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 9.

² ГАКК, ф. 574, ед. хр. 507, и 22—37.

³ Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. Газ. «Кавказ», 1900, № 322.

⁴ М. В. Орлов. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае. ИОЛИКО, вып. 3, стр. 173.

⁵ Там же.

народов феодальным владельцам. Царизм стал ограничивать политическую и административную власть бывших владельцев.

Но не мог царизм обойтись и без опоры в среде горских народов. Этой опорой, проводниками его колониальной политики должны были стать новые землевладельцы из «служивых людей», то есть из тех горцев, которые получили чины за службу в царской армии или в местной администрации. Получив земельные подачки, они верно служили царизму, помогая ему грабить и угнетать народы, подавлять их справедливое недовольство колониальным гнетом.

«Эти лица, значительно обеспеченные против других в материальном отношении, будут получать в народе все большее и большее значение, и, в случае какого-либо брожения умов в народе, будут первыми деятелями в нашу пользу»,¹ — откровенно писал о значении новых помещиков-землевладельцев главнокомандующий кавказской армией.

Размер земельных пожалований в конце 60-х годов значительно сократился. В период открытой борьбы народов Кавказа против колониального гнета царизм не жалел никаких средств, чтобы подкупить верхушку народов, и даровал преданным ему владельцам тысячи десятин (например, ногайским князьям полковникам царской армии Мусе Туганову и Аслан-Гирею Капланову-Нечеву по 5 с лишним тысяч десятин, наследникам Султана Адиль-Гирея — 13 тысяч десятин, абазинскому князю Магомет-Гирею Лоову — 5 тысяч десятин и т. д.). После подавления народного движения размер дарованных участков сократился до 150—200 десятин. И только в виде исключения отдельным лицам, имевшим особенно большие заслуги перед царизмом, давали большие наделы. Такими верными слугами самодержавия, его помощниками и проводниками колониальной политики в Карачае были прежде всего князья Крымшамхаловы. Они и получили самые большие земельные пожалования: штаб-ротмистр Хаджи-Мурза Крымшамхалов — 1060 десятин, другие члены этой фамилии по 200 десятин.

Наряду с представителями княжеских фамилий — Крымшамхаловых, Карабашевых и Дудовых в число новых земельных собственников в Карачае вошел целый ряд неродовитых лиц: поручик Керты Салпагаров, юнкер Ожай Байчоров и др. Уздени Магомет Байрамкулов и Исмаил Кочкаров были кадиями словесного суда, Али Бостанов и Джашарбек Байрамук² — депутатами суда т. д. Однако отмежевание им земель, так же как и выделение дополнительных участков к общекарачаевскому фонду затянулась из-за нерешенности земельного вопроса в целом.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 27, л. 27.
к стр. 23

² ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1871, ед. хр. 1, л. 20.

Нерешенность земельного вопроса в Карачае была самым тесным образом связана с нерешенностью крестьянского вопроса, который во второй половине 60-х годов был самым острым и важным вопросом в горских областях Северного Кавказа.

1861 г. был рубежом, который отделял Россию крепостническую от капиталистической. И как бы ни половинчата была реформа 1861 г., как бы ни задерживал царизм ликвидацию крепостнических отношений и не тормозил развитие новых, капиталистических, «после 61 г. развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершились превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века».¹

Та же сила экономического развития, которая по словам В. И. Ленина, втягивала Россию на путь капитализма, требовала ломки феодально-патриархальных отношений и на окраинах империи.

Рассмотрим, какими же были социальные отношения в карачаевских аулах накануне отмены крепостного права и как отразилось на них включение Карачая, как и остальных областей Северного Кавказа, в общее русло капиталистического развития России.

2. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В КАРАЧАЕ

К середине XIX века (то есть накануне отмены крепостного права), социальный строй Карачая был феодальным, с элементами патриархальных отношений. Родовая и племенная знать превратилась к этому времени в феодалов, захватив в свои руки лучшие земли, и в первую очередь сенокосы и зимние пастбища (кышлыки). Однако феодальная собственность на землю еще не получила юридического оформления, так как процесс становления крупной земельной собственности тормозился в Карачае наличием сильной соседской общины.

В хозяйстве феодалов применялся труд крепостных крестьян — юльгюлюкулов и патриархальных рабов — башсызкулов,² а также и юридически свободного сословия — узденей. Феодальная рента, которую несли уздени, часто выступала завуалированной различными патриархальными пережитками

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

² Юльгюлюкул — дословно — примерный, образцовый раб; в Карачае так назывались крепостные крестьяне, имеющие свое небольшое хозяйство и несущие отработочную и натуральную ренту. Башсызкулы — дословно — люди без головы; так называли патриархальных рабов, не имеющих ни своего хозяйства, ни семьи.

в виде помочей — маммата, аталычества — воспитания княжеских детей, подарков, гостеприимства и т. д. Наряду с этим уздени несли и ряд определенных повинностей: небольшую отработочную ренту и приношения владельцам в виде подарков.

Однако процесс феодализации карачаевского общества к середине XIX в. не был завершен, и основная масса крестьян — узденей юридически продолжала считаться свободной. «Не сумев добиться полной монополии земельной собственности, горские феодалы не могли обеспечить за собой и исключительного права владения людьми», — пишет крупнейший знаток Кавказа А. В. Фадеев.¹

Имущественное расслоение узденства привело к выделению узденской верхушки, обладавшей большим количеством скота и эксплуатировавшей труд крепостных. Это были в основном мелкие владельцы, имевшие одну, редко 2 семьи крепостных крестьян.²

На обязанности крепостных крестьян лежала обработка сабанов³ владельца, уход за посевами и уборка, работа по созданию и поддержанию оросительной системы и др. земледельческие работы. На их же плечах лежал уход за скотом владельца и обеспечение его кормами. «В Карачае во время покоса крестьянин обязан 6 дней косить для владельца, а седьмой лишь может косить для себя лично»,⁴ — сказано в записке «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области».

К отработочной ренте относилась также постройка домов, кошей и помещений для скота, доставка дров, уход за пчелами и т. д. Жены крестьян также должны были работать на владельца: «доить коров, приготавливать масло, носить воду»,⁵ обмазывать сабли, стирать белье и делать массу других дел.

Натуральная рента выражалась прежде всего в различных приношениях: по одной голове скота к свадьбе владельца, по кувшину бузы, когда варили ее, грудинке, когда кул резал скот⁶ и т. д.

Денежная рента заключалась в том, что уйдя на заработки, крестьянин большую половину всего заработанного должен принести владельцу. Если владелец сам отдавал крестьянина в работники, то он получал и все заработанное им,⁷ если крес-

¹ А. В. Фадеев. О социальном положении незакрепощенных крестьян и кавказских горцев в дореформенный период. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

² ГАКК, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 653, л. 266—268.

³ Саран — участок пахотной земли.

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 130.

⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 131—132.

⁶ Ф. И. Леонтович. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. 14, Тифлис, 1892. Ук. соч., стр. 277.

⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86 л. 136.

тынин уходил по своей воле в то время, когда в нем не было нужды владельцу, то отдавал последнему 2/3 заработка.

Патриархальные рабы — башсызкулы — не имели никакого имущества, жили совместно с владельцами и работали на его земле, его орудиями, или ухаживали за владельческим скотом. Источником приобретения рабов были набеги на соседние народы и захват пленных, а с начала XIX века в основном покупка рабов. Башсызкулы, особенно женщины, которые преобладали в этом сословии, исполняли различные работы по дому. В производственной жизни их роль была незначительной.

Тем не менее домашний или патриархальный характер рабства в Карачае отнюдь не означал, что между владельцами и рабами существовали мягкие, патриархальные отношения. Отношение к рабам было самым бесчеловечным. Владелец имел полное право отдать девушку — караваш для сожительства любому мужчине, мог отнять у нее родившихся от этого сожительства детей и продать их на сторону.

Рабов кормили объедками: «Пища рабов в золе», — гласит карачаевская пословица; вместо одежды давали обноски: «богач радуется, когда одевает новую одежду, а бедняк — когда чинит старую». Браки свободных с рабами осуждались: «Пусть не будет у тебя свойственником раб, пусть не будет удачи у того, кто в свойственники возьмет раба»¹.

Положение юльгюлюкулов было несколько лучше, так как они могли иметь небольшое имущество и семью, но политически и юридически они были совершенно бесправны.

Кавказская администрация, подготавливая реформу, вынуждена была признать «бедственное положение освобождаемых»² крестьян в Карачае.

Достаточно привести цифры неимущих крестьян в Карачае, чтобы убедиться в каком тяжелом материальном положении находились крестьяне накануне освобождения.

К 1868 г. на 174 двора крепостных крестьян в Карт-Джурте приходилось 63 «совершенно бедных, без всякого имущества»,³ в Учкулане таковых было из 112 — 57, в Хурзуке из 168 — 78.

Причем, к таблице дано примечание, что «в число неимущих крестьян не помещены одинокие мужского пола, которым внести выкуп весьма легко, малолетние дети, так как они, оставаясь у своих владельцев, выкупа не вносят и девушки, потому что они уплачивают выкуп из калыма». Следовательно, действительное число неимущих крестьян в Карачае было значительно выше, чем официальная цифра — 1302 человека.

¹ Къулу ашы къюлде; Бай джангы кийиб къуана, эди, джарлы да эскисин джамаб къуана эди. Къул джуугъунъ болмасын, къулу джуукъ этген онъмасын. Из собания пословиц С. Ч. Алиева.

² ГАКК, стр. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 266—268.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 485.

Карачаская семья (фотография 1880 г.)

Начальник Эльборусского округа капитан Петрусевиц в своем рапорте начальнику области писал, что в Карачае «все крестьяне за малым исключением люди бедные».¹

Отдельные разбогатевшие семьи крепостных крестьян, которым удавалось выкупиться на свободу, а также отпущенные своими владельцами за заслуги или из религиозных и других побуждений кулы попадали в разряд вольноотпущенников. Однако выкупиться было не так просто, так как продажные и выкупные цены в Карачае были выше, чем у соседних народов.

К середине XIX в. в натуральное хозяйство карачаевцев стали проникать элементы товарно-денежных отношений, подтачивавшие барщинную систему хозяйства. Феодалная рента, которая прежде была в основном отработочной и частично натуральной, стала носить и денежный характер. Увеличился объем торговли. Часть ремесленной продукции стала производиться специально для продажи.

Однако эти изменения, ведущие к постепенному разложению феодальных отношений, в Карачае были незначительны и не могли явиться основной причиной отмены крепостного права.

Главной причиной ликвидации в Карачае крепостнических и рабских отношений была заинтересованность в том российского капитализма, который нуждался в новых рынках сырья и рынка сбыта для своих изделий. «Крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынки дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.»² — писал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России».

Замкнутое натуральное хозяйство, характерное для феодального общества, тормозило проникновение в карачаевские

аулы фабричных изделий, мешало развитию в них товарного скотоводства.

Таким образом, развитие российского капитализма «вширь», т. е. «распространение сферы господства капитализма на новые территории»³ требовало ликвидации крепостничества в горских аулах Карачая и других областей Северного Кавказа.

Другой причиной, ускорившей отмену крепостного права в горских округах Кубанской области, было обострение там классовой борьбы.

Одним из проявлений недовольства крестьян своим положением были побеги от владельцев. Крестьяне бежали или в со-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 853.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 519.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 522.

седние области, или в русские укрепления, а еще чаще уходили в горы, становясь абреками.¹

Столкновение между владельцами и крестьянами иногда принимали характер кровавых стычек, жертвами которых бывали и сами крестьяне² и угнетавшие их феодалы.

Недовольство крестьян тяжелым крепостническим игом переплеталось с борьбой их против колониального гнета, против режима военной оккупации, устанавливаемого в горских областях военным командованием.

Приставы, которым подчинялись карачаевцы после 1828 года, опирались на феодальную верхушку карачаевского общества, эксплуатируя вместе с ними карачаевский народ.

В 40-е годы XIX в. приставом «карачаевских народов», как писали в документах тех лет, был войсковой старшина Мистулов. Это был обычный колониальный чиновник, выслуживавшийся перед начальством, заигрывавший со знатью и безжалостно обиравший народ. В 1843 г. за свою ревностную службу он был награжден орденом Станислава 3-й степени.³

За малейшее нарушение предписаний начальства на карачаевцев накладывались большие штрафы. Так, в 1844 г. начальником центра Кавказской линии генерал-майором Голицыным с карачаевцев было взыскано 25 пар быков, 95 овец и 5 баранов за то, что «не имеют должного повиновения к начальству».⁴

Неприязнь народа к приставу Мистулову окончилась драматическими событиями, разыгравшимися в ауле Хурзук в ноябре 1851 года.

Старшина Мистулов прибыл 13 ноября в Хурзук и вместе с представителями карачаевской знати подпоручиком Аслан-Мурзою Дудовым, прапорщиком Бадрю Крымшамхаловым, Наны Дудовым, Бараком Хубиевым и Эльмурзою Узденовым начали заниматься очередным сбором штрафов с населения.

Один из крепостных крестьян Аслан-Мурзы Дудова — Огурлу, доведенный до отчаяния штрафами и поборами, выстрелом из револьвера убил Мистулова. Аслан-Мурза Дудов хотел схватить Огурлу, но был ранен кинжалом в живот и через 15 минут скончался.

В завязавшейся свалке были кроме того ранены Кучук Карамурзин и Ханша Байрамуков. Сам Огурлу был убит вы-

¹ Абрек — человек, порвавший с общиной. В XIX в. абреками называли тех, кто вел одиночную борьбу против феодалов и царской администрации.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 250, напр., Кипкеев Кюргеко убил своего крепостного крестьянина Тохтара за то, что тот ослушался его приказа и уступил с ним в препирательство.

³ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 272, л. 1.

⁴ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 381, л. 1.

стрелом из ружья Бадрюю Крымшамхаловым.¹ Так, карачаевская знать помогала царской администрации обирать и держать в подчинении свой народ.

Еще более обострилась обстановка в карачаевских, как и в других аулах, в 60-е годы XIX в. Известия об отмене крепостного права в России в 1861 г. и революционном движении в центральных губерниях, всколыхнули народы Северного Кавказа. Крепостные крестьяне в горских областях так же стали требовать освобождения.

Особенно усилилось движение в карачаевских и черкесских аулах после того, как освободили ясырей — крепостных крестьян у ногайцев Ставропольской губернии и начали подготовку реформы в соседней Терской области, в частности в Кабарде.

«Освобождение крестьян у инородцев Ставропольской губернии и особенно у черкесов и армян, приписанных к казачьим войскам, сильно встревожило закубанских горцев. И помещикам и крестьянам стало ясно, что крестьянская реформа, охватившая их со всех сторон, коснется и их. Последствия такого сознания не замедлили обнаружиться, крестьяне, рассчитывая на самое близкое освобождение, стали оказывать неповиновение владельцам и не желали исполнять свои прежние повинности»,¹ — писал в секретном докладе помощник начальника Кубанской области по управлению горцами полковник Думасов.

Вместе радикального решения вопроса были приняты меры по некоторому ограничению крепостного права. Так, в 1865 г. главнокомандующий Кавказской армией писал: «В видах ограничения холопов и рабов от произвола их владельцев, я признал справедливым воспретить продажу, дар и отчуждение их всяким иным способом из пределов одной области в другую».² Такие куцые меры не могли, конечно, удовлетворить, нужд и чаяний крестьян, страдавших от крепостного гнета и требовавших полного освобождения.

Начальники округов, в том числе и Эльборусского округа, образованного в 1865 г. из Верхне-Кубанского приставства, доносили в 60-е годы о многочисленных волнениях в аулах.

В Краснодарском архиве имеются: дело «Переписка с начальником Эльборусского военного округа об агитации среди крестьян об освобождении их от крепостной зависимости»,³ рапорты начальника округа капитана Петрусевича, показания крестьян, задержанных за агитацию и т. д.

¹ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 1128, л. 3.

² ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 6.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 1.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 539.

Крестьяне отказывались отдавать владельцам заработанные деньги, отказывались подчиняться решениям аульного суда об уплате и т. д. Особенно сильными были волнения в Кумско-Абазинском ауле Эльборусского округа. Уруч Карданов, крестьянин Каирбека Трамова, призывал крестьян к открытому сопротивлению владельцам, агитируя крестьян «в случае удара его владельцем, отвечать владельцу тем же вдвое».¹

О «крайне напряженных отношениях между сословиями» указывалось и в журнале заседаний по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа.²

Крестьяне требовали от владельцев и администрации скорейшего освобождения, а феодалы стремились во что бы то ни стало сохранить своих крепостных. Они посылали прошения и депутации к кавказскому командованию с просьбой оставить им их крепостных крестьян.

В прошении «общества деревень Кубанского округа племен карачаевского, абазинского, кабардинского, ногайского и бесленеевского» наместнику Кавказскому, написанному в 1864 г., говорилось: «Просьба наша, чтобы Вы не отнимали от нас (то есть не освободили) наших собственных невольников, которых мы приобрели покупкою за наши деньги и перешедших к нам по наследству от наших отцов и предков, ибо эти невольники суть главнейший и важнейший предмет нашего достояния».³

В ответ на это в особой прокламации владельцам было сообщено, что отмена крепостного права неизбежна, но правительство постарается так провести ее, чтобы не ущемить их интересы: «когда наступит время освобождения, дело будет устроено так, чтобы владельцы не потерпели разорения и убытков».⁴

К крестьянам же, которые требовали быстрейшего освобождения и отказывались нести феодальную ренту, применялись жестокие репрессии.

В докладе помощника начальника Кубанской области по управлению горцами прямо указано: «начальство должно было принять самые строгие меры, чтобы крестьяне исполняли прежние повинности к своим владельцам».⁵

Для того, чтобы несколько ослабить напряженность положения, правительство прибегло к таким полумерам, как некоторое ограничение произвола владельца, в частности ограничения в торговле людьми. Но эта мера почти ничего не давала крестьянам, и они продолжали требовать освобождения. Для

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 539, л. 2.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 318, л. 3.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 311, л. 2.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 7.

⁵ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 7.

разбора споров, возникавших между крестьянами и владельцами, выбирались посредники, по 2 человека с обеих сторон, которым платили за их деятельность 20 рублей в год.¹

В 1866 году был создан специальный Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, председателем которого был назначен генерал-адъютант Карцев.² Членами комитета были генерал-майор Богуславский, князь Туманов, полковники Старосельский и Павлов.

Комитет начал свою работу со сбора сведений «О родах и степенях зависимости»,³ существовавших у горцев и выработки примерных условий освобождения.

Сбор сведений по округам был поручен чиновникам и офицерам кавказской армии. В Эльборусский округ с этой целью был послан адъютант помощника главнокомандующего кавказской армией штаб-капитан Бильдерлинг,⁴ но фактически всю работу по сбору сведений среди карачаевцев и абазин Эльборусского округа провел начальник округа Г. Петрусевиц, который значительно лучше разбирался в нормах и обычаях карачаевского права, чем приезжий чиновник. В других округах сведения собирали присланные для этого лица и также местная администрация.

Тем не менее сбор сведений продвигался медленно, возникло много неясных вопросов, так как фактическое положение сословий и земельные отношения отличались от установленных адатом.

Комитет предписал закончить сбор сведений к сентябрю 1866 г., но начальник Эльборусского округа сообщил, что по его округу сведения будут собраны не ранее января 1867 г.⁵

После завершения сбора сведений началась выработка примерных условий освобождения. Чтобы придать этому обсуждению вид гласного, кавказская администрация предложила избрать депутатов от владельцев и от крестьян, которые займутся обсуждением примерного проекта освобождения, выработанного Комитетом.

Депутаты избирались от сословий: «соответственно тому, сколько крестьян было в их руках».⁶ Всего от владельцев-карачаевцев выбиралось 6 человек: 2 от биев, 3 от уздений и 1 от азатов,⁷ и 6 человек от крестьян. Кроме этих 12 человек по Эльборусскому округу выбирались по 2—3 депутата от абазинских и черкесских крестьян и владельцев.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 259, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 42.

³ Там же, л. 46.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 103.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 158.

⁶ Там же, л. 266—268.

⁷ Азат — вольноотпущенник.

Выборы депутатов были проведены 1 октября 1867 г.

Доверенными от крестьян по Эльборусскому округу были выбраны:

1. Джеметты Айдамкулов — крепостной крестьянин подпоручика Каншаубия Крымшамхалова.

2. Батай — крестьянин поручика Пшемахо Дудова.

3. Кума — крестьянин Таучу Байрамукова.

4. Мусса — крестьянин Бекира Тохчукова.

5. Алча — крестьянин Исмаила Кочкарова.

6. Бархоз — крестьянин Каракета Хабиева.

7. Мульяжев — крестьянин Дударука.

8. База Джанашев.

9. Хакяго — крестьянин эфендия Али Абукова.¹

Депутаты приступили к обсуждению условий, и сразу же начались разногласия. Основываясь на том, что адатные выкупные цены были в Карачае выше, чем у соседних черкесов, карачаевские владельцы требовали установления более высоких цен, чем те, которые были предложены Комитетом. А так как решающим было при отчуждении мнение владельцев, а не крестьян, то совещание приняло решение о повышении выкупных сумм.

«В Эльборусском округе вырабатываются депутатами условия для взрослых мужчин и замужних женщин шитлей значительно дороже, а в остальном вообще согласно с указаниями повеления от 17 мая»,² — доносил начальник Кубанской области наместнику Кавказа.

Депутаты соглашались на бесплатное освобождение детей до 7 лет и стариков мужчин с 60, а женщин с 55 лет. Женщины должны были платить выкуп в размере 150 рублей, мужчины — 200.

Несмотря на недовольство крестьян и даже русской администрации, которая, опасаясь крестьянских волнений, была против излишнего отягощения освобождаемых, владельцы долго не соглашались ни на какие уступки.

Вторым спорным вопросом был раздел крестьянского имущества. Владельцы настаивали на том, чтобы получить половину имущества освобождаемых, и совещание согласилось с этим требованием, хотя, как писал начальник Эльборусского округа, «желательно было бы, чтобы имущество крестьян не подвергалось делению пополам между освобождающимися и владельцами».³

После долгих споров и разногласий были выработаны, наконец, окончательные условия освобождения крепостных крестьян, которые основывались на том, что свобода должна

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 468—469.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 317, л. 1.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653.

быть выкуплена за определенный выкуп, уплачиваемый деньгами или отработываемый.

Бесплатно освобождались только дети до 7 лет и женщины старше 50, а мужчины старше 55 лет. Начиная с 7 лет за детей юльгюлюкулов платили 20 рублей и по 5 рублей за каждый год старше 7 лет. С 13 по 15 лет за год прибавляли по 10 рублей, а выше — по 15 рублей. Взрослые юльгюлюкулы платили за свое освобождение по 150 рублей. С 41 года сумма выкупа начинала соответственно уменьшаться, сначала по 5 рублей в год, затем по 10 и 15 рублей.

Женщины вносили выкуп в размере 100 рублей. Выкуп за девушек брался из калыма. Вдовы с малолетними детьми получали отсрочку до тех пор, пока подрастут дети.

Выкуп мог быть уплачен деньгами, скотом, хлебом и другими продуктами сельского хозяйства или отработан в течение нескольких лет (до 6 лет).

Еще тяжелее были условия выкупа башсызкулов. Не только мужчины, но и женщины этого сословия должны были заплатить за свое освобождение от рабства 200 рублей. За 7-летнего ребенка платили 20 рублей, 8-летнего — 30, 9 — 40, а затем прибавляли цену на 15—20 рублей за каждый год. С 18 до 35 лет — по 200 рублей, с 36 — каждый год цена снижалась на 15 рублей.¹

Если юльгюлюкулы имели право выбирать способ уплаты выкупной суммы, то башсызкулы должны были в обязательном порядке отработать ее. Причем условия, в которых находились временнообязанные крестьяне, отработывающие выкуп, мало отличались от крепостной кабалы. Как крепостные или рабы, временно обязанные крестьяне должны были работать на владельца 6 дней в неделю, а во время покоса или уборки и того больше.

Кроме того, крестьянин отдавал владельцу половину своего имущества: скота, инвентаря и т. д., а в карачаевских аулах — и половину сабана, в тех редких случаях, когда он имел свою собственную землю.²

Такие тяжелые условия выкупа грозили полным разорением хозяйству освобождаемых крестьян. Даже представители кавказской администрации не могли не отметить этого. Начальник Кубанской области писал, что после освобождения крестьяне «на некоторое время останутся в условиях гораздо более тяжелых, чем в каких они находились до настоящего времени».³

А владельцам даже такие условия выкупа казались недостаточными. Вначале они старались совершенно избежать реформы, так как по словам начальника округа Н. Потрусевича,

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 1, ед. хр. 313, л. 7.

² ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 10.

³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 318 л. 1

«освобождение крестьян есть мера противная желанию владельцев».¹

Убедившись же в неизбежности реформы, владельцы стремились к тому, чтобы освобождение прошло на максимально выгодных для них условиях.

4 марта 1867 г. Комитет разрешил начальнику Кубанской области допускать добровольные соглашения между владельцами и крестьянами.² При этом комитет предлагал руководствоваться общими основаниями, но допуская отклонения в ту или иную сторону.

Основываясь на том, что адатные цены в Карачае были выше, чем у соседей, владельцы стремились склонить крестьян к добровольным сделкам на более выгодных для себя условиях, чем указанные в общем положении.

Крестьяне мечтали о бесплатном освобождении, требовали, чтобы им дали свободу без высокого выкупа, поэтому первое время отказывались заключать добровольные сделки. Одной из причин, побуждавших карачаевских крестьян требовать скорейшего проведения крестьянской реформы, было то, что она была проведена в 1867 году в соседней Терской области, и таким образом у наиболее родственного карачаевцам народа — балкарцев крепостное право было уже отменено.

Но условия выкупа были и там очень тяжелыми, поэтому карачаевские крестьяне, потеряв надежду на настоящую свободу, стали соглашаться на выкупные сделки на любых условиях.

Заключение добровольных сделок началось в Карачае в конце 1867 г. До 1 января 1868 г. было освобождено по таким сделкам 980 человек.³ В течение первых 3-х месяцев 1868 г. было освобождено еще 1381 человек.⁴ 1-го июля в Карачай прибыл посредник, который должен был содействовать мирному урегулированию всех конфликтов и скорейшему заключению сделок по добровольному освобождению крестьян.

В интересах владельцев, чтобы обеспечить их рабочими руками на период посевных, уборочных и сенокосных работ, срок обязательного освобождения, намеченный вначале на 1 мая, был перенесен затем на 1 ноября 1868 г.

Пренебрежение к народу и его интересам, русификаторская политика царизма, сказывалась и в том, что текст «Правил об освобождении зависимых сословий в горских округах Кубанской области» не был переведен местной администрацией на национальные языки и не был разъяснен населению. Поэтому большинство крестьянства не имело ясного представления о том, как будет производиться освобождение.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 266—268.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 318, л. 1.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 653.

⁴ Там же, л. 729.

Объявление об освобождении крестьян 1 ноября 1868 г. было проведено в торжественной обстановке. Муллы совершили намаз, а затем зачитали объявление начальника Кубанской области о том, что с этого дня крестьяне считаются свободными, и вместе с народом совершили молитву.

Однако это торжественное провозглашение свободы и попытка превратить это событие в праздник не соответствовали истинному положению вещей.

Крестьяне не могли не почувствовать разочарования от таких тяжелых условий выкупа. Сама кавказская администрация понимала это и, готовясь к реформе, опасалась народных волнений. Об этом говорит рапорт и. д. начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Своева, в котором он пишет, что объявление свободы зависимых сословий 1 ноября прошло и даже без серьезных недоразумений между освобождаемыми и их бывшими владельцами.¹

С первых чисел ноября 1868 г. мировой посредник Эльборусского округа приступил к заключению обязательных сделок об освобождении крестьян. Прежде всего он провел эту работу в немногочисленных аулах в северной части Карачая: в Хумаре, в Каменномостском ауле и на Маре. Заключение выкупных сделок было завершено здесь за 9 дней, после чего мировой посредник прибыл в главные карачаевские аулы: Хурзук,² где было больше всего крепостных, Учкулан и Карт-Джурт.

В течение ноября месяца в карачаевских аулах были освобождены 521 мужчина и 424 женщины, итого 945 человек.³ Не освобожденными оставались меньше 50 человек, находившихся на отдаленных кошах.⁴

Всего же в Карачае было освобождено по одним данным 2 462 человека,⁵ а по другим 2 806 человек.⁶ Расхождение в цифрах начальник Эльборусского округа объяснял тем, что часть крестьян и владельцев, заключившая добровольные сделки, позже расторгла их и заключала новые при помощи мирового посредника, т. к. старые условия не устраивали одну из сторон.

Но это проведение и формальное завершение реформы в течение 1868 года совсем не отражало действительного положения вещей, т. к. фактически реформа только начиналась. Крестьянам предстояло выплатить огромные выкупные суммы или отработать их, прежде чем они получали действительное освобождение от своих владельцев.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 305, л. 27.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 1012.

³ Там же л. 1008.

⁴ Там же л. 1008.

⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, ед. хр. 305, л. 33.

⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 1091.

«Крестьяне вышли на «свободу» ободренные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»,¹ — писал о реформе в России В. И. Ленин. Слова его как нельзя лучше определяют сущность освобождения и в Карачае.

Несмотря на то, что максимальным сроком отработки было признано 6 лет, были случаи, когда владельцы заставляли башсызула отрабатывать выкуп в течение 8 лет и более, фактически продляя этим крепостное состояние еще на 8 лет. Так, жительница а. Хурзук Джерашхан, 40 лет, с сыном Ибай, 7 лет, принадлежавшие эфенди Магомету Байрамукову заключили с владельцем соглашение, по которому она «вместо выкупа поступает к нему в работники на 8 лет, по истечении которых 1 января 1876 г. делается свободной, без всякого долга по выкупу владельцу». Вся плата за 8 лет тяжелейшего труда заключалась в том, что владелец обязывался «по окончании восьмилетнего срока дать ей полное одеяние сообразно времени года».²

Юльгюлюкулы частично так же отрабатывали выкуп, но чаще расплачивались деньгами, скотом и другим имуществом. Уплата выкупа производилась в рассрочку. Так, крепостной крестьянин Ногая Карабашева из а. Хурзук Мазан, 30 лет, с женой Ак-Белек, 25 лет, и сыном Керти Улан, 1 года, отдали владельцу по договору половину своего имущества (2 головы рогатого скота и 1 лошадь), а кроме того, обязывались выплачивать по 50 рублей в год выкупную сумму, которая составляла 350 рублей.³

Крестьянин Мурзакула Дудова из а. Хурзук Одумак с женой и дочерью отдали по договору владельцу в счет выкупной суммы, составляющей 500 рублей, весь свой скот «за исключением самого необходимого», земли на сумму 190 рублей и внесли наличными 14 рублей. Остальной долг они обязывались погасить в течение 3-х лет.⁴

Только самые зажиточные из юльгюлюкулов смогли сразу же уплатить весь выкуп. Крестьянин Наны Дудова из а. Хурзук Машай и двое взрослых братьев, отдав владельцу «все свое движимое и недвижимое имущество»⁵ сразу же получили свободу,

Но таких богатых крестьян были единицы, большинство же в течение долгих лет продолжало выплачивать свой выкуп или

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65.

² Цитирую документы из статьи Е. П. Студенецкой «К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века». Советская этнография, 1937, № 2—3, стр. 63—64.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же стр. 65.

⁵ Там же, стр. 67.

отрабатывать его, оставаясь во временнообязанных отношениях.

Положение временнообязанных крестьян мало чем отличалось от крепостного, так как они должны были нести все повинности, которые накладывало на них прежде их зависимое положение: пахать и засеивать землю, ухаживать за посевами и убирать их, косить и заготовлять сено владельцу, ухаживать за скотом и т. д.

Для оценки имущества, идущего в уплату выкупа, были избраны особые присяжные оценщики. Они должны были определять стоимость имущества, отдаваемого крестьянами в уплату выкупа своим владельцам. Оплата за труд оценщиками производилась из самого выкупа — в их пользу шло 2% с суммы, в которую оценено имущество.¹

Большинство юльгюлюкулов и все башсызкулы в свою бытность в крепостном и рабском состоянии не имели фамилии, так как не принадлежали к карачаевским тукумам, а имели только имена и клички. При освобождении многие из них получили фамилии своих владельцев. Так, наряду с биями Дудовыми, Темирбулатовыми появились Дудовы и Темирбулатовы из вольноотпущенников, наряду с узденскими фамилиями Байчоровых, Ортеновых, Лайпановых и др. появились такие же фамилии вольноотпущенников.² Некоторые из освобожденных получили фамилию по этническому признаку.

3. ОСНОВАНИЕ НОВЫХ АУЛОВ И ВЫДЕЛЕНИЕ ЧАСТНОСОБСТВЕННИЧЕСКИХ УЧАСТКОВ

Освободив формально карачаевских крестьян от крепостного права, царизм снова вынужден был вернуться в конце 60-х — начале 70-х годов к земельному вопросу, который все еще остался не решенным. Нерешенность земельного вопроса, при котором значительная часть земельного фонда сохранялась в руках феодалов, а крестьяне по-прежнему оставались в поземельной зависимости, делала отмену крепостного права фикцией, так как крестьяне не имели реальной возможности получить эту свободу.

По словам Г. Чурсина, «карачаевские феодалы взглянули на освобождение крестьян с самой широкой точки зрения и отпустили бывших своих холопов на все четыре стороны, освободив их от рабства и от земли, на которой они сидели».³

Многие крестьяне не имели даже возможности внести выкупную сумму, не могли уйти со двора своего бывшего владельца, так как не имели клочка земли, чтобы поставить дом.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 1103.

² ЦГА СОАССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50—86.

³ Г. Ф. Чурсин, *Экономическая жизнь Карачая*. «Кавказ», 1900, № 322.

Таким образом, чтобы осуществить на деле отмену крепостного права, нужно было поторопиться с выделением дополнительных земель для основания новых аулов и переселения туда освобожденных кулов.

Межевая комиссия приступила к работе в 1868 г. 26 тысяч десятин было отмежевано между Кубанью и Кумой, 14 тысяч — по р. Теберде, где издавна стояли карачаевские коши.

При проведении земельной реформы в Закубанье в основу наделения земель крестьян была положена общинная система землепользования. Община облегчала проведение фискальной политики, а кроме того, более всего соответствовала общему духу консервативной, полукрепостнической политики царизма.

Все черкесские, абазинские и ногайские аулы были наделены землей на общинном праве и только в аулах Большого Карачая землевладение и землепользование оставалось по-прежнему смешанным: семейно-индивидуальным на пахотных землях (сабанах) и поливных сенокосах (биченликах) и общинным на летних пастбищах (джайлыках). Зимние пастбища (кышлыки) и сенокосы — основные средства производства скотоводческого хозяйства — к середине XIX в. были почти целиком в руках крупных феодалов и богатых узденских фамилий, узурпировавших эти некогда общинные земли.

Земельная реформа в Карачае не коснулась ни крупного феодального землевладения, ни семейно-индивидуального. Пересмотр земельных отношений в Большом Карачае был отложен из-за «неизученности земельных отношений»¹ и так и остался нерешенным до Великой Октябрьской социалистической революции.

И только в новых аулах, основанных на дополнительных участках, землепользование строилось на том же основании, что и в черкесских, абазинских и ногайских аулах.

В основу наделения переселенцев землей было положено общинное право, как единственное право пользования землями. Единственной формой организации населения новых аулов должна была стать уравнильно-передельная община. Полученные от общины земли нельзя было ни продавать, ни дарить, ни закладывать, ни отчуждать каким-либо другим способом.

Однако, как показал дальнейший ход событий, уравнильность в новых общинах была только видимой, переделы — средством захвата лучших земель сельской верхушкой.

Уже при основании новых аулов выявилась фиктивность демагогических обещаний правительства обеспечить землей малоземельных и безземельных крестьян Карачая. С первых же

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 9.

дней существования аулов Малого Карачая лучшие земли оказались захваченными новыми богачами — нарождавшейся сельской буржуазией.

Первым из новых аулов был основан в 1868 г. Тебердинский аул. Еще до основания аула на тебердинских землях поселились Байчоровы, в частности семья Ожая Байчорова. Поэтому, когда правительство дало разрешение карачаевским крестьянам селиться в долине р. Теберды, лучшие участки оказались уже захваченными Байчоровыми и Карабашевыми. Приезжавших из Большого Карачая кулов они встречали недружелюбно, давали им худшие участки земли, а иногда и совсем не принимали в аул. Власть Байчоровых в новом ауле была так велика, что долгое время аул так и называли — Ожаевский — Ожай къабакъ.

Положение переселившихся в Тебердинский аул освобожденных крестьян было настолько тяжелым, что многие из них предпочли вернуться в аулы Большого Карачая, так как и на новом месте они оставались безземельными.

Чтобы предупредить обострение сословной вражды и хоть в какой-то степени обеспечить землей и бывших кулов, их поселили не в Тебердинском ауле, а несколько ниже по течению реки в новом — Сентинском ауле. Так как уздени остались в основном в Теберде, а в Сентах поселились кулы, то новый аул (основанный в 1870 г.) назвали къаракулкъабак — чернокульский аул.

В том же году был основан Каменноостский аул (Ташкюпюр) у впадения в Кубань р. Теберды, в 1875 г. — Маринский (вначале Нижняя Мара — Тёбен Мара, несколько позже Верхняя — Огары Мара). Последним из новых аулов возник в 1881—1883 гг. Джегутинский аул. Но новому аулу отведены были далеко не все карачаевские земли этого района. Часть земель была к этому периоду роздана в частную собственность крупным феодалам (например, земли по Эльтаркачу — Крымшамхаловым), и еще большая часть оставлена в пользование аулов Большого Карачая.

Все земли к югу от Джегутинского аула — лучшие кышлыки Карачая — были оставлены за Большим Карачаем.

Новому аулу были отведены земли по правому и частично по левому берегу р. Джегуты, сабаны и сенокосы на примыкавших к аулу возвышенностях и летние пастбища, лежащие на восток от аула. Непосредственно к аульным землям примыкали юртовые земли Усть Джегутинской станицы. Несмотря на такую стесненность, Джегутинский аул разрастался очень быстро — это был единственный в те годы плоскостный карачаевский аул, расположенный на самой плодородной целинной земле.

Наряду с освобожденными кулами, в Джегуту переселилось много узденских семей, которые пытались перенести в новый аул привычный принцип поселения по родовым кварталам — тийре. Однако это удавалось не всегда, тем более, что переселение происходило не одновременно, а постепенно, растянувшись на 10—15 лет.

Как и во всех новых аулах, первые переселенцы попали в число коренных жителей, членов уравнительно-передельной общины. Тех, кто прибыл позже, в общину не принимали и им, как иногородним, земли не давали.

Одновременно с основанием новых аулов и наделением земель на общинном праве части карачаевского крестьянства, кавказская администрация приступила к наделению землей верхушки карачаевского общества на правах частной собственности. Целью этого было создание класса помещиков-землевладельцев, которые были бы проводником политики царского самодержавия и его верными слугами.

«Полицейское государство настолько восстанавливает против себя массу населения, что ему необходимо искусственно создавать группы лиц, способных служить столем отечества. Ему необходимо создать класс крупных эксплуататоров, которые бы всем были обязаны правительству, которые зависели бы от его милости, которые извлекали бы громадные доходы самым низменным способом (маклерство, кулачество) и в силу этого явились бы всегда надежными сторонниками всякого произвола и угнетения. Азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе «раздачи имений»,¹ — писал В. И. Ленин о создании крупных земельных собственников в Сибири. Но разве эти слова не оп-

Чонай Чичханчиев —
один из первых поселенцев
Нижней Мары.

(Фото Д. И. Суздальцева).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 81—82.

ределяют сущности аграрной политики царизма и на Северном Кавказе?

Еще в 1867 году главнокомандующий поручил начальнику Кубанской области составить проект наделения землей причисленных к Эльборусскому округу Кумско-Абазинского и черкесского Хумаринского аулов, а также так называемых «почетных туземцев». В конце 1870 г. проекты эти были утверждены.

В список «почетных туземцев» вошли лица, заслужившие особое внимание царизма. Они были в прошлом и должны были оставаться и в будущем его опорой. Прежде всего это были представители наиболее богатой и влиятельной бийской фамилии Крымшамхаловых.

Штабс-ротмистру Хаджи-Мурзе Крымшамхалову был выделен надел в 800 десятин, а брату его прапорщику Асламбеку Крымшамхалову — 200 десятин. Фактически же братьям было отведено даже 1 084 десятины земли. Поручик Магомед Крымшамхалов получил 322 десятины.

В этот же список вошли два представителя узденских фамилий: поручик Керти Салпагаров, получивший 314 десятин и юнкер Ожай Байчоров — 341 десятину.¹ Дарованные Ожаю земли были расположены около Хумаринского укрепления, на р. Шупшуруке.

Еще больше узденей получили землю по течению реки Марухи, где было выделено 11 частнособственнических участков по 200 десятин.

В отличие от практики земельных пожалований в Черкесии, где феодалы, получив частнособственнические участки, теряли все права на свои прежние феодальные владения, карачаевские феодалы сохранили и прежние владения. Так, Крымшамхаловы, получив в 1870 году 1 789 десятин пожалованных земель, сохранили за собой полностью и свои наследственные земли — ата джер в размере 2 850 десятин.

Это ставило карачаевских феодалов в особенно благоприятные для них условия, а крестьян — в особенно тяжелые, так как все лучшие зимние пастбища и сенокосы, как из исконных карачаевских земель, так из вновь пожалованных, оставались в руках феодальной знати.

Пожалованные участки поступали в полную и безраздельную собственность владельца, который мог продать землю, подарить ее, заложить, сдать в аренду целиком или по частям.

Владение, отчуждение и наследование этих участков производилось уже не по адату и не по шариату, а на основании общероссийского законодательства. Это была феодальная, помещичья земельная собственность, не прикрытая никакими патриархальными пережитками.

Наряду с этим, в пореформенную эпоху стала складываться

¹ ЦГВИА, ф. 400, Азнат. част. 1871 г., ед.хр. 1, л. 4—5.

и в Карачае новая форма собственности — бессословной, капиталистической, основанной на применении вольнонаемного труда батраков. Это были земли, купленные карачаевскими кулаками у царских генералов и чиновников, охотно продающих свои пожалованные участки. И хотя таких земель было еще сравнительно немного, тенденция развития шла в сторону увеличения именно такой, капиталистической собственности и постепенного уменьшения феодальной.

Таким образом, земельные преобразования 60—70-х гг., в Карачае, как и крестьянская реформа, носили половинчатый характер. Они не разрешили основного—земельного вопроса, так как значительная часть земельного фонда карачаевского народа попала в руки царизма и была использована им для создания класса помещиков-землевладельцев, а частично оставлена в казне. Крестьяне же по-прежнему страдали от крайнего малоземелья.

Двойственный характер реформ 60—70-х гг. буржуазных по содержанию, но крепостнических по методам проведения, продолжал сказываться и в пореформенную эпоху.

С одной стороны, освобождение крестьян вело к ломке старого натурального хозяйства, к проникновению в горские аулы товарно-денежных отношений, усиливало связи их с рынком, способствовало замене подневольного труда крепостных вольнонаемным трудом батраков.

Но ограниченность реформы, сохранение феодальной собственности на землю, тормозило развитие ростков капиталистических отношений и способствовали длительному сохранению феодально-патриархальных пережитков.

«Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т. е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д.»¹— писал В. И. Ленин в своей работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Слова эти как нельзя лучше характеризуют положение не только русского, но и горского, в частности, карачаевского крестьянина, в течение многих лет обрабатывавшего свой выкуп, задавленного кабальной арендой, лишенного политических прав.

Глава II

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

1. РЕФОРМЫ 60-х ГОДОВ

Административно-судебные преобразования 60—70-х годов на Кавказе значительно отличались от реформ этих лет в Центральной России. Там реформы судебных и административ-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 114.

ных учреждений, как надстроечных явлений, обуславливались изменением базиса — ликвидацией крепостнических отношений. Это были буржуазные реформы, последовавшие за отменой крепостного права. Как и крестьянская реформа, они были вызваны революционной ситуацией в России, острой революционной борьбой народных масс против крепостничества, против военно-феодальных методов управления страной.

Иными были причины буржуазных реформ на Кавказе. Здесь отмена крепостного права и буржуазные преобразования вызвались не внутренним развитием этих народов, не кризисом феодального способа производства, который не мог наступить в условиях феодально-патриархального строя, а заинтересованностью в этом российского капитализма, который нуждался в Кавказе как в рынке сырья и сбыта. Так и административно-судебные преобразования 60—70-х гг. проводились не столько в интересах горских народов, сколько в интересах русского государства, в интересах колонизаторов. Это было продолжение той деятельности царизма по политическому завоеванию Кавказа, которая, по словам В. И. Ленина, предшествовала экономическому «завоеванию» его.¹

Административно-судебные преобразования на Кавказе проводились правительством в целях более полного подчинения горских народов, в интересах русификаторской политики царизма. Горцам не дали даже тех минимальных политических прав, даже такой куцой формы местного самоуправления, как земство, которое «отбила у самодержавного правительства воля общественного возбуждения и революционного натиска».²

Но даже и в таком виде, несмотря на их крайнюю ограниченность, административно-судебные преобразования на Кавказе имели прогрессивное значение. Они содействовали ломке феодальной замкнутости и феодального права. Замена военно-народного управления гражданским содействовала уничтожению режима военной оккупации, установленного в горских округах в период Кавказской войны.

Первой формой правления на завоеванных территориях Северного Кавказа была система приставств. Подчинив себе тот или иной из горских народов, командование устанавливало там режим военной оккупации. Непосредственным представителем командования на месте был пристав, которому принадлежала вся полнота власти над данным народом.

Вместе с тем на завоеванных территориях сохранялись сложившиеся устои и классовые взаимоотношения, сохранялся местный суд посредников, основанный на адате, или духовный суд по шарияту. Часто во главе народа продолжал стоять феодальный правитель или глава, и население продолжало пла-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 30.

тить подати в его пользу. Но над всеми этими местными институтами стоял пристав, подчиняющийся военному командованию.

Таким образом, система приставств могла быть только переходной формой правления, пригодной лишь для военного времени. Окончание войны потребовало и изменения форм правления.

Приставы обычно назначались из русских офицеров, иногда из горцев же, но другой национальности (например, приставом карачаевского народа в 50-х годах XIX века был осетин — войсковой старшина Турчиев).¹ И только в виде исключения, за особые заслуги перед самодержавием, тот или иной феодал назначался приставом своего народа, получая за это военные чины и награды (так, например, генерал-майор Султан Менгли-Гирей был в течение 26 лет приставом ногайского народа).²

Полное бесправие завоеванных народов, режим карательных экспедиций, отсутствие контроля делали власть пристава неограниченной и приводили к частым злоупотреблениям. Постоянным явлением были взятки и незаконные поборы. Так, ногайцы жаловались на своего пристава Калантарова, который вымогал у них деньги, отбирал скот, притеснял их и злоупотреблял своей властью.³ Пристав карачаевского народа, есаул Мистулов так озлобил карачаевский народ постоянными поборами и штрафами, что, как уже говорилось, был убит в 1851 г.

Деление на приставства было неустойчивым и неудобным. Число приставств, их названия и границы постоянно менялись. Порою один и тот же народ входил в несколько приставств или наоборот, в одно приставство входили совершенно не родственные народы. Это объяснялось тем, что приставства создавались по мере завоевания царизмом новых территорий Северного Кавказа.

О том, как часты были преобразования приставств, видно из следующего перечисления изменений за 15 лет: в 1847 году на правом крыле Кавказской линии существовали 5 приставств: 1) Главное приставство закубанских народов. 2) Приставство бесленеевских народов и закубанских армян. 3) Приставство Тохтамышевских аулов. 4) Приставство темиргоевского, егерукаевского, гатукаевского и бжедуховского народов. 5) Приставство карачаевского народа.⁴

Уже в следующем 1848 г. к карачаевскому приставу были присоединены абазинские аулы.

В 1851 г. приставства темировского, егерукаевского, гатукаевского и бжедуховского народов упразднены, а вместо это-

¹ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 1481, л. 17.

² ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 914.

³ ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 915.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, 1857, ед. хр. 436, л. 9.

то в 1852 г. учреждено новое приставство ниже-кубанских народов.

В 1855 г. было упразднено главное приставство закубанских народов, а вместо него создано приставство карамурзинских и кипчаковских ногайцев. В 1856 г. основано еще одно новое приставство — тебердинское, просуществовавшее всего один год.

В 1857 г. приставства бесленеевское и закубанских армян было объединено с приставством карамурзинских и кипчаковских ногайцев в одно приставство закубанских ногайцев: а к карачаевскому приставству присоединено тебердинское.¹

В 1861 году карачаевское приставство вместе с присоединенным к нему тохтамышевским были переименованы в Верхне-Кубанское приставство, а приставство закубанских ногайцев — в Нижне-Кубанское. Кроме того, было образовано новое — Лабинское приставство, объединяющее народы, жившие между рр. Белой и Лабой.²

Еще до завершения Кавказской войны, в 1863 году стала совершенно очевидной несостоятельность такой формы управления, как приставства. «Быстро возраставшее число выходцев из гор и известия о стремлении горцев вообще к выселению на плоскость, привели к убеждению, что существовавшие военно-народные управления, имевшие характер исключительно политический, недостаточны и что необходимо заменить их более обширными управлениями, учредить народные суды и вообще устроить администрацию по возможности на началах, которые бы вели к развитию между туземцами гражданственности»,³ — сказано было в отчете по военно-народному управлению Кубанской области. В качестве временной меры параллельно с приставствами были созданы округа — Абадзехский и Шапсугский.

Осенью 1864 года, после того как отгремели последние выстрелы Кавказской войны, все приставства Кубанской области были упразднены и заменены окружными правлениями. Всего в области было создано первоначально 3 округа: Верхне-Кубанский (с участками: карачаевским, абазинским и армянским), Бжедуховский и Абадзехский.⁴

Однако перемена названия и расширение границ округов мало изменили сущность управления. Округа, как и приставства, не вносили никакой организации в жизнь горских народов и главное не освобождали их от режима военной оккупации. «Вся забота бывших военно-народных управлений была обращена лишь на поддержание внешнего порядка в обществах и на исправное формирование милиции, предоставляя внутреннее распоряжения в них старшинам и лицам высших фамилий».⁵

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 9, 1857, ед. хр. 436, л. 10.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 868, ед. хр. 24, л. 200—201.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53—112.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53—112.

⁵ Там же.

Только к 1866 году было выработано детальное «Положение об управлении горцами Кубанской области», которое касалось и административных и судебных преобразований.

К этому времени было закончено переселение черкесских и абазинских аулов с гор на плоскость и выселение части горских народов в Турцию. Оставшиеся горцы были расселены по левобережью средней Кубани и по ее притокам Зеленчукам, Урупу, Лабей, Белой и Псекупсу. Жившие в верховьях Кубани карачаевцы не переселялись совсем и оставались на своих местах. Ногайские аулы также не подвергались большим перемещениям.

Соответственно этому горские народы были распределены по 5 округам: 1) Эльборусский, в который вошли все карачаевские аулы и абазинские аулы по р. Куме и ее притокам; 2) Зеленчукский — населенный черкесами, абазинцами и ногайцами, жившими по Зеленчукам; 3) Урупский — населенный черкесами, ногайцами, армянами; 4) Лабинский — объединявший аулы западных черкесов, расположенных по рр. Лабей и Белой. 5) Псекупский, в который вошли аулы западных черкесов по среднему течению Кубани и нижнему течению р. Псекупса.

Во главе стоял окружной начальник, по-прежнему назначаемый командованием из русских офицеров. Для делопроизводства по округам создавались окружные управления, состоявшие из окружного начальника, его помощника, медика (обычно фельдшера), 2-х переводчиков: письменного и словесного, делопроизводителя, 2-х депутатов, 2-х кадиев и сторожа.¹

Для надзора за окружными начальниками и управлениями создавалась новая должность при начальнике Кубанской области — помощник начальника по управлению горцами. Как и окружные начальники, он назначался из представителей царской армии.

Первым помощником начальника Кубанской области был полковник Дукмасов — типичный колонизатор, меньше всего думавший о нуждах народов Кавказа. Земельные преобразования у черкесов он использовал для получения тысячи десятин (1312 дес.)² плодороднейшей земли в свою собственность. Отмену крепостного права стремился провести в интересах русского капитализма и горской знати. На предложения начальника Эльборусского округа Петрусевича о наделении землей карачаевцев, он ответил грубым окриком, запретив Петрусевичу «входить в гласное обсуждение каких бы то ни было общественных вопросов, прежде, нежели общие основания таковых вопросов будут утверждены начальником области».³

¹ ГАКК, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 287, л. 83.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 2977, л. 17.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 15.

Между тем по Положению помощник должен был быть первым заступником горцев и защитником их интересов. Он заботится «о всех нуждах горцев и вообще изыскивает средства к их благосостоянию и принимает меры к поддержанию общего спокойствия в крае».¹ На деле же этот представитель царской администрации если и заботился о «спокойствии в крае», то путем арестов и угроз, военных походов и экзекуций.

Одной из мер к установлению «порядка» в Кубанской области было разоружение горцев, предпринятое в 1866-68 гг. Чтобы не возбуждать умов и не вызвать резкого противодействия, изъятие огнестрельного оружия пытались провести под видом добровольной его сдачи.

Однако дело не обошлось без осложнения, т. к. горцы, веками привыкшие ходить вооруженными, считали оскорблением для мужчины обезоруживание его. Карачаевцам, как и другим жителям Эльборусского округа, оружие было оставлено «вследствие особенности их положения, как жителей горных ущелий, имеющих обширное скотоводство».²

Изъятием огнестрельного оружия кавказская администрация рассчитывала в какой-то мере уменьшить опасность крестьянских и вообще народных волнений, усилившихся в шестидесятые годы XIX в. Волнения эти были связаны в основном с подготовкой и отменой крепостного права, поэтому о них подробнее говорится в соответствующей главе.

В эти же годы, а именно с 1 января 1866 г. горское население Кубанской области было обложено повинностями 3-х видов: государственные платежи, общественные и натуральные повинности. Государственные платежи в 60—90-х гг. состояли прежде всего из подымной подати. Каждый дым-единица обложения независимо от числа членов и от количества имевшегося у них скота и земли должен был вносить определенную сумму — от 3 рублей до 4 рублей 50 копеек. Кроме того, каждый дым платил пятирублевый сбор на содержание полицейской милиции, что в среднем приходилось по 9 рублей 50 копеек на дым.

В отличие от других народов, где каждый дым платил одинаковую сумму, у карачаевцев податное обложение было поставлено в зависимость от имущественного положения. Правда, большой дифференциации населения не делали, но все же всех плательщиков делили на 2 категории; в первую зачисляли людей с большим и средним достатком, во вторую — малообеспеченных и совершенно неимущих.

Первая категория платила повышенную сумму подати, от 15 до 30 рублей, вторая — пониженную, от 75 копеек до 4-х рублей.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53—112.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53—112.

Замена уравнительного принципа распределения податей подоходным Г. Петров справедливо объясняет прочностью общинных связей в Карачае даже в пореформенный период. «Ни в одном из соседних, как у русских, так и горских обществ, интересы общественные не ставятся на такую высокую степень уважения и так ревниво не охраняются как здесь».¹

Однако это совсем не означает, что принцип подоходности свято соблюдался, и не было злоупотреблений со стороны выборных лиц. Чем дальше шло расстройство в среде карачаевского крестьянства, чем больше распадалось оно на зажиточную верхушку и бедняков, тем слабее становились общинные связи и меньшую роль играли общинные интересы, вытесняемые корыстными, частными.

Разбогатевшие кулаки сами старались попасть в члены выборных, чтобы переложить податной гнет на плечи бедноты, а себя освободить от него совсем. В условиях почти поголовной неграмотности карачаевского народа такие махинации проходили особенно легко.

В 1900 г. была проведена реформа податного обложения на Кавказе, по которой подымная подать упразднилась, а вместо нее вводилась государственная оброчная подать. Но это не принесло облегчения населению, т. к. оброчная подать была ничуть не меньше подымной.

Начиная с 1887 г. карачаевцы, как и другие народы Кавказа, должны были платить воинский налог. Этот налог вводился вместо воинской повинности, от которой горцы были до поры до времени освобождены. Карачаевцы платили по 1 руб. 33 копейки с дыма.

Кроме государственных платежей, в которые входили подымная, а также оброчная подать и воинский налог, карачаевцы вносили значительные суммы общественных платежей. Общественные денежные сборы шли: 1) на покрытие расходов по содержанию сельских правлений: на жалованье старшинам, их помощникам, писарям, сельским казначеям, общественным доверенным, аульным судьям, эфендию, муртазакам (аульным стражникам), на ремонт сельских зданий, жалованье сторожам, покупку дров и освещение сельских правлений; 2) на народное образование: жалованье учителям и сторожам училищ, ремонт, отопление и освещение училищных зданий, выпуску учебников, письменных принадлежностей и содержание школьной библиотеки; 3) расходы на медицинскую часть: жалованье фельдшеру, наем квартир и сторожей для ветеринарных аптек.²

¹ Г. Петров. Верховья Кубани — Карачай. Памятная книжка Кубанской области.

² Труды комиссии по исследованию современного положения земледелия и землевладения карачаевского народа Кубанской области. стр. 32—33.

Натуральные повинности заключались в работе по постройке дорог, мостов, общественных сооружений.

Раскладкой податей и повинностей, сбором средств на общественные расходы, выдачей ссуд из аульных сумм и запасных магазинов, назначением или наймом сторожей, смотрителей канав, рассыльных ведал сельский или аульный сход, права и обязанности которого были строго ограничены положением 1868 г. Сход выбирал и контролировал аульных должностных лиц, распоряжался общественными земельными угодьями, решал судьбы отдельных граждан, выносил приговоры об удалении из общества провинившихся аульчан, назначал сиротам опекунов и попечителей в случае смерти отца, проверял, как выполняли они свои обязанности, давал разрешения на переселения из своего общества в другой аул и т. д.

Аульный сход состоял не из всех жителей аула, даже не из всех мужчин, а только из домохозяев, считавшихся коренными жителями. Ни иногородние, ни младшие члены семьи, ни тем более наемные работники, не допускались к решению общественных дел аула.

Собирал сход аульный старшина, он же занимал на нем первое место, т. к. без его присутствия сход не мог вынести ни одного решения. Аульный старшина заботился о порядке в ауле, следил за настроением умов и слухами, задерживал беглых, доносил начальству о беспорядках. Уже одна эта сторона его деятельности превращала старшин в проводника колонизаторской политики в аулах, верного слугу царизма.

Давая такую разностороннюю и довольно значительную власть аульному старшине, правительство стремилось обеспечить себя надежными слугами и проводниками своей политики в горских аулах. Поэтому, чтобы избежать негодных кандидатур, должность аульного старшины была не выборной, а назначаемой начальником области по представлению начальника округа. Только в виде исключения начальник области мог предоставить благонадежным обществам право избрания старшин, но с последующим утверждением его начальником области. «Общества, оказавшиеся неблагонадежными могут быть лишены этого права»,¹ сказано в примечании. Так страховало себя правительство от выбора негодных лиц.

Остальные должностные лица: помощники старшины, аульные судьи, сборщики податей избирались сходом на 3 года.

Естественно, что при таких условиях на должность старшин очень редко попадали представители народа, а обычно назначали бывших владельцев, доказавших свою верность царизму уже в ходе войны, подкупленных земельными пожалованиями, чинами и орденами, служивших опорой самодержавия на местах. Так, первым старшиной аула Карт-Джурт был избран Аб-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 13, 1866, ед. хр. 93, л. 16.

дуразак Крымшамхалов¹ — крупный землевладелец, хозяин табунов и стад, царский офицер, имевший чин поручика. Несмотря на то, что аульное правление работало при нем из рук вон плохо, постоянно были злоупотребления властью, прямые мошенничества, взятки,² Абдуразак Крымшамхалов был награжден за свою деятельность двумястами десятинами земли.³

Когда же Эльбурусский окружной суд вынужден был все же отстранить Абдуразака Крымшамхалова от должности аульного старшины, место его занял родственник — Асламбек Крымшамхалов⁴ — прапорщик царской армии, самый крупный крепостник Карачая, в хозяйстве которого работало около сотни крепостных крестьян и рабов. Так укреплялся союз царского самодержавия с горскими феодалами, фактически по-прежнему стоявшими во главе горских народов.

Наряду с бывшими владельцами в пореформенную эпоху, особенно в конце XIX в., к власти все больше рвались новые богачи — кулаки, разбогатевшие на торговле скотом, земельных спекуляциях и нещадной эксплуатации крестьянской бедноты. Они наряду со старой знатью получали чины, ордена и земельные пожалования от правительства и также верно служили царизму, помогая закабалить свой народ.

Аульные старшины, как и кулаки «помешаны на богатстве. Жажда наживы легким путем гложет их, и они не брезгают средствами для обогащения»,⁵ — писал В. Я. Тепцов. Избрание на должность старшины для них — путь к богатству. Надувательства, хищения, взятки — средство достижения своей цели. Поэтому так стремились они пробраться в должность, а раз попав туда — всеми силами стремились удержаться на этом посту как можно дольше.

Не удивительно поэтому, что в большинстве аулов старшины чуть ли пожизненно несли эту обязанность, баллатируясь в течение многих выборов. Так, в Теберде в течение многих лет старшиной был Ожай Байчоров, в Маре — Блимготов К. и т. д.⁶

Так выглядела новая аульная администрация, введенная правительством в горских аулах Кубанской области. Те же черты — взяточничество и вымогательство, подкупы и обманы царили и в окружных, а позже уездных и отдельных правлениях. Особенно прославился своим взяточничеством атаман Баталпашинского отдела полковник Братков. Как показало расследование его деятельности на этом поприще, он брал взятки всевозможных размеров, «не брезгуя и самыми малыми»⁷ — и всевоз-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 577.

² Там же.

³ ЦГВИА, ф. 400, Азиат. часть, 1871, ед. хр. 1, л. 20.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 577, л. 64.

⁵ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 100.

⁶ Полевой материал 1960, а. В. и Н. Мара. Чичханчиев Чонай.

⁷ ЦГИЛ Груз. ССР, ф. 521, оп. 9, ед. хр. 248, л. 15.

можных видов: брал деньги, муку, сыр и все, что угодно. Он не стеснялся вымогать их у самых бедных крестьян и богатых подрядчиков, грозил тому, кто отказывался платить ему.

Следуя примеру своего атамана, взяточничеством, подкупками и подлогами занимались все его подчиненные. «У нашего атамана, кто не берет взятку, тот нехороший человек, и служат хорошо те, кто берет взятки», — показывали свидетели.

Знаменательно, что раскрыв омерзительную картину нравственного падения атамана, Кубанская администрация не шла в этом ничего удивительного и наказала его тем, что устранив от занимаемой должности в Баталпашинском отделе, решила «предоставить должность атамана одного из отделов Кубанской области».¹

Карачаевцы, как и другие народы области, познали на собственном горьком опыте, что представляла собой чиновничье-бюрократическая машина самодержавной России, продажная и враждебная народу с низшей инстанции — аульных и сельских правлений, и до самых высших государственных учреждений.

Административные преобразования 60-х годов XIX в. в горских округах имели ту цель, «чтобы горское население Кубанской области было возможно более подготовлено к подчинению общим полицейским и судебным законам империи».² К концу 60-х годов правительство считало эту задачу выполненной, и сделало следующий шаг по пути «постепенного объединения»³ Кавказа. Таким шагом была отмена системы военно-народных управлений, ликвидация горских округов и подчинение горского населения общему для России гражданскому управлению.

С 1 января 1871 г. военно-народные округа Кубанской, как и Терской области были ликвидированы. Горское население вошло в состав общего населения уездов, на которые была разбита Кубанская область. Карачаевцы и абазины бывшего Эльборусского округа, черкесы, абазины и ногайцы Зеленчукского и Урупского округов вошли в Баталпашинский уезд, западные черкесы (адыгейцы) Лабинского округа — в Майкопский уезд, Псекупского — в Екатеринодарский уезд.

В эти же уезды вошли казачьи станицы, расположенные по соседству с аулами. Кроме того, в Кубанской области было 2 уезда почти исключительно с казачьим и русским населением — Ейский и Темрюкский.

В Баталпашинском уезде в 1871 году из 159 749 человек населения ягорцев было 44 507,⁴ в Майкопском — 25 620 человек. в

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 9, ед. хр. 248, л. 4.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53—112.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 13.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 411.

Екатеринодарском — 16 629, а всего горцев в Кубанской области — 86 756 человек из общего числа населения — 672 224 человека.

2. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

Одновременно с введением гражданского управления в горских округах вводились и новые судебные учреждения.

В основу нового судоустройства и судопроизводства был положен судебный устав 1864 г. Сословный княжеский и духовный суд заменялся бессословным гласным судом. «Одновременно с началом введения ныне действующих штатов, только что сформированными окружными управлениями должны были быть упразднены исключительные судебные права высших сословий и духовенства, с формированием постоянных судов из выборов от всех сословий», — сказано было в отчете по военно-народному управлению Кубанской области.¹

Однако на деле судебная реформа в горских округах была настолько урезанной и отягощенной военно-административным вмешательством, что имела мало общего с судебными уставами 1864 года.

По Положению 1866 г. для разбирательства спорных и тяжких дел жителей горских округов учреждались окружные словесные суды. Они рассматривали гражданские и уголовные дела. Что же касается политических дел, измены, возмущения против правительственных органов и т. д., то такие дела рассматривались комиссией военного суда, по назначению начальника Кубанской области.²

Окружные словесные суды состояли из 6 человек — председателя суда, 3-х депутатов-представителей от сословий и 2-х кадиев. Председателем суда всегда был окружной начальник. Это одно уже совершенно сводило на нет ту минимальную демократию, которую давали судебные уставы 1864 г. О какой же независимости суда от администрации можно говорить в таких условиях, когда суд целиком находится в руках этой администрации?

Нарушен был и принцип бессословности суда. Так как окружные суды вводились до отмены крепостного права в горских округах, то в случае спорных дел крепостных крестьян с их владельцами, представителем крепостных крестьян должны были выступать старшины, которые являлись за них в суд и давали показания.

Тем не менее, феодальная знать резко возражала даже против куцых мер по введению элементов судебной реформы. «Высшие сословия и муллы, не желая расстаться с своими исключительными правами на судебную власть в обществах, представили народу в невыгодном свете учреждение судов и выборов

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53—112.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 879, ед. хр. 12 б. л. 108—113.

от всех свободных сословий и тем замедлили ход выборов», — говорилось в отчете о военно-народных управлениях.

Выборы депутатов и кadies происходили в обстановке острой борьбы. Принцип тайного голосования создавал видимость демократичности выборов, на деле же в суд редко проходили истинные представители народа. Путем уговоров, подкупов и запугивания, при покровительстве администрации области на общественные должности в суде и аульном правлении проходили все те же бии и цулаки.

Н. М. Рейнке, изучавший горские и народные суды Кавказского края, так описывал предвыборную кампанию со слов очевидцев: «Желающие попасть в депутаты не жалеют ни обещаний, ни угощений, ни денег; на подкуп выборщиков затрачивается по несколько сот рублей». «Баллотировка.—говорит один очевидец,— походит на продажу с публичного торга выгодных должностей депутатов горского суда».²

Окружные суды рассматривали главным образом дела по имущественным искам, кражам, увозу женщин, мошенничеству. Большинство дел (имущественные и др.) решались на основании адата. Семейные дела, наследственные, разводы, споры о калыме и т. д. решались по правилам шариата.

Рассмотрение дел было гласным и словесным. Судопроизводство велось на русском языке, поэтому все показания переводились специальными переводчиками.

Наиболее распространенным видом наказания был штраф. Штрафы брались за кражу, за похищение женщин и незаконные связи с ними, за драки и неисполнение решений суда. Так, в 1867 г. по решению Эльборусского окружного суда с разных лиц взято штрафов на сумму 2 065 рублей.

Эльборусский окружной суд собирался в Кумском абазинском ауле, а кроме того, выезжал по мере надобности на места, туда, где надо было производить судебные разбирательства. «Такой порядок был необходим для того, чтобы не вызывать по некоторым делам свидетелей и вообще прикосновенных к делу лиц, с дальних расстояний, тогда как приезд в известную местность разрешал разом многие дела в самое непродолжительное время, тогда как иначе их пришлось бы откладывать и растягивать на два, на три или более того сроки», — объяснял начальник Эльборусского округа и он же председатель окружного суда Н. Петрусевич.

Первые годы своего существования горские словесные суды были очень загружены массой мелких тяжб и исков. После создания в 1868 г. аульных судов все мелкие дела были переданы им.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53—112.

² Н. М. Рейнке, Горские и народные суды Кавказского края. Журнал министерства юстиции. 1912, № 2, стр. 17.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 43, л. 152—153.

Аульные судьи избирались аульным сходом, а затем утверждались окружным начальником. Их компетенции подлежали маловажные дела: споры и тяжбы между жителями аула ценою до 50 рублей и маловажные проступки: обиды словом или побой без причинения увечья, злоумышленная запашка или порча чужого поля, порча изгороди, употребление при торговле неправильных аршинов и весов, кражи, не превышающие 30 рублей стоимости похищенного и т. д.¹

Соответственно этому невелики были и наказания: общественные работы до 6 дней, денежные взыскания до 3-х рублей и арест до 7 дней.

Если иск превышал 50 руб. или тяжба касалась лиц из другого аула, то дело подлежало рассмотрению в общих судебных учреждениях.

Аульный суд собирался обычно в дни, свободные от сельских работ. Решения и приговоры аульного суда приводились в исполнение аульным старшиной или помощником.

В течение 60-х годов горские суды, как аульные, так и окружные, руководствовались в своих действиях в основном адатами, а кроме того, одновременно изданными инструкциями административных властей. И инструкции и адаты не могли явиться основанием для строгой законности, инструкции часто не были согласованы друг с другом, отрывочны, не точно отредактированы, так как «издавались лицами, вовсе не подготовленными к законодательской работе».² Адаты же «в разнородном населении округов иногда существенно разнятся один от другого», а кроме того, изменения общественного быта породили большое количество дел, не имевших прецедента в адатном праве. Все это очень осложняло и порой запутывало судопроизводство.

30 декабря 1869 г. в Кубанской области были введены судебные уставы, изданные 20 ноября 1864 г., но на горские округа судебная реформа не распространилась и на этот раз. Вместо введения общеимперских судов в горских округах создавались «горские словесные суды», аналогичные существовавшим горским окружным судам. Таких судов было открыто три: Екатеринодарский, Баталпашинский, Майкопский.

Для руководства работой судов 18 декабря 1870 г. были утверждены детальные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей, составленные на основании указа о преобразовании судебной части. Но и это были снова «временные» правила, которые вводились «впредь до полного введения судебных уставов 20 ноября 1864 г. в местностях, занимаемых горским населением Кубанской и Терской областей».³

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 13, 1868, ед. хр. 93, л. 16.

² Н. М. Рейнке. Ук. соч., стр. 13.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 15, 1870 г., ед. хр. 143, л. 9.

Таким образом судебная реформа, растянувшаяся в горских округах на несколько лет, так и не была фактически проведена в жизнь, подменяемая различными инструкциями и временными правилами.

«Хотя в пределах всего Кавказского наместничества и введены судебные уставы 20 ноября 1864 г., но в разных частях края допущены столь существенные от них отступления, что объединение судебной организации является лишь мнимым»,¹ писал упомянутый уже Н. М. Рейнке.

Временные правила для горских судов были попыткой, и притом, по выражению Н. М. Рейнке—неудачной—применения к горским и народным судам начал русского судопроизводства».²

Первой судебной инстанцией был горский словесный суд, который, как прежде окружной суд, состоял из председательствующего в нем окружного или уездного начальника, его помощника и депутатов от населения. Второй судебной инстанцией в Кубанской и Терской областях не было, жалобы на решения горских судов можно было приносить начальству области. Этим еще раз подчеркивалась зависимость суда от администрации, несовместимая с духом судебных уставов 1864 г.

Назначение времени заседания суда, дел, подлежащих рассмотрению, ведение судебного заседания, а часто и вынесение приговора зависело от председателя суда — окружного или уездного начальника. За возражения на суде и «нарушение спокойствия и благопростойности» председатель мог подвергнуть виновных штрафу от 25 коп. до 3-х рублей.³

Выбор судей и кадия также, фактически, зависел от администрации. Аульные общества выбирали доверенных лиц, из числа которых начальник округа, а позже атаман отдела назначал депутатов и кадия. Параграф пятый Временных правил официально подчеркивал зависимость суда от администрации: «Горские словесные суды непосредственно подчинены начальнику области, от которого зависит наложение взысканий дисциплинарных на лиц, служащих в этих судах, и распоряжения о предании виновных суду, в случае более важных преступлений по должности».⁴

Подсудности горских словесных судов подлежали гражданские дела и часть уголовных: о кражах с оружием и без оружия, если цена похищенного не превышала 300 рублей и если кража совершена в первый или во второй раз, дела о похищении, растлении и изнасиловании женщин и т. д.

Если же цена похищенного превышала 300 руб. или преступник уже был судим за аналогичные действия, дело считалось неподсудным горскому суду и рассматривалось общими

¹ Н. М. Рейнке. Ук. соч., стр. 4.

² Там же, стр. 10.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 15, 1870, ед. хр. 143, л. 9.

⁴ Там же.

судебными учреждениями. Также не мог горский суд рассматривать дел, если истец или ответчик не принадлежали к горскому населению.

Основания для вынесения решений по-прежнему оставались нечеткими и двойственными. Одни дела рассматривались по адату (кражи, умыкание женщин, увечья), другие по шариа-ту (дела о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных правах супругов, о законности рождения и наследстве).¹ Дела же для решения которых обычай не сложился, рассматривались по законам Российской империи.

Разнородны были и наказания: по адату — вознаграждение пострадавшего, штраф и высылка из общества, по русским законам — тюремное заключение и высылка во внутренние губернии и в Сибирь.

Наряду с элементами русского судопроизводства в горских словесных судах сохранился целый ряд пережиточных судебных норм. Так одним из веских доказательств невиновности обвиняемого была присяга (ант) его самого или родственников — соприсяжников — «Отказ заподозренного от принятия очистительной присяги или неподтверждение его невиновности кем-либо из его соприсяжников служит основанием для обвинения»,² — писал Н. М. Рейнке.

Свидетельские показания женщин или не принимались совсем или принимались в том случае, если были подтверждены под присягой мужем или братом.

Таким образом, горский словесный суд представлял собой как бы временную, переходную ступень от патриархально-феодалного суда дореформенного периода к общеимперским судам, созданным по судебным уставам 1864 г.

Положительная роль его и значение заключались в том, что суд изымался из-под исключительного влияния дворянства и духовенства и становился достоянием более широких масс народа. Однако изъяв суд из-под произвола князей и духовенства, кавказская администрация подчинила его своей колонизаторской политике.

Под влиянием изменений социально-экономических условий и все более тесного общения с русским населением Кубанской области, у горцев, в том числе и у карачаевцев, менялись понятия о справедливости и праве. Все больше появлялось дел, которые нельзя было подвести под старые, устаревшие нормы. «Само население избегает обращаться в горские и народные суды, предпочитая им общие судебные установления»,³ — писал Н. М. Рейнке. Однако царизм не торопился с введением единой законности для всех народов империи и даже когда начальник Кубанской области поставил в 1962 г. вопрос об упразднении

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 15, 1870, ед. хр. 143, л. 13.

² Н. М. Рейнке. Ук. соч., стр. 28.

³ Н. М. Рейнке. Ук. соч., стр. 51.

горских словесных судов и замене их общеимперскими, наместник Кавказа отверг это предложение.

До самой Великой Октябрьской социалистической революции карачаевцы, как и другие народы Кавказа так и не получили общероссийских судебных учреждений, что было одним из проявлений царской политики колониального угнетения.

3. РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ 80-х гг.

Революционная ситуация 1879 — 80-х гг. и последующая реакция оказали большое влияние на политическую обстановку и административное устройство Северного Кавказа.

Обострение социальной борьбы в горских аулах в конце 70-х годов вызвало большое беспокойство у кавказской администрации. Усилились аресты, высылка «неблагонадежных лиц» и другие проявления жестокого колониального режима. Так, в ауле Натырбей были арестованы Мекегов и Мукаев за «намерение уговаривать людей к народному возмущению».¹

По Баталпашинскому уезду также прокатилась волна репрессий. В Тебердинском ауле были арестованы Юсуп Боюнсuzов, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков, обвиненные в государственной измене. Юсуп Боюнсuzов был приговорен к 5 годам ссылки, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков — к 2 годам.² Составлялись списки горцев, предназначенных к высылке из края «административным порядком». Недовольство народов Кавказа колониальным режимом пытались использовать турецкие агенты и мусульманское духовенство, которые вели антиросийскую агитацию. Особенно усилилась эта деятельность в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда Кавказ был буквально наводнен агентами. Они распространяли ложные слухи о ходе войны,³ подбивали горское население на диверсионные провокационные действия. Так, начальник станции Коноково доносил, что носятся слухи по случаю войны с Турцией, якобы «жители соседних аулов намереваются напасть на станцию или вообще на линию железной дороги с целью прекратить движение поездов и действие телеграфа».⁴ Однако агентам не удалось сманить жителей на эту провокацию, поэтому страхи администрации оказались напрасными.

Революционная ситуация и вызванные ею полумеры для заигрывания с народом сменились жесточайшей реакцией 80-х годов. Наступила пора «такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели»,⁵ — писал В. И. Ленин.

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 3, ед. хр. 106.

² ГАКК, ф. 462, оп. 3, ед. хр. 130.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 3, ед. хр. 129, л. 1.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 3, ед. хр. 106, л. 12.

⁵ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 1, стр. 267.

В эти годы еще более обострился колониальный гнет и русификаторская политика царизма. У горских народов были отобраны даже те небольшие политические права, которые были даны им в 60—70 годы.

Все управление областью было военизировано и подчинено казачьей администрации. Казачество в эти годы было одним из оплотов царизма, поэтому правительство стремилось повысить его роль и значение.

В проекте преобразования административного управления Кубанской и Терской областей и Кубанского и Терского казачьего войска с циничной откровенностью сформулированы задачи, которые возлагало на казачество самодержавие. Правительство «воздвигало из казачьих станиц живой оплот на своих южных окраинах, оплот, который должен был сперва оградить спокойствие внутренних провинций от хищничества горцев, а затем стеснить и задавить этих горцев в их собственных землях».¹

В пореформенный период в среде самого казачества далеко пошло имущественное и политическое расслоение. Выделилась казачья верхушка, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти и огромные земельные владения. Именно эта казачья верхушка и была тем оплотом самодержавия, который так нужен был ему в годы реакции. Казачья беднота и поселившиеся в большом количестве в станицах иногородние были враждебно настроены к казачьим старшинам.

Эту борьбу внутри казачества правительство рассматривало как упадок казачества и искало срочные меры к поддержанию прежнего «казачьего духа». «Военный министр высказал, что если упадок казачества есть даже последствие естественного хода вещей, а не ошибок законодательства и администрации, то и тогда для поддержания утраченного² духа казачества необходимо принять теперь же исключительные, хотя бы и искусственные меры, удержав их до тех пор, пока казачьи войска будут признаваемы необходимым и важным элементом нашей армии, каким они признаются ныне»,³—сказано в переписке по поводу преобразований в управлении Кубанской и Терской областей.

Исключительные меры нужны были, чтобы «сохранить казачество как отдельное сословие и поддержать его бытовые особенности»⁴ и в угоду этому приносились в жертву интересы всех остальных групп населения области — горцев, горожан и иногородних. «Находящееся на территории Кубанского и Терского казачьих войск местное население, как казачье, так и иногороднее подчинить в полицейско-административном отно-

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 5.

² Сохраняется выражение документа.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 20.

⁴ Там же, стр. 19.

шении военному министерству, присоединив к Терскому войску от Ставропольской губернии Караногайское приставство и оставив округа Терской области с сплошным населением в подчинении министерства внутренних дел».¹ В Кубанской области, где казачьи станицы преднамеренно вклинивались в горские округа, местному населению не оставили никакого самоуправления, отдав всю власть в руки казачьей администрации.

При этом ответственность за свою реакционную политику пытались свалить на самих же горцев, которые якобы «продолжают по-прежнему коснеть в фанатических заблуждениях и весьма мало подвинулись вперед в своем гражданском развитии».² Авторы проекта нового положения об управлении Кубанской и Терской областями не скупились на упреки в адрес реформ 60–70-х годов, которые дали горцам минимальные политические права: «Недостатки общественного строя горцев во многом даже увеличились, т. к. сельские общества, обязанные, по представленному им сельским положением праву, следить за поступками своих однообщественников оказались в силу бытовых и религиозных своих убеждений... несостоятельными».³ Критика местного самоуправления нужна была для того, чтобы оправдать военизацию административного управления Кубанской области и лишение горцев даже тех небольших политических прав, которые были даны им в 60-х годах.

«Что касается политической жизни горских племен, то и в этом отношении дарованные горцам гражданские права не принесли благоприятных результатов».⁴ И как вывод — необходимость лишения горцев этих гражданских прав и введения военной диктатуры казачьих начальников. Это якобы более соответствует «бытовым условиям горцев» и их традиционному взглядам на значение власти», поэтому «является серьезная необходимость усилить значение и права местной власти и строгость надзора за ними».⁵

В результате административных преобразований 80-х годов гражданское управление и гражданские органы власти в Кубанской области упразднены и заменены военно-казачьими.

С 1888 г. Кубанская область делилась на 7 отделов:

1. Ейский с главным городом Ейск.
2. Темрюкский с главным городом Темрюк.
3. Екатеринодарский с главным городом Екатеринодар.
4. Майкопский с главным городом Майкоп.
5. Кавказский с центром ст. Кавказская.
6. Лабинский с центром ст. Лабинская (одно время —

Армавир).

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 19.

² Там же, л. 27.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 27.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

7. Баталпашинский с центром ст. Баталпашинская.

Кроме того, в Кубанскую область входил Черноморский округ.

Все население отделов и округа как казачье, так и горское было подчинено начальнику области, который был одновременно и командующим войсками и войсковым наказным атаманом. Пределы его власти значительно расширились, особенно в отношении горского населения. Он получил право карать и наказывать горцев без суда и следствия, «подвергать их, по личному своему усмотрению или по представлению начальника округа и атамана отдела, аресту на срок не свыше 6 месяцев, а при укрывательстве и невидче аульными обществами виновных в преступлениях, налагать на такие общества денежные штрафы до 500 рублей для вознаграждения потерпевших или на устройство мест заключения».¹

По этому же положению от 21 марта 1888 г. горское население отделов ставилось под контроль участковых начальников. Баталпашинский отдел, горское население которого превышало 50 тыс. человек (58 719 чел. по данным 1897 г.) был разделен на 2 участка: Бибердовский и Хумаринский. В Бибердовский участок вошли черкесские, абазинские и ногайские аулы, лежащие по долинам Большого и Малого Зеленчуков, а также по Кубани ниже Хумаринского укрепления. Все населенные пункты верховьев Кубани и ее первых притоков и Кумы (в основном карачаевские, а также несколько абазинских и 1 черкесский аул) вошли в Хумаринский участок.

Во главе участков были поставлены участковые начальники, которым передавалась вся полнота власти. Под их контролем оказывались все должностные лица аулов, финансы, суд. Это были верные стражи самодержавного режима, обязанные «следить за настроением жителей»,² вести списки лиц подозрительного поведения³ и т. д.

Без ведома участкового начальника нельзя было проводить выборы сельских старшин и других представителей сельской администрации. Мало того, даже «правом выбора своих мулл и кадия горского суда общество пользуется только номинально, а не фактически»,⁴ — писал в своем докладе правителю канцелярии Кубанской области войскою старшина Султан Аслан-Гирей.

Таким образом, введение института участковых начальников, которые осуществляли контроль над всеми сторонами жизни горского населения, сводило фактически на нет даже те кущие политические права, которые были даны горскому населению Кубанской области в 60—70 годах XIX века.

¹ ЦГВИА, ф. 400, ед. хр. 72, л. 47.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5299, л. 4.

³ Там же, л. 10.

⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5299, л. 15.

Реакционную политику царизма на Кавказе в 80-х годах XIX в. бичевал и великий демократ Кавказа — К. Л. Хетагуров: «С преобразованием Баталпашинского уезда в отдел того же названия, отношения к туземцам администрации, состоящей почти исключительно из казаков, резко изменилось к худшему. У них было отнято право выбора старшин, которые стали вербоваться по рекомендации участковых начальников, атаманом отдела из кадров лакеев и вестовых, которые и в должности старшины остаются теми же покорными слугами начальников участка, а потому вся их деятельность, руководимая только усердием угодить начальству — идег совершенно в разрез интересам туземного населения».¹

Население аулов было связано круговой порукой и несло ответственность не только за недоимки и другие проступки членов сельского общества, но и за все преступления, которые совершались на аульной земле и прилегающих к аулу дорогах. Царизм пытался свалить на горцев вину за любое происшествие в горах, натравливая этим русское население на карачаевцев и черкесов и разжигая между ними вражду. Эти проявления воинствующего великодержавного шовинизма правительства Александра III были теми путями, которыми пыталось оно связать горские народы, затормозить их поступательное движение и сближение с русским и остальными народами империи.

Но как бы ни тормозила развитие народов колониальная политика царизма, особенно разнузданная в конце 80-х годов XIX в., она не могла повернуть вспять исторического процесса, помешать втягиванию горских народов в общий поток экономического и социального развития России и неуклонному сближению ее народов.

¹ ЦГВИА, ф. 4, оп. 69, ед. хр. 89, л. 8—9.

Раздел II.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАРАЧАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Глава III.

ВКЛЮЧЕНИЕ КАРАЧАЕВСКИХ АУЛОВ В ОБЩЕЕ РУСЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БАТАЛПАШИНСКОГО УЕЗДА

1. РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВЕРХОВЬЕВ КУБАНИ И ЗЕЛЕНЧУКОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Русская колонизация верховьев Кубани и Зеленчуков началась в 50-х годах XIX века. В первой половине века русское население в этом районе было незначительным. Казачьи станицы на правом берегу Кубани тянулись от Тамани до устья Урупа, а дальше на юг шли лишь редкие укрепления и редуты. Последними опорными пунктами русских войск на Кубани в начале века были редуты Баталпашинский и Усть-Тохтамышевский, основанные в 1804 году.

«Отсель начинается до Каменного моста порожнее место, не занимаемое нашими постами»,¹ — писал в 1805 году генерал-лейтенант Дельпоцо наместнику Цицианову. В этом же рапорте он предлагал основать несколько новых укреплений, чтобы «границу р. Кубань до Каменного моста занять нашими крепостями».²

В 1824—25 гг. казачьи станицы Хоперского полка, охранявшего Кубанскую границу в верховьях Кубани, были перенесены ближе к реке. Так возникли станицы: Баталпашинская, Невинномысская, Барсуковская на Кубани, Бекешевская и Карантинная на Куме. Для усиления обороны в станице Баталпашинской было поставлено 2 медных орудия, в Беломечетской и Невинномысской по одному медному и одному чугунному.³ Но и после этого участки границы между Каменным мостом и Прочноокопской крепостью оставались самым слабым пунктом Кубанской границы.

В 30—40-е годы Баталпашинский участок был усилен новыми постами: Усть-Барсуковским и Барсуковским, Преградным, Донским, Невинномысским, Усть-Невинномысским, Осто-

¹ АКАК, том II. Тифлис, 1868, стр. 972.

² Там же, стр. 974.

³ В. Толстов. История Хоперского полка Кубанского войска. Тифлис, 1900, стр. 181.

рожным, Беломечетским, Ямал-Джанчинским, Усть-Джегутинским, Учкулским, Ямановским, Ново-Николаевским, Наблюдательным, Хумаринским, «Под камнем» и башней у Каменного моста.

Кроме этого, кордонная линия шла от поста Усть-Джегутинского по ущелью реки Джегуты и затем на Куму, здесь стояли посты: Таркачинский, Джеганасский, Кладбищенский, Бекешевский и Карантинный.¹

В 1840 году командование решило передвинуть верхнюю кордонную линию с Кубани на Лабу, а пространство между Кубанью и Лабой заселить казачьими станицами.² Этим было положено начало колонизации Закубанья. Это была военная колонизация, преследовавшая прежде всего стратегические цели — опоясать цепью станиц Кавказские горы, закрыть выходы из горных ущелий, держать в своих руках все переправы и перевальные пути. В 1856 году на Урупе была основана станция Попутная, годом позже — Отрадная. В 1858 г. — Удобная. В этом же году на Большом Зеленчуке поставили станцию Исправную, в следующем — Зеленчукскую, а на Кардонике — Кардоникскую.

Основанием в 1860 году станицы Преградной на Урупе и в 1861 г. — Усть-Джегутинской и Верхне-Николаевской на Кубани было завершено создание цепи казачьих поселений в верховьях Кубани, Зеленчуков с притоками и Урупа. Станицы эти стерегли горные проходы и отрезали черкесские, абазинские и ногайские аулы от нагорных районов. Только карачаевские аулы оставались в горах за линией станиц.

Это была в основном военная колонизация. Крепостническая Россия еще не ставила себе задачи экономического «завоевания» Кавказа, хотя русский капитал уже искал себе новые рынки. Но сам факт поселения в горах русского населения имел большое значение для экономического развития края и населявших его горских народов. Основание казачьих станиц сопровождалось прежде всего изменением поземельных отношений. Значительная часть земель была объявлена войсковой собственностью и отдана под казачьи станицы. Земли нагорной полосы были взяты в казну.

Население казачьих станиц в первые годы было в основном казачьим. Душевой надел колебался от 20 до 30 десятин. Так, в станице Баталпашинской в 70-е годы на одну мужскую душу приходилось 27,5 десятины земли, в Усть-Джегутинской — 34,9.³ Большая часть юртовой земли не делилась, а находилась в эти годы в общем пользовании.

Начало земельному неравенству в казачьих станицах было

¹ В. Толстов. Ук. соч., стр. 187—188.

² П. П. Короленко. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринбург, 1896, стр. 49.

³ ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 114.

положено в первые же дни после основания станиц. Так, например, в станице Усть-Джегутинской рядовым казакам было положено около 30 десятин, 5 офицерам по 200 десятин и одному — 100.¹

Одновременно с казачьим землевладением в 60—70-е годы складывалось и помещичье, возникшее от раздачи бывших горских земель офицерам и генералам Кавказской армии и представителям администрации и горской знати.

Огромные латифундии по 3—4 и 5 тысяч десятин были отмежеваны в течение 1862—1873 гг. генералам Забудскому (4175 десятин), Граббе (6050 десятин), Коцебу (6069 десятин), Врангелю (6056 десятин), Филипсону (6039 десятин), Грамотину (3012 десятин), внукам генерала Андроникова (3005 десятин), полковникам из горцев Капланову-Нечеву (5371 десятин), Мусе Туганову (5000 дес.), Лоову (3345 дес.),² сотни десятин давались офицерам и представителям дворянских фамилий.

Землевладение и землепользование в Баталпашинском уезде на 1879 г. представляло собою следующую картину:

казне принадлежало —	761891 десятина
помещикам —	164292 десятины
частным компаниям —	665 десятин

В общинном пользовании:

государственных крестьян —	38988 десятин
казаков —	673360 десятин
аулов —	135349 десятин
колоний —	4357 десятин

Всего в уезде: 1778901 десятина³

Как видно из таблицы, основная часть земель, которыми пользовались прежде карачаевцы, черкесы, абзины и ногайцы, была изъята из их пользования и передана войску и казне. Львиную долю, причем лучших земель роздали частным собственникам. В руках менее чем 300 лиц оказалось больше земли, чем у сорока тысяч горского населения уезда.

Количество населения в уездах Кубанской области росло очень быстро за счет массовой колонизации края. В период с 1872 по 1904 гг. на Кубань переселилось около миллиона человек и население увеличилось с 733 до 2248 тысяч человек.⁴

В 1870 году на Кубани немного ниже впадения в нее р. Терберды возникло осетинское селение, названное вначале Шо-

¹ Памятная книжка Кубанской обл. на 1877 г. Екатеринодар, 1877, стр. 132—133.

² ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 129—133.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 59, л. 237—238.

⁴ М. П. Бабичев. Массовые волнения крестьян и казаков Кубани в годы первой русской революции. Сборник «Наш край». Материалы Краснодарского края, вып. 1, Краснодар, 1960, стр. 84.

анинским, по названию реки Шоаны, а затем получившее название Георгиевско-Осетинского.

Заселили его выходцы из Зругского ущелья в Осетии. Там они страдали от малоземелья, скудности почв, при которой даже ячмень едва вызревал, от тяжелых феодальных повинностей в пользу грузинских князей Мачабели. Поэтому, когда им предложили переселиться на свободные земли нагорной полосы Кубанской области, осетины охотно согласились.

Посланная в 1869 году делегация в Кубанскую область осмотрела местность в верховьях Кубани и высказала согласие на переселение. Вот так описывал переселение жителей Зругского ущелья великий осетинский поэт Коста Хетагуров, отец которого был одним из инициаторов переселения: «В семидесятих годах не было железных дорог, переселение совершалось на арбах. Сто пятьдесят семейств плелись длинной вереницей скрипучих арб больше месяца от сел. Ардон до слияния рек Теберды и Кубани».¹

Вместе с жителями Зругского ущелья на место нового поселения на Кубани переселились безземельные крестьяне и из других ущелий. Переселенцам были даны небольшие льготы по уплате государственных податей и повинностей.²

Новый этап колонизации Закубанья начинается после завершения Кавказской войны, когда, по словам В. И. Ленина, началось экономическое «завоевание» Кавказа Россией. «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России».³

На Кавказ хлынули самые разнородные элементы: капиталистические предприниматели всех мастей; крупные овцеводы — тавричане, которых гнала на Кубань жажда наживы; — массы безземельного разоренного крестьянства России. Крестьяне шли и ехали на Кавказ в поисках свободных земель, работы и хлеба. Но только те и них получили землю, кому удалось поселиться в крестьянских селах. Большинство же оседало в станицах в качестве иногородних, лишенных права на получение земельного надела.

В Баталпашинском уезде на 1 января 1881 г. было 146503 человека из них:
коренных — 126520

¹ Цитирую по работе: Д. А. Дзагуров. Заметки о сельском хозяйстве Северной Осетии во второй половине XIX — начале XX века. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXII, вып. III. 1960, стр. 349.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 162, л. 148.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520—521.

Первые поселенцы селения Георгиевско-Осетиновского

(фотография 1904 г.).

Фото представлено И. А. Татаровым.

иногородних, имеющих оседлость — 12249
иногородних, не имеющих оседлости — 7734

По условиям эти 146 тысяч распределились следующим образом:

казаки	— 45,8%
горцы	— 33,5%
крестьяне	— 16,9%
колонисты	— 0,8%
мещане	— 0,7%
купцы	— 0,1%
итого	— 97,8%

Остальные 2,2% — дворяне, духовенство, иностранцы.¹

Семь с лишним тысяч иногородних, не имеющих оседлости, — это батраки, живущие случайным заработком, бедняки, кочующие по уезду в поисках работы. Некоторые из них приезжали на Кубань лишь на период уборки хлеба и сенокоса, когда требовалось больше всего рабочих рук и выше всего была плата за труд. Поденный заработок сельскохозяйственных рабочих на Кубани был много выше, чем в центральных губерниях.

Но большинство поденщиков, приехавших на заработки, не возвращалось в Россию. Тучные пастбища и богатые поля, необозримые просторы кубанских степей притягивали к себе изголодавшихся нищих крестьян России. И хоть трудно было русскому мужику попасть на Кубани в число землевладельцев, он оставался здесь, надеясь в конце концов получить хоть клочок земли.

Число иногородних во всех отделах Кубанской области росло с каждым годом. Если в 1881 г. в Баталпащинском уезде их было менее 20 тысяч, то к началу XX века эта цифра возросла до 75 тысяч. «В каждой станице, в каждом хуторе вы встретите иногороднего. Нет такого уголка на Кубани, куда не проник этот настойчивый искатель «счастья», — писал автор статьи об иногородних в газете «Терек».²

К 1906 г. по горным станицам Баталпащинского отдела иногородних насчитывалось:

	коренных	иногородних
В ст. Зеленчукской	4426	1066
в Кардоникской	5072	791
в Красногорской	987	320
в Преградной	3028	211
в Сторожевой	3571	781
в Исправной	5011	1228
в Усть-Джегутинской	2372	1847

¹ Памятная книжка Кубанской области на 1881 г., стр. 97.

² Газета «Терек» от 17 июля 1907 г.

До 1868 г. иногородним запрещалось даже покупать или арендовать землю в пределах казачьих юртов. В 1868 г. это ограничение было снято. Иногородние в большом количестве арендовали и покупали землю, что вело к росту запасек и еще более усиливало крестьянскую колонизацию Кубани. Несмотря на массу ограничений, на политическое бесправие иногородних, усиление нажима на них в 80-е годы¹ приток иногородних не прекращался, в связи с чем все более росла и крестьянская запашка.

Наряду с поселением в казачьих станицах, крестьянские переселенцы основали несколько сел в Баталпащинском уезде. В 60-х годах возникло на левом берегу Большого Зеленчука село Ивановское и на верховьях р. Казьмы — село Казьминское. Оба они были заселены выходцами из разных губерний России, Казьминское — главным образом из Воронежской губернии.

В 1868 г. жителями сел было посеяно и собрано хлебов (в четвертях):

Село	Оз.пшеницы		Р ж и		Кукурузы		Проса	
	посе- яно	собра- но	пос.	собр.	пос.	собр.	пос.	собр.
Казьминское	40	80	5	10			5	14
Ивановское	по случаю поздней пахоты всходы выгорели							
Рождественское	58	30	17	7			6	10
Колония менонитов	108	272	24	73			7	19

Посевы быстро возростали. По данным 1894 года в селе Казьминском было посеяно 3,5 тыс. четвертей, снято свыше 21 тыс. четв., в с. Ивановском посеяно полторы тысячи, снято свыше 10 тыс. четв.²

В 1864 году между Кубанью и рекою Казьмою поселились менониты, переселившиеся из Таврической и Екатеринославской губерний.³

Недалеко от станиц Зеленчукской и Сторожевой были основаны крестьянские села Пантелеймоновское и Ермоловское.

Неказачьими поселениями были такие села: Богословское, Ольгинское, Великокняжеское, Рождественское, Новомихайловское, Кубанское. Население этих сел занималось, как и местные жители соседних аулов, и земледелием и скотоводством.

В этих селах аграрный капитализм не встречал для своего развития таких препятствий, какие встречал он в центральной России или даже в казачьих станицах. В них не было ни помещичьего, ни казачьего землевладения, не было никаких пе-

¹ Л. М. Мельников. Иногородние в Кубанской области. Кубанский сборник. т. VI, Екатеринодар, 1900.

² Кубанская справочная книжка 1894, стр. 38—39.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 124.

режитков крепостнических отношений, так как возникли они после отмены крепостного права на государственных, а не на частных землях.

Поэтому именно здесь, около этих сел, возникали наиболее крупные в Баталпашинском уезде экономии — фермерские хозяйства капиталистического этапа. Таковы экономии: Мазаевых, Макеевых, Николенко, Штейнгеля, Стоялова и других.

Рабочей силой в экономиях были наемные сельскохозяйственные рабочие; широко использовались усовершенствованные орудия и машины.

Это и было развитие капитализма «вширь», типичное для пореформенной России. Обилие феодальных пережитков, экономическая отсталость России тормозили развитие капитализма «вглубь», т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и промышленности на данной территории.¹ Тем большую роль играло для России развитие капитализма «вширь» — освоение новых территорий за пределами центральной России, вовлечение этих территорий в общее русло экономического развития России, в мировое товарное обращение.

Русский капитализм создал на Кавказе рынок сбыта и рынок сырья для своей заводской промышленности. Московские и ивановские ситцы, тульские и петербургские металлические изделия стали проникать в самые отдаленные глухие станицы и аулы. Это вело, с одной стороны, к упадку местного ремесла и домашнего производства. Но, с другой стороны, возроставшая потребность в продуктах сельского хозяйства стимулировала развитие на Кавказе таких отраслей хозяйства, как товарное земледелие и товарное скотоводство.

Кубанское зерно, скот и продукты скотоводства получили широкий рынок сбыта в центральных губерниях России и за границей. Спрос на зерно вел к увеличению посевных площадей, к оживлению экономической жизни Кубани.

Так, на полупустынных берегах верховьев Кубани и ее первых притоков, где в дореформенную эпоху лишь изредка высились сторожевые башни и редуты, да кое-где ютились горские аулы, во второй половине XIX века выросли многолюдные станицы и села, зашумели ярмарки и базары, потянулись обозы с хлебом и гурты скота.

Казачи, поставленные переселением в горы в непривычные, тяжелые для них условия, первое время бедствовали. Но вскоре акклиматизировались, переняли от горцев многие приемы ведения хозяйства, выработанные на основе векового опыта, в свою очередь научили их более тщательной обработке земли и познакомили с новыми культурами и породами скота.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

Л. В. Македонов, описывая хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области, подчеркивал факт заимствований жителями станиц приемов горского скотоводства, в частности, в заготовке кормов: «Сена накашивается недостаточно и его часто приходится покупать. Иногда на корм скоту идет дубовый молодой лист — «азиатское сено»: при рубке деревьев оставляются высокие пни, которые покрываются весной молодыми побегами — это и называется «азиатским сеном». Казаки заимствовали обычай пользоваться таким кормом у горцев, которые собирали лист по 2 раза в лето. Вообще от горцев осталось здесь много преданий, характеризующих их порядки землепользования».¹

Описанный Македоновым прием заготовки кормов широко применялся в черкесских и абазинских аулах.

Карачаевцы использовали листья только как корм для коз. В станицах же его стали применять и для крупного рогатого скота.

Горные аулы Черкесии и Карачая, жившие изолированно и замкнуто в глухих ущельях, оказались окруженными станицами и фермерскими экономиями, вступали с ними в торговые, арендные и другие отношения.

Особенно тесными оказались трудовые связи карачаевцев с жителями нагорных станиц Баталпашинского отдела: Преградной, Кардоникской, Сторожевой и Зеленчукской. Как и горцам, приходилось им главное внимание уделять скотоводству, так как хлебопашество в этой высокогорной местности не давало устойчивых доходов, хлеб часто погибал от ранних заморозков и градобитий. Дополнительным источником существования служил лесной промысел. Жители горных станиц, особенно иногородние, поставляли наравне с карачаевцами на базары и ярмарки уезда бревна, строительные материалы: стропильник, доски, шелевки, столбы, колья, турлук, дрань. Изготавливали из дерева предметы хозяйственного инвентаря: телеги, сани, ярма, вилы, грабли и предметы домашнего обихода: корыта, лопаты, скалки, рубели, буки.

Как и карачаевцы, покупали они на вырученные от продажи скота и леса деньги хлеб. «Жители повсюду не могут обойтись без покупного хлеба».² — писал Л. В. Македонов. Детально исследовавший экономику и быт нагорных станиц.

Карачаевцы, так страдавшие от малоземелия, арендовали у станиц тысячи десятин покосов и отавы.³ Бедняки шли в станицы наниматься табунщиками и косарями. Трудовое общение народов вело к взаимным заимствованиям: карачаевцы

¹ Л. В. Македонов. Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области. Кубанский сборник, том. X, стр. 23.

² Л. В. Македонов. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж. 1908, стр. 90.

³ Отава — трава, выросшая в тот же год на месте скошенной.

перенимали у соседней-станичников новые сельскохозяйственные культуры, новую более высокую технику полеводства, новые породы скота и так далее.

Русские в свою очередь учились у карачаевцев и черкесов горному скотоводству, отгону скота на летние пастбища, перенимали типы надворных построек, плетеные сапетки для хранения кукурузы, форму мужской одежды и многое другое.

Так развивалось хозяйственное сближение народов, крепili экономические и культурные связи.

Тесные связи и взаимное влияние народов были настолько бесспорными, что их была вынуждена признать и кавказская администрация, совсем не стремившаяся к сближению местного населения с русским. Начальник Кубанской области генерал Малама писал в своем рапорте командующему войсками Кавказского округа: «Заселение края и особенно земель, освободившихся за выходом горцев в Турцию, переселенцами из внутренней России, в свою очередь совершенно изменило условия быта горцев, превратив их постепенно из кочующих в горах скотоводов в оседлых хлебопашцев, имеющих постоянные соприкосновения с русскими и вступающих с последними в различного рода сделки, подчиняющиеся в этих случаях всем требованиям действующих в империи законов». Генерал Малама считал связи местного населения с русскими настолько значительными, что предполагал даже в дальнейшем возможность слияния народов: «Представители прежнего поколения, фанатически преданные обычаям своих отцов и дедов, частью умерли, частью переселились в Турцию, приняв там турецкое подданство. На смену им являлось новое поколение, воспитанное в духе уважения к русским законам, освоившееся с нравами и обычаями заселивших край русских поселенцев, прошедшие в значительной своей части школы русской грамоты, и если не окончательно еще слившиеся с коренным русским элементом, то уже близкие к этому слиянию».¹

§ 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БАТАЛПАШИНСКОГО УЕЗДА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Баталпашинский уезд (с 1886 г. отдел), занимал особое положение в Кубанской области. Самый горный из всех уездов; он включал ледники Эльбруса, горные цепи Главного Кавказского и Скалистого хребтов, лесные массивы Карачая и верховьев Зеленчуков, Урупа и Лабы, тучные пастбища предгорий и бескрайние степи предкавказской равнины.

В отличие от других уездов Кубанской области. специали-

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5300, л. 1.

зировавших на товарном земледелии, в Баталпашинском уезде, товарный характер приняло, главным образом, скотоводство. Русские переселенцы привезли с собой из бывшей Херсонской губернии серый украинский скот. Он был значительно крупнее горского скота, отличался большой силой и устойчивостью против инфекционных заболеваний.

На Кубани этот скот попал в значительно лучшие условия, чем у себя на родине. Обилие пастбищ, прекрасное качество их, привели не только к количественному росту стад, но к изменению самого скота. Серая украинская порода фактически переродилась в новую, которую стали называть кубано-черноморским отродьем.¹

Со второй половины XIX века, особенно с 70-х годов, эта порода стала проникать и в горские, особенно в карачаевские аулы, смешиваясь с местным скотом. В овцеводстве преобладающим оставались местные горские породы, более приспособленные к горным условиям, далеким перекочевкам и полуголодной жизни на подножном корму. Только в русских станицах Кардоникской, Сторожевой и в крупных экономиях северной части уезда разводили мериносовых овец.

В военно-статистическом обозрении Кубанской области подполковник Корольков писал: «Особенно развито овцеводство в верхнем и среднем течении Кубани. Центрами овцеводства являются станицы: Отрадная, Кавказская, село Казьминское, Иванювское, а также именные Хуторок близ с. Кубанского. Здесь разводят в значительном количестве тонкорунных овец. Горцы разводят овец для шерсти и мяса, но простых пород».²

Развивающееся скотоводческое хозяйство требовало большого количества сенокосов, пастбищ и выгонов. В первые годы после заселения Кубанской области русским населением, этих земель было в избытке, поэтому скотоводство было основной отраслью хозяйства, земледелие — приложением к нему.

Но высокое плодородие почв в области, рост спроса на кубанскую пшеницу вели к увеличению посевных площадей и тем самым сокращению пастбищных угодий. «Скотоводство, служившее в прежнее время главнейшим источником благосостояния казака, в последние годы заметно сократилось и видимо идет к упаду. Причина этого прискорбного явления кроется в усиленной разработке земли под сельскохозяйственные культуры, вызвавшей соответствующее сокращение площадей сенокосных и пастбищных угодий».³ — сказано в отчете о состоянии Кубанской области за 1898 год. Действительно, за один 1896 год скотоводство по области в целом сократилось на 254 560 го-

¹ Т. Г. Суходол. Карачаевский скот и первые итоги метизации его швицами. Пятигорск, 1940 г., стр. 12.

² Корольков, подполковник Генерального штаба. Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис, 1900 г., стр. 212—213.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1111, л. 35.

лов. Это уменьшение шло главным образом за счет овцеводства, т. к. поголовье овец сократилось на 370 тысяч голов.¹

И только в Баталпашинском уезде количество скота продолжало расти, хотя скотоводство также очень страдало от недостатка пастбищ и сенокосов, от роста запашки.

За 25 лет количество скота возросло почти на 200 тысяч голов. В уезде было:

	В 1871 году	В 1896 году
лошадей	62680	78383
Крупного рогатого скота	270975	277722
овец простых	748953	1004383
тонкорунных	18879	
ослов	1561	40127
свиней и др. скот	124804	
всего скота	1227852 ²	1400615 ³

Если сравнить количество скота, которое приходится на 100 душ населения, то цифры Баталпашинского отдела будут более чем в 2 раза превосходить средние. В этом же 1896 году в Баталпашинском отделе на 100 душ населения приходилось:

лошадей	36
овец и коз	463
рогатого скота	130
свиней	19
Всего	653 головы. ⁴

Средние цифры по области — 307 голов скота на 100 душ населения.⁵ В Майкопском отделе, где процент горского населения был также довольно велик, на 100 душ приходилось 224 головы скота.

Но средние цифры совсем не говорят об обеспеченности скотом всего населения, так как за ними крылось резкое имущественное неравенство. «Скот распределяется неравномерно, и более половины всего скота — в руках богатых хозяев (у 18% всех хозяйств)».⁶ Даже рабочим скотом, который держали не для продажи, а для ведения хозяйства, владели не все.

По данным Л. В. Македонова, в нагорных станицах Батал

¹ Кубанский календарь на 1898 год, стр. 66.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 416.

³ Отчет начальника Кубанской области за 1896 г.

⁴ Там же, стр. 89.

⁵ Там же.

⁶ Л. В. Македонов. Ук. соч., стр. 99.

пашинского отдела обеспечение рабочим скотом было следующим:

I. Семей без скота	223	или 8,3%
II. Семей без рогатого скота	113	4,3%
III. Семей с 1 лошадью или		
1 парой быков	763	29%
IV. Семей с 2 лошадьми или		
2 парами быков	868	33%
V. Семей с 3 лошадьми или		
3 парами быков	342	12,9%
VI. Семей с 4 лошадьми или		
4 парами быков	331	12,5% ¹

Лица, входящие в I и II группы были лишены всякой хозяйственной самостоятельности и являлись резервом батрачества. На грани бедности стояли и представители III группы. Первое же снаряжение в казаки подростого сына лишало хозяйство единственной лошади.

Еще острее было имущественное неравенство в северной части отдела, где были крупные экономии, эксплуатировавшие десятки и сотни наемных рабочих.

Скотоводство в Баталпашинском уезде прежде всего приняло черты товарного. Постройка сыроварен и маслозаводов способствовала развитию крупного молочного скотоводства. Денежный доход от продажи скота и продуктов скотоводства составлял в Баталпашинском отделе в начале XX века от 28 до 46 процентов. Наиболее высокие цифры были в нагорных станицах Преградной и Отважной.²

Одной из подсобных отраслей хозяйства в Баталпашинском отделе было пчеловодство. Обилие цветущих трав позволяло держать большие пасеки и обеспечивало высокое качество и ароматность меда. Ни в одном отделе Кубанской области не было такого количества пасек и ульев, как в Баталпашинском. Пчеловодство было одной из древних отраслей хозяйств у черкесов и абазин Кубани. Еще в XVII веке славились они своим чудесным медом. Важной статьей дохода был мед и на меновых дворах в XIX веке. Жители нагорных станиц также охотно занимались пчеловодством.

К началу XX века в Баталпашинском отделе было 137 крупных пасек, насчитывающих 21 тыс. ульев.³ Но все же основной отраслью хозяйства по-прежнему оставалось скотоводство.

Эта специфика хозяйственного развития Баталпашинского уезда объяснялась, с одной стороны, географическими услови-

¹ Л. В. Македонов, Ук. соч., стр. 100.

² Л. В. Македонов, Ук. соч., стр. 112.

³ Л. В. Македонов, Ук. соч., стр. 96.

ями: горным характером рельефа, наличием богатых альпийских лугов и недостатком пахотных земель.

Другой причиной был значительно больший процент в уезде горского населения, испокон веков занимающегося скотоводством.

Если в целом в Кубанской области горское население насчитывало едва 5% населения, то в Баталпашинском уезде горы составляли 1/3 часть населения.¹ Эти 33% сосредоточили в своих руках 58% скота, имевшегося в уезде.

В экономическом обзоре Кубанской области за 1892 год подчеркивался скотоводческий характер экономики Баталпашинского отдела: «Горское население Баталпашинского отдела ведет скотоводческое хозяйство; в равнинной части области встречаются отдельные хозяйства, ведущие крупное овцеводство».²

На территории одного только Карачая к 1894 году было:

лошадей	15299
крупного рогатого скота	59258
овец	241262. ³

Особенно значительным преобладанием Баталпашинского отдела было в области коневодства. Из 542 табунов Кубанской области в начале XIX века на Баталпашинский отдел приходилось 342⁴ т. е. больше половины, причем из всех табунов области только 26 были в руках казаков, остальные принадлежали большей частью местным горским коневодам и землевладельцам-овцеводам.⁵

Крупные капиталистические хозяйства Баталпашинского отдела были также по преимуществу скотоводческими. Овцевод Мазаев имел тысячи голов мериносовых овец, сотни коров и конный завод, насчитывавший 4 производителя и 75 кобылиц.

Скотопромышленник и овцевод Штейнгель также разводил мериносовых овец и имел свой конный завод под Армавиром. Эти капиталистические хозяйства специализировались на товарном скотоводстве, продавая ежегодно большое количество скота.

Так как скот разводился преимущественно высокогорный, то цены были значительно выше средних рыночных. Штейнгель продавал племенных быков по 2000 рублей, бычков по 125 рублей; племенных баранов от 10 до 12 рублей.⁶

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 411.

² Кавказский календарь на 1894 г., стр. 91.

³ Кубанская справочная книжка 1894 г., Еатеринодар. 1894 г., стр. 38—39.

⁴ ГАКК, ф. 545, оп. 2, ед. хр. 1236, л. 324.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1647, л. 633.

⁶ Кубанские областные ведомости, 1895 год, лл. 109, 110, 134, 136.

В станице Баталпашинской с 1896 года существовал конный завод Барабаша. Матки у него были донской породы, производители — кровные рысистые. Кроме того, Барабаш занимался и овцеводством.¹

Все эти капиталистические предприниматели участвовали на выставке животноводства Кубанского экономического общества в 1895 году. Многие из них получили награды за лучшие образцы скота: Николенко, Мазаев, Випс — по отделу молочного скотоводства; Мазаев, Барабаш — по овцеводству.

Награды по коневодству были присуждены горцам Баталпашинского отдела: ногайскому князю Капланову-Нечеву и черкесскому — Атажукину.²

Крупные скотоводческие хозяйства, как и горцы, на лето отгоняли скот в горы, на горные пастбища, чаще всего на Бичесын.

Скотовод Николенко арендовал землю для летних пастбищ у наследников генерала Андроникова на левобережье р. Теберды. Он хотел использовать эти земли для отгона овец. Но так как овцы в их хозяйстве были мериносовыми, не привыкшими к суровым условиям гор, они переносили перекочевки хуже, чем простые, особенно карачаевские овцы. Шерсть у них грубела на этих пастбищах.³ Поэтому попытка Николенко использовать для летних пастбищ карачаевские горы не увенчалась успехом.

Скотоводство носило в основном товарный характер. Скот из Кубанской области шел не только на внутренние рынки России, но и за границу: в Турцию, Грецию, Францию, на остров Мальту.⁴

Из Баталпашинского отдела, в частности, из Карачая, большое количество скота перегонялось для продажи в Закавказье, особенно в Сухуми.

Всего из Кубанской области в 1896 г. вывезено скота:

крупного рогатого скота:	107868 голов
мелкого	» 343347 голов

(из них 2000 овец в Марсель)⁵

Скот продавали и на обычных и на специальных скотских ярмарках, скупщикам, которые скупив скот на Кубани, перепродавали его в Центральных губерниях и в Закавказье.

Крупными торговыми и ярмарочными пунктами были ст. Баталпашинская, Невинномысская, Суворовская, Отрадная.

В этих станицах ежегодно происходили ярмарки, на которые стекалось все местное население. В станице Баталпашин-

¹ КОВ. 1895 г., л. 109, 143.

² КОВ. 1898 г., л. 110.

³ Полевой материал 1961 г. К. Теберда, П. А. Утяков.

⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 896, л. 130.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 896, л. 130.

ской ежегодно было 2 ярмарки—весенняя — в марте и осенняя — в октябре; в Невинномысской и Отрадной — в феврале и октябре, в Суворовской — в марте и ноябре. Обороты ярмарок были довольно высоки.

Так, в 1878 году привоз и продажа товаров на ярмарках выражалась в следующих цифрах:

Наименование населенного пункта	Величина ярмарочного оборота	
	привезено	продано
Баталпашинская	147000	59500
Невинномысская	44700	14865
Суворовская	182000	51000
Отрадная	277800	68600 ¹

На ярмарках шла бойкая торговля мануфактурными и бакалейными товарами, деревянной и металлической посудой, рогатым скотом, овцами и лошадьми. Скот пригоняли больше всего из горских, особенно карачаевских аулов. Ближайшей к карачаевским аулам ярмаркой была Баталпашинская.

Хлебопашество в Баталпашинском уезде играло меньшую роль, чем в других уездах, но и там же происходил процесс увеличения запашки и от этого сокращение сенокосных и пастбищных угодий.

Обычным севооборотом в станицах Баталпашинского отдела было трехполье и многополье, при котором земля делилась на 7 клиньев. 5/7 юрта или 5 клиньев обычно распахивались, 2/3 оставались под пар. Посевы на клиньях производились в следующем порядке.

1-й клин — пропашные культуры: кукуруза, картофель, бахчевые.

2-й клин — так называемые «сильные» озимые — пшеница.

3-й клин — «сильные» яровые — пшеница, просо, лен.

4-й клин — «слабые» озимые — рожь.

5-й клин — «слабые» яровые — ячмень, овес.

6-й клин — толока. Меняется ежегодно.

7-й клин — сенокос. Остается все 7 лет.

Каждый клин первые годы отводился под озимые, потом под яровые, а в последнюю очередь забрасывался под толоку. Такой севооборот был, например, в станице Усть-Джегутинской».²

В аулах Черкесии, где земледелие было более развито, чем в Карачае, применялось также трехполье или четырехполье: 1-й и 2-й клины засевали просом, следующий пшеницей, а последний оставляли под паром. К концу пореформенного периода возросли посевы кукурузы.

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 41, л. 39.

² Л. В. Македонов, В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908, стр. 85.

Казачи и крестьянские переселенцы привезли с собой новые для Кавказа культуры ржи и гречихи. Значительно возросли посевы пшеницы, особенно озимой, тогда как горцы сеяли обычно яровую.

В 1871 году хлебов было посеяно:		
озимой пшеницы	51092	четверти
яровой пшеницы	12099	»
ржи	6787	»
гречихи	10257	»
прочих хлебов (просо, ячмень).	11857 ¹	»

Основную массу посевов производили станицы.

В аулах Баталпашинского уезда в 1872 г. было посеяно и собрано:

	Озимой пшеницы	Ржи	Яровой пшен.	Овса	Ячменя	Гречихи	Проса	Кукурузы	Картофеля
Посеяно (четв.)	1299	288	106	15	1916	112	1721	623	502
Снято (четв.)	7221	354	222	81	8372	5	7387	1811	1811

Из таблицы видно, что наряду с исконными культурами — ячменем у карачаевцев и просом у черкесов, абазии и ногайцев, в аулы также проникали культуры: рожь и гречиха. Пшеница в основном стала высеваться под озимь. Развивалось огородничество, особенно посевы картофеля.

Рожь в аулах родилась плохо, гречиха в 1872 году не уродилась совсем. Самый лучший урожай давала озимая пшеница — сам 6.

Урожайность хлебов в Баталпашинском отделе была несколько ниже, чем в равнинных отделах, напр., Темрюкском. Но кукуруза и картофель давали хороший урожай и в предгорных районах. Л. В. Македонов приводит следующую таблицу урожайности (в отношении собраного к посеянному)

№ п/п	Отдел	пшеница	овес	просо	кукуруза	подсол. нечн.	картофель
1	Екатеринодарский	5,6	7,6	23	46	49	6
2	Лабинский	4,9	3,8	16	30	41	8
3	Баталпашинский	5,9	6,2	12	51	35	12
4	Темрюкский	5,5	7	65	87	—	7

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 416.

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 6, л. 339—340.

³ Л. В. Македонов. Ук. соч., стр. 89.

К концу пореформенного периода еще более возросли посевы кукурузы, подсолнуха и гречихи, имевшие большой спрос на рынке. Л. В. Македонов пишет о нагорных станицах Баталпашинского и Лабинского отделов: «Кукуруза и подсолнух сеются повсюду: первая для домашнего обихода, а вторая — с промышленной целью — «дает деньги». Повсюду также практикуется культура картофеля, а в некоторых станицах Баталпашинского района даже с промышленной целью (ст. Исправная)».¹

Несмотря на рост хлебопашества в отделе, все же он оставался и в конце XIX века — начале XX в. единственным отделом, в котором не только не было излишка хлеба, но и в иные годы даже недоставало для прокормления населения.

Так, в 1903 году собрано было по отделу 667 891 четверть, а для продовольствия необходимо 687696, следовательно 19 805 четвертей недоставало, или на душу 0,08 четверти (считая, что на прокормление и обсеменение полей на 1 душу необходимо 3 четверти).²

Количество хлеба, приходящегося на 1 душу населения было в Баталпашинском отделе (26,7 пудов) значительно ниже среднего по Кубанской области (35 пудов).³

В хозяйстве богатых казаков, а особенно в крупных помещичьих экономиях Баталпашинского отдела широко применялась эксплуатация наемного труда. В качестве батраков нанимались иногородние, приехавшие на сезон крестьяне из центральных губерний России, казачья и горская беднота.

По данным А. Белобородова, в Баталпашинский отдел приезжало ежегодно на уборку до 15 тысяч сельскохозяйственных сезонных рабочих. Часть рабочих оставалась в центре отдела, другие растекались по всем станицам.

Вся забота отдельской администрации о прибывших рабочих заключалась в том, что «в больших станицах на базарных площадях устраивались навесы для рабочих, которым бесплатно доставлялась и кипяченая вода».⁴ Под этими навесами рабочие жили иногда по целой неделе, пока не находился подходящий наниматель.

Цены за труд в обычное время были невысоки — 20—25 коп. в день и только в период уборки резко возрастали.

Большие земельные наделы станичных юртов требовали значительного количества рабочих рук при уборке и обуслав-

¹ Л. В. Македонов. Ук. соч., стр. 85.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, сд. хр. 1640, л. 481.

Кавказский календарь на 1886 г., Тифлис, 1887, стр. 88.

⁴ А. Белобородов. Пришлые рабочие на Кубанщине. «Северный Вестник», 1896, февраль, № 2, стр. 3.

ливали довольно высокую поденную плату в этот период. Средними ценами за сельскохозяйственные работы были:

за вспашку 1 десятины	5—6 руб.
за боронование	2 руб.
за боронование с посевом	3 руб.
прополка	20—50 коп.
уборка 1 дес. косой или серпом	5—6 руб.

Косари зарабатывали за день 1 руб. 20 коп.— 1 руб. 50 коп., жнец и вязальщицы — 60—70 коп.¹

Это довольно высокая плата обязывала рабочих к чрезвычайно длинному и изнурительному рабочему дню, который начинался за час до восхода солнца и кончался часом позже захода его, т. е. длился 16—17 часов. От перенапряжения рабочие болели приливами крови к голове, расстройством пищеварения и т. д.

«Понизить цену на рабочие руки казак старается всяческими способами»,— писал А. Белобородов,— «действуя отдельно и целыми обществами: нажимами на пищу, при расчетах, задержанием паспортов рабочих, постановлением общественных приговоров, которые обязывали отдельных хозяев не нанимать, под опасением штрафов, рабочих выше известной платы и т. д.»²

Проникновение капиталистических отношений на Кубань вело к коренным изменениям в технике сельского хозяйства. Примитивная дедовская соха заменялась усовершенствованным, многолемешевым плугом, коса — сенокосилкой, цеп — конной и паровой молотилкой.

На Кубани, где не было развитого помещичьего землевладения, отработков и других пережитков крепостничества, тормозивших развитие производительных сил, внедрение машин происходило особенно интенсивно.

Крупные экономии, основанные на применении вольнонаемного труда, зажиточные казацкие хозяйства обзаводились косилками, американскими и др. плугами, усовершенствованными боронами, сеялками, конными и паровыми молотилками.

Даже в Баталпашинском отделе, несмотря на меньшее развитие товарного земледелия, чем в других отделах Кубанской области, внедрение усовершенствованных орудий сельского хозяйства и машин получило довольно широкое распространение.

¹ Л. В. Македонов. Ук. соч., стр. 87.

² А. Белобородов. Ук. соч., стр. 5

В начале XX века в Баталпашинском отделе было:

Сельскохозяйственные орудия	у коренных жителей	у иногородних, имеющих оседлость	у иногородних, не имеющих оседлости
Усовершенствованных плугов:			
немецких	5853	1157	162
английских	369	163	2
молдавских	2	3	200
американских	1140	195	37
других систем	1369	245	7
Сенокосных машин	293	174	165
Усовершенствованных:			
борон	2827	20	16
веялок	608	221	3
сортировок	154	69	62
Конных граблей	322	198	6
сеялок	86	35	
Молотилок:			
конных	389	128	
паровых	125	39	
и других орудий	1481	575	62
Всего	15043	3222	724

Больше всего усовершенствованных орудий применялось в крупных экономиях и казачьих хозяйствах. На войсковой территории в среднем 1 орудие приходилось на 9,9 жителей, по отделу в целом — на 12,1 жителя.²

На деле крупные экономики имели десятки машин, сотни бедняцких хозяйств по-прежнему ковыряли землю сохой.

В конце XIX века довольно большое распространение получили в Баталпашинском отделе сельскохозяйственные машины с применением конной тяги. Это были конные молотилки, конные мельницы и т. д. Так, в станице Кардоникской в 1895 г. было 6 конных молотилок, производительность которых равнялась 1200 руб. в год.³

В монастыре против Сентинского аула была конная мельница. Она была особенно удобна для зимних условий, когда реки замерзали, количество воды уменьшалось и водяные мельницы не работали. Мельницей пользовались и жители аула, им разрешалось выпрягать своих лошадей и молотить свой хлеб.

Позже стали строить более производительные паровые вальцевые мельницы.⁴

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1640, л. 496.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1640, л. 479.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 210, л. 11—12.

⁴ ГАКК, ф. 460, оп. 2, ед. хр. 4, л. 5.

Из немецких плугов распространены были одно- и многолемешные плуги заводов Эккерта в Берлине и Руд, Саак — в Лейпциге.

Тот же завод Эккерта выпускал молотилки, сеялки рядовые и разборные, конные грабли. Американский завод Мак Кормика поставлял сенокосилки, жатки и жней-сноповязалки.

Распространенной формой использования сельскохозяйственных машин был своеобразный прокат их на период уборки. Владельцы паровой молотилки ездили со своей машиной по станицам и молотили хлеб за часть урожая. Обычно за пользование машиной брали 10-й, 12-й или 15 сноп. Реже расплачивались зерном и еще реже деньгами. Владелец веялки в свою очередь брал 15-ую или 20-ую меру урожая.

Использование машин уменьшало потребность в рабочих и тем снижало спрос и цены за труд. «В неравной борьбе положение рабочих ежегодно ухудшается», — писал А. Белобородов. «Земледельческая машина, с одной стороны, все усиливающаяся конкуренция среди своей же братии косарей, с другой — дает вполне определенный результат. С рабочими теперь не церемонятся: платят все меньше и меньше и кормят все хуже и хуже».¹

Бедняки Баталпашинского отдела: будь то иногородние или горская беднота. Обедневшие казаки или пришлые сезонные рабочие — страдали и от развивающихся капиталистических отношений и от неразвитости их.

На Кубани, как и на всем юге России, капитализм встречал меньше препятствия для своего развития, так как меньшим было помещичье землевладение и другие пережитки крепостничества, больше свободных земель, широкий простор для развития производительных сил.

Здесь легче было пробить себе дорогу американскому пути развития капитализма. Экономия и кулацкие хозяйства в северной и средней части Баталпашинского отдела были типичными фермерскими хозяйствами, которые основаны на вольнонаемном труде, широком применении машин и вывозе своей продукции не только на ближние, но и на дальние рынки, что облегчалось близостью их к железной дороге.

Но в этом же отделе, где так бурно развивались капиталистические отношения, можно было встретить самые темные, самые мрачные картины средневековья, безысходную нужду крестьянства, крепостнические методы эксплуатации.

Земельные пожалования царским сановникам и офицерам из русских и местных народов, а также наличие огромного фонда войсковых казачьих земель создали и на Кубани сословное землевладение, тормозившее развитие капиталистических отношений. В крупных латифундиях и имениях горской знати

¹ А. Белобородов. Ук. соч., стр. 6.

процветали отработки, издольщина и другие кабальные формы аренды.

В них, как и в помещичьих хозяйствах центральной России, «основой эксплуатации является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней разоренного крестьянина, не капитал собственника, а его земля, не инвентарь владельца латифундий, а старинная соха крестьянина, не прогресс земледельческой культуры, а старая долголетняя рутинная, не «вольный наем», а закабаление ростовщичеству».¹

Так и на Кубани шла борьба между двумя путями капиталистической аграрной эволюции — американским и прусским.

Тормозом для развития производительных сил была и колониальная политика царизма, которая превращала Кавказ в рынок сырья и сбыта, оставляя неразработанными богатейшие недра его и не используя его ресурсы.

«Ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»,² — писал В. И. Ленин, применяя к труженикам России слова К. Маркса о Германии.

Глава IV

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАРАЧАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. СКОТОВОДСТВО

Основой экономики Карачая в пореформенный период было сельское хозяйство: скотоводство, которое как и в первой половине XIX века оставалось экстенсивным, полукочевым и малопродуктивным, и земледелие с крайне низким уровнем агрокультуры.

Развитие хозяйства тормозилось острым малоземельем, сохранением лучших пастбищ в руках феодальной знати, нищеты крестьянства. Но тем не менее в пореформенную эпоху в скотоводстве произошли большие перемены, вызванные связями карачаевцев с русским населением и общим ходом экономического развития России, неизбежно влиявшим даже на самые отдаленные уголки страны.

Капитализм превратил Северный Кавказ в рынок сырья и сбыта для своих заводов и фабрик, и открыл широкий доступ

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 15, стр. 136.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 527.

кубанской пшенице и кубанскому скоту на рынки центральной России и на мировой рынок.

Развитие капиталистических отношений в Кубанской области вело к специализации районов: плоскостных — на производстве товарного хлеба, горных и в первую очередь Карачая — на товарном скотоводстве. Эта специализация создавала новые экономические связи, как внутри области, так и с общероссийскими рынками.

Проникновение товарно-денежных отношений в хозяйство Карачая и подчинение его требованиям рынка происходило постепенно. В 60-е годы рыночные связи не получили еще большого развития и на базар шли лишь излишки продукции.

В 1867 г. в продажу поступало не более двадцатой части скота:

Наименование скота	всего имелось	продано	% проданного
крупного рогатого скота	30150	813	2,8
Лошадей	13625	942	6,9
Овец	386	10212	5
Всего	230246	11997	5 ¹

Постройка в 1867 г. Ростово-Владикавказской железной дороги теснее связала Кубань с Украиной и промышленными губерниями центральной России, содействовала росту торговых связей. Особенно вырос вывоз скота из Кубанской области в 90-е годы, когда были ликвидированы эпизоотии и снят карантинный запрет с вывоза кубанского скота.

Значительную долю в этом вывозе занимал карачаевский экспорт. Большой специалист по скотоводству А. Атманских писал в начале XX века: «Животноводство в Карачае, как я выше сказал, заслуживает особенно серьезного внимания потому, что эта отрасль сельского хозяйства в этом чисто скотоводческом районе служит не только источником существования самого населения, но этот район является солидным поставщиком всех видов сельскохозяйственных животных и может в будущем служить обширным рассадником улучшенных пород.»

Потребность промышленности в шерсти, казачьего войска — в лошадях, городов — в мясе и продуктах скотоводства стимулировала рост карачаевского скотоводства, улучшение породности скота, приспособление хозяйства к потребностям рынка.

За 10 лет количество крупного рогатого скота возросло в Карачае вдвое, овец — в полтора раза.

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24—26.

² А. Атманских. Животноводство в Карачае Кубанской области (зоогигиенический очерк), стр. 49.

Предельно высоких цифр карачаевское скотоводство достигло в первые годы XX века, после чего начался упадок скотоводства, вызванный ростом запашки в Кубанской области. К этому времени недоставало не только зимних пастбищ — кышлыков, еще к началу XIX века захваченных феодальной знатью, — но и летних джайлыков. Постоянной угрозой висела над скотоводами опасность потери арендованных земель, что буквально парализовало скотоводческое хозяйство.

Рост поголовья скота в XIX в. сопровождался быстро растущей товарностью хозяйства. К началу XX века — более четверти карачаевского скота ежегодно продавалось на рынке. Так, по данным Абрамовской комиссии, в 1905 г. в Карачае было:

Наименование скота	всего имелось	продано	% проданного
Крупного рогатого скота	125027	30788	24%
Лошадей	33756	9595	28%
Овец	487471	107552	22%

В том числе по отдельным аулам было продано:

Аул	лошадей	крупного рогатого скота	овец и коз
Карт-Джурт	2 200	8 000	26 000
Хурзук	3 700	10 000	35 000
Учкулан	200	8 000	30 000
Дуут	335	1 000	5 000
Джазлык	103	13 990	2 100
Теберда	5	870	557
Сенты	13	240	1 000
Каменноост	23	296	3 348
Мара	16	462	2 075
Джсгута		521	
ИТОГО	9 595	30 787	107 552¹

Больше всего продажа скота, а следовательно и товарный характер скотоводства были развиты в аулах Большого Карачая: Хурзуке, Учкулане, Карт-Джурте, где жили крупнейшие коннозаводчики и скотоводы-предприниматели. Аулы Малого Карачая поставляли на базар овец, меньше — рогатый скот и совсем мизерное количество лошадей, так как товарного коневодства в этих аулах не было совсем.

Сумма доходов от продажи скота и продуктов скотоводства поднялась с 60-х годов до начала XX века более чем в 20 раз, с 150 тысяч до 3 307 369 рублей. Выше всего был доход от тор-

¹ Труды комиссии. Статистическая ведомость, № 1.

говли опять-таки в аулах Большого Карачая. Жители Хурзука продали за год скота и продуктов скотоводства больше чем на миллион рублей — 1 143 940, жители Учкулана — на 993 800 рублей, Карт-Джурта — на 867 700 рублей.

Но эти высокие цифры совсем не говорят о росте благосостояния народа. Скорее даже наоборот — они говорят о росте товарности хозяйства, следовательно, об усилении имущественного неравенства и обеднения масс.

По данным той же Абрамовской комиссии 40% карачаевских крестьян не имели овец, 20 % были безлошадными и 3 % не имели крупного рогатого скота.

Г. Чурсин дал сатирическое описание хозяйства тебердинского крестьянина, на долю которого приходилось в среднем полдесятины земли, 2/3 лошади, меньше одной головы рогатого скота, 4 овцы и 1/8 часть осла: «Получается такого рода картина: 2/3 лошади и скотина вроде быка, но не совсем чтобы бык, волочат первобытный плуг по камням полдесятинного надела, на котором старый Хубий засеет горсть ячменя и дюжину картофелин.

Тотай, Нагима стригут 4-х овец, чтобы из шерсти сделать бешмет, с этих же овец сдерут и кожу на чабуры (обувь); Маленький Курманбий по обыкновению босой, в развивающихся подобно флагам, лохмотьях, на 1/3 осла тащит из лесу вязанку валежника.

К концу года одного из «одров» придется конечно продать, чтобы заплатить 4 рубля 50 копеек подымной подати, 1 рубль 33 копейки воинской и на общественные нужды по раскладке».¹

Крупный рогатый скот был главным помощником карачаевца в труде, а также его кормильцем. Быки были основной тягловой силой и на поле, и в пути. Для пахоты быков запрягали в двухпарное ярмо, для перевозки тяжестей — в двухколесную арбу. Молочные продукты составляли основу питания карачаевцев.

Не имея крупного рогатого скота, карачаевский крестьянин не мог вести хозяйство. Он мог обойтись в крайнем случае без овец, на худой конец — мог не иметь лошади, заменив ее ослом или парой быков, но без быков и коровы он не был хозяином. Поэтому крупный рогатый скот был почти в каждом дворе.

Трудовое общение карачаевцев с русским населением оказало влияние на многие стороны хозяйства и быта горцев, в том числе и на скотоводство. Не говоря уже об изменении его характера в связи с проникновением в карачаевские аулы товарно-денежных отношений, русское влияние выразилось и в том, что карачаевцы стали заботиться об улучшении пород своего скота, охотно поддерживали все карантинные мероприятия.

¹ Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. Кавказ, 1900, № 322.

Местный карачаевский скот, который составлял в начале пореформенного периода основную массу стада, отличался небольшими размерами, темной мастью и низкой производительностью. Высота коров в холке не превышала 115—120 см, живой вес 14—18 пудов, убойный 6—9 пудов. Быки были немного выше — 125—130 см с весом 20 пудов, масти — муротигровая, черная и желтая.¹

Даже лучшие коровы давали молока не больше 5—6 литров в вечерний удой и 3—4 литра в утренний. Средние — вдвое меньше. Таким образом, даже лучшие экземпляры карачаевской породы давали в год не более 1 000—1 400 литров молока.

Большим недостатком местного скота была подверженность его эпидемическим заболеваниям. Каждая эпизоотия, особенно чумная, уносила тысячи голов скота.

В 60-е годы общение карачаевцев с только что населенными станицами было небольшим, поэтому оно не оказывало заметного влияния на карачаевское земледелие и скотоводство. В отчете начальника Эльборусского округа за 1867 год указывалось, что привозной скот встречался в Карачае очень редко. «Об улучшении же пород и помину нет».²

Но уже в 70-е годы, посещая станицы, ярмарки и базары, карачаевцы обратили внимание на кубано-черноморскую породу скота и отдельные скотоводы стали приобретать производителей этой породы.

Они хорошо приживались в горных условиях, давали сильное потомство, крупное и менее восприимчивое к чуме, чем местный скот. Старики рассказывают, что быки были такими высокими, что трудно было достать до ярма. Одна запряжка таких быков поднимала целый стог.

Улучшением породности скота интересовались не только отдельные хозяева, но и общество в целом. По решению схода было выписано на общественные суммы несколько экземпляров бугаев черноморской породы и распродано населению.³

В 80—90 годы скрещивание местных коров с покупными производителями стало в Карачае массовым явлением. Производителей покупали в имении Барабаша под станицей Баталпашинской, у Николенко и других крупных скотоводов, а также на ярмарках в станицах Баталпашинской, Зеленчукской и др.

«Обладая хозяйственно-полезными признаками, значительно превосходящими местный аборигенный скот, кубано-черноморское отродье стало быстро его вытеснять», — писал специалист по карачаевскому скотоводству Т. Г. Суходол.⁴ Вытесне-

¹ А. Атманских. Ук. соч., стр. 26.

² ГАКК. ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 18.

³ Г. Петров. Верховья Кубани—Карачай. Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатеринодар, 1880, стр. 144.

⁴ Суходол Т. Г. Карачаевский скот и первые итоги метизации его швицями. Пятигорск, 1940, стр. 12.

ние местного карачаевского скота кубано-черноморским отродьем серого украинского скота было настолько значительным, что к концу пореформенного периода местного скота в аулах почти не осталось. «Кроме упомянутого настоящего горного карачаевского скота, который в настоящее время можно встретить очень редко, разводится теперь большей частью отродье серого украинского скота»,¹ — писал ветеринар Атманских в начале XX века.

Длительное скрещивание серого украинского скота с местным карачаевским дало новую разновидность скота. Суровые горные условия, скудное кормление, отсутствие теплых помещений выработали у скота особую выносливость, большую, чем у украинской породы. Но при этом пострадали молочные качества скота, а также несколько уменьшился размер. И все же этот скот был значительно продуктивнее местных пород и очень хорош в рабочем отношении.

Отдельные попытки завести производителей швицкой породы, предпринятые крупными скотоводами, не оказали заметного влияния на карачаевское скотоводство.

Главными потребителями карачаевского крупного рогатого скота были города Минводской группы: Кисловодск, Пятигорск, Горячеводск, а частично и более далекие рынки Закавказья и России.

Н. Иваненков отмечает, что цены на скот на Кисловодском и Пятигорском базарах зависели от того, какое количество скота было пригнано карачаевцами для продажи.²

В конце XIX века были сделаны попытки организовать на базе карачаевского скотоводства крупное маслосыродельное производство. Капиталистический предприниматель Бландов открыл два маслосырозда — под Кисловодском и на Биче-сыне, специально для снабжения курортов молочными продуктами. Над аулом Джегутинским на Гошиях-Сырты построил завод Губарев. Поставщиками молока на заводы были карачаевцы, с которыми предприниматели заключили договоры.

Заводы изготовляли масло, голландский и швейцарский сыры и другие молочные продукты. Мастера-сыроделы были приглашены из Германии, под их руководством работали русские и карачаевские рабочие. Карачаевцы, кроме молока, поставляли на заводы топливо.

После возникновения Тебердинского курорта Ислам Крымшамхалов хотел открыть опытное молочное хозяйство и сыродельное производство в Теберде. Незадолго до революции маслосыроделием занимались и крупнейшие кулаки Карачая — Байчоровы. Был построен сырзавод недалеко от Кисловодска.

Но в целом, за исключением нескольких богатых скотово-

¹ А. Атманских. Ук. соч., стр. 25.

² Н. Иваненков. Карачаевцы. ИОЛИКО, вып. 5, стр. 63.

дов, в Карачае молочное хозяйство было поставлено плохо. Производство масла и сыра велось самыми примитивными методами, продукция получалась некачественной. Объяснялось это экстенсивным характером скотоводства, при котором скот круглый год находился на кошах, и бедностью среднего крестьянства. Только в одном — Джегутинском ауле часть скота зимовала дома, а летом паслась под присмотром нанятого всем аулом пастуха (кабак-тварчи) на ближайших выгонах.

Рост спроса на карачаевских лошадей среди казачества области стимулировал развитие товарного коневодства.

Лошади карачаевской породы при сравнительно небольшом росте отличались исключительной выносливостью. Много верст мог пройти карачаевский конь по каменистым горным тропам, переправляясь через бурные реки и поднимаясь на снежные перевалы.

Лошади были невысокие, с небольшой горбоносой и сухой головой, с умеренно выпуклыми глазами, хорошо развитой грудью и холкой, сухими ногами, хорошо очерченными сухожилиями и очень крепкими копытами. Последние свойства позволяли преодолевать большие расстояния по каменистым дорогам и совсем без дорог. Все эти качества были оценены казаками, охотно покупавшими карачаевских лошадей для походов и войн.

«Известно, что в Кубанской области коневодством занимаются преимущественно горцы Баталпашинского, Лабинского и Екатеринодарского отделов, у которых числится 64% общего количества табунных и заводских лошадей».¹

Коневодством могли заниматься только зажиточные хозяева, так как оно требовало больших просторов (особенно табунное коневодство), крупных средств для аренды земли, найма табунщиков, постройки помещений и т. д.

В 60-е годы эта отрасль скотоводства была почти целиком в руках биев. Владельцами табунов были прежде всего Крымшамхаловы (Каншаубий — имел табун в 400 голов, Хаджи Мурза — 200), Дудовы и Карабашевы. Только отдельные богатые уздени начинали конкурировать с ними. Большой табун в 1867 году имел Ожай Байчоров — 200 лошадей, поменьше — Наны Хубиев — 160. Будущий первый богач Карачая — Джамбулат Байчоров имел в этом году всего 80 лошадей.²

Такую же картину наблюдаем мы и у народов Черкесии. Крупными коннозаводчиками Верхне-Кубанского приства в 1864 году были исключительно представители княжеских фамилий: Лоовы, Тугановы, Дударуковы, Касаевы, Ахловы, Атажукины, Хахандуковы и др.

Но по мере того, как коневодство у горцев Карачая и Чер-

¹ А. Атманских. Ук. соч., стр. 21.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

кесии принимало товарный характер, и табуны разводили специально для продажи в казачьи части или барышникам, все большую роль в коневодстве играли предприниматели-кулаки. В работе Бентковского «Список табуновладельцев Северного Кавказа, желающих состоять под покровительством Кавказского коннозаводского округа, с показанием числа и сортов разводимых лошадей и заявленных ими желаний с целью улучшения коневодства» на первом месте по Баталпашинскому уезду стоит Ожай Байчоров. К этому времени (70-е годы XIX века) его табун насчитывал уже 500 голов, из них 20 жеребцов, 300 маток, остальное молодняк. Жеребцы были как карачаевской породы (в списке названы — «байчоровской»), так и кабардинской («атажукинской») и абазинской («лоовской»), матки все карачаевские («байчоровской породы»).

Лошади разводились не просто для продажи на рынке, а специально для сдачи в воинские части. Так как в Кубанской области больше всего требовалось лошадей для пополнения казачьего войска, карачаевцы-коннозаводчики выращивали определенный тип лошадей — «под казачье седло» или как называли таких лошадей сами карачаевцы — къазакъ ат — казачья лошадь. Рост ее должен быть 2 аршина и 2 вершка.

Чтобы довести карачаевскую лошадь до таких размеров, приходилось отбирать соответствующие экземпляры среди производителей, а порой производить скрещивание с другими породами, например, с кабардинской лошадью, отличающейся несколько большим ростом, но меньшей выносливостью.

Казачьи лошади находили сбыт не только в Кубанской, но и в Терской областях, где их также охотно покупали для строевой службы. Увеличение спроса вело к росту цен на лошадей. Кобылицы, которые в 80-е годы продавались по 40 рублей, в 90-е годы стоили уже 60—70 рублей. Цена жеребцов доходила до 150 рублей.¹

Говоря о развитии коневодства у горцев Баталпашинского, Лабинского и Екатеринодарского отделов, А. Атманских подчеркивал роль Карачая: «Карачай в данном случае играет очень значительную роль, снабжая строевыми лошадьми большинство казачьих полков Кубанского войска и сбывая, вообще до 10 000 лошадей ежегодно».²

Тавра крупных коннозаводчиков были утверждены официальными органами, и лошадей с этими таврами особенно охотно приобретали для пополнения казачьих частей.

Довольно значительным был также экспорт лошадей в Закавказье. Из Тебердинской долины скот перегоняли через Клухорский перевал. Из Большого Карачая через Махарский.

¹ ГАКК. Рапорт Ковалевского и. д. начальника Кубанской области и казачьего атамана Кубанского казачьего войска, стр. 55.

² А. Атманских. Ук. соч., стр. 21.

Уменьшение пастбищных угодий вынуждало карачаевцев, как и других горцев Кубанской области, перейти от табунного коневодства к косячному. Разбивка табунов на более мелкие подразделения — косяки во главе с одним жеребцом, позволяла ограничиваться меньшими пространствами.

Вся перестройка коневодческого дела происходила главным образом в хозяйствах кулаков. Бии Крымшамхаловы и особенно Дудовы не сумели перевести хозяйства на новый, товарный тип, не сумели приспособить его к нуждам рынка. Поэтому их хозяйство, и особенно коневодство, приходило в упадок. Ведущая роль в коневодстве перешла к кулакам Байчоровым, Текеевым и др. Конкурентами Ожая Байчорова были учкуланские Байчоровы — семья Джамбулата. К 1894 году сын Джамбулата Тинибек Байчоров стал самым крупным коннозаводчиком Карачая и имел табун около 1000 лошадей.

Потребность центральных и украинских предприятий в шерсти способствовали развитию в Карачае товарного овцеводства. Карачаевские овцы, несмотря на то, что были грубошерстными, обладали многими ценными качествами. «Карачаевская порода овец — одна из лучших грубошерстных пород горных районов Северного Кавказа»,¹ — заявляет специалист по овцеводству Г. А. Чеботарев. Об этом же писал (не раз упоминаемый) А. Атманских: «Карачаевская овца по росту и размерам всего тела небольшая, но благодаря очень вкусному мясу, прекрасному жиру в хвосте в довольно большом количестве, а также вследствие мягкой блестящей шерсти, она славится далеко за пределами Карачая».²

При небольшом живом весе (2 пуда у овцы и 2,5—3,5 пуда у барана) карачаевские овцы имели очень хорошие мясные качества и много сала. За счет расходования хвостового жира (до 30 фунтов у откормленных валухов) они теряли значительно меньше в весе, чем скот других пород, в период зимовок. С улучшением условий содержания карачаевские овцы очень быстро поправлялись не только в своих внешних формах, но и в продуктивности. Эта эластичность карачаевской овцы особенно важна в условиях горного полукошевого характера овцеводства.

Не говоря уже об исключительной выносливости карачаевской овцы, способности ее выдерживать суровые условия высокогорной местности, овца эта имела ряд специфических, очень ценных особенностей. Ни одна из пород овец не имела таких твердых копыт, благодаря которым карачаевские овцы легко переносили перегоны на сотни верст, не боясь ни влаги, ни холода, добывая себе корм из-под снега, находясь круглый

на подножном корму.

¹ Г. А. Чеботарев. Карачаевские овцы и первые шаги метизации их мериносами. Пятигорск, 1939, стр. 4.

² А. Атманских. Ук. соч., стр. 33.

Шерсть карачаевских овец, хотя и не тонкорунная, была шелковистой и особенно пригодной для изготовления бурок, войлоков и войлочных изделий. Серые овцы считались шубными, черные с большим количеством пуха и длинной остью — бурочными.

Ценным свойством карачаевской овцы была также ее устойчивость против легочных заболеваний. Карачаевские овцы получили в пореформенное время большое распространение и за пределами Карачая. Их охотно приобретали и жители русских станиц и горцы из соседних областей.

Наряду с этим, карачаевцы пытались ввести у себя тонкорунных овец. Однако овцы эти плохо переносили суровые условия и горный климат, шерсть их грубела и теряла свои ценные свойства. Не только карачаевцы, но и русские предприниматели потерпели неудачу с попыткой развести в горах Карачая тонкорунных овец. Так, овцевод-тавричанин Николенко купил у Андроникова большой массив земли по течению р. Теберды и попробовал перегонять туда на лето мериносов. Но из этого ничего не получилось, так как овцы плохо переносили эти перегоны, шерсть их грубела и т. д.

Только в Джегутинском ауле были более благоприятные условия для тонкорунного овцеводства, которое существовало там в небольших размерах. Овцеводы покупали овец-шпанок в ст. Баталпашинской и разводили их. Шерсть этих овец шла на башлыки.¹ Для бурок она считалась непригодной.

Кроме овец, в Карачае разводили и коз, но значительно в меньшем количестве. Козы, как и овцы, были грубошерстные, небольшие по размерам. Их использовали как молочных и мясных животных, а также для утилизации шерсти и кож. Козы нужны также в качестве вожakov отар. Они смелее овец, не боятся проходить по узким мостикам через бурные реки, по карнизам гор и т. д. Без вожака овец нельзя никакими силами заставить перейти такой мостик, а за вожакom-козлом вся отара смело шла вперед. Поэтому, в каждой овечьей отаре всегда имелось 2—3 козла или козы.

Развитие товарного скотоводства стимулировало рост торгового и ростовщического капитала. В аулах появилось большое количество скупщиков и перекупщиков скота, которые скупали у крестьян за бесценок последнюю лошадь или корову, а потом собрав табун или стадо, гнали его в Закавказье или на дальние ярмарки, где цены на скот были значительно выше. Торговля скотом приносила скупщикам большой барыш, за что карачаевцы и прозвали их — хайырчыла или барышчиле — барышники.

В овцеводстве товарный характер хозяйства выражался не только в продаже овец, но и в торговле шерстью и изделиями

¹ Полевой материал, 1960 г., а. Джегута, Богашев Хаджибекир.

из нее, находившими сбыт на рынках Украины и Москвы. В Большом Карачае шерсть скупали скупщики, которые привозили с собой красный товар, сушеные фрукты и меняли все это на шерсть, бурки черкески и войлоки или покупали на деньги.

Большим спросом пользовались карачаевские овцы и их шерсть на ярмарках и базарах, в городах и станицах Кубанской и Терской областей, Баталпашинске, ст. Отрадной, Пятигорске, Кисловодске, Георгиевске и так далее. Владельцы ресторанов Минводских курортов готовили шашлыки и другие мясные блюда исключительно из карачаевских барашков.

Если молодой, лошадей, а в холодные снежные зимы и крупный рогатый скот, хоть немного подкармливали сеном, то овцы оставались всегда только на подножном корму.

Благодаря своему экстенсивному характеру, при котором отсутствовали теплые помещения для скота и запасы сена, скотоводство целиком зависело от природных условий и очень страдало от малейших колебаний в них. Длительная, затяжная зима, метели, бураны, гололедица — все это пагубно отражалось на скоте и приводило к массовой гибели его.

Так настоящим бедствием для карачаевского скотоводства была зима 1879—80 гг., прозванная аман кыш — плохая зима. «Необыкновенно суровая, многоснежная продолжительная зима, в связи с некоторыми другими неблагоприятными явлениями природы и климата вызвали и целый ряд крупных несчастий и в настоящее время отражаются на населении вверенной мне области тяжелыми бедствиями», — писал в 1880 г. начальник Кубанской области.¹ Старики рассказывают, что весной многие стауты — стоянки скота буквально белели от костей павших животных.²

Бичом скотоводства были постоянные эпизоотии, уносившая в горах 3—5 апреля. За эти 3 дня погибло в Кубанской области свыше двухсот тысяч голов скота, в том числе в Хурзуке — 1 147 голов, в Джегуте — 1 103 головы и т. д.³

Бичом скотоводства были постоянные эпизоотии, уносившие тысячи голов скота. Ящур, воспаление легких, а больше всего чума косили скот почти ежегодно. В 1876 году в Баталпашинском уезде заболело чумой рогатого скота 6 896 голов, пало из них — 3 268 голов.⁴

Основным источником чумной заразы было Закавказье. Поэтому борьба с эпизоотиями, начатая в 80-е годы, заключалась прежде всего в установлении строго карантинного контроля и недопущении в Кубанскую область скота и кож из Закавказья. Для этого вся граница Кубанской области с Закавказьем была разделена на 6 ветеринарных участков с 11 времен-

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 2693, л. 82.

² Полевой материал, 1961, х. Заречный, Текеев Матгери.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 93, л. 1.

⁴ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 196, л. 208.

Возвращение с летнего коша.

(Фото Н. Иваненкова начала XX века)

ными постами. Конные стражники на постах строго следили, чтобы скот из Закавказья не переходил в Кубанскую область. Перегон разрешался в крайних случаях, после тщательного ветеринарного осмотра.

Карачаевские крестьяне, встретившие карантинные мероприятия враждебно, скоро поняли их важность и охотно помогали стражникам следить за порядком. Совместными усилиями ветеринаров, карантинной охраны и самих крестьян в 90-е годы эпизоотии были локализованы и почти уничтожены.

Но успехи в борьбе с эпизоотиями, улучшение породности скота и отдельные попытки ввести более прогрессивные методы хозяйства не могли изменить экстенсивного характера карачаевского скотоводства, при котором скот был обречен на далекие перекочевки, полуголодное существование в течение всей зимы и весны, высокий падеж, особенно в хозяйствах крестьянской бедноты.

Улучшать породу скота и лошадей могли только крупные скотопромышленники. Крестьяне же поневоле держались дедовских методов ухода за скотом и воспроизводства его. «Благодаря этому высокие когда-то качества туземной породы утрачиваются, тип исчезает, лошадь мельчает и все менее и менее

отвечает требованиям рынка»,¹ — сетовал на упадок карачаевского коневодства правитель канцелярии Кубанской области Коваленский.

2 ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Крайняя бедность пахотными землями, при которой в среднем на душу мужского населения приходилось 0,24 десятины земли, тормозила развитие земледелия.

На таких мизерных участках земли невозможен был никакой севооборот, никакое применение усовершенствованной сельскохозяйственной техники. В особо тяжелом положении находились аулы Большого Карачая: Хурзук, в котором на 1 душу мужского населения приходилось меньше одной десятой части десятины (0,09), Карт-Джурт — 0,11 и Учкулан — 0,12 десятины. Почти в том же положении находились жители Мары (0,15 десятин) и Тебердинского аула (0,2 и 0,28 десятин).

Только один аул считался богатым пашнями — Джегутинский, но и в нем душевой надел был меньше одной десятины — 0,76 десятин.

В аулах Большого Карачая в пореформенную эпоху, как и сто и двести лет назад, под посев использовались одни и те же участки — сабаны, засеваемые в основном одной и той же культурой — ячменем. Севооборот отсутствовал совершенно. Карачаевец не мог оставить свой сабан незасеянным, другого участка у него не было: не мог посеять что-либо, кроме ячменя так как другие культуры в таких условиях не вызревали. Вот и сеял он из года в год одно и то же на каменистом, истощенном участке.

Для того, чтобы в таких условиях получить урожай, требовалась исключительно тщательная обработка земли, удобрение и орошение ее. Перед пахотой с земли убирали все камни, которые нанесло весенними потоками с гор, вывозили на поля собранный за зиму навоз. Удобрjali обильно. Н. Иваненков приводит пример, что на сабан в 93 кв. сажени употребляют 2 арбы навоза по 30 пудов.² «...Если бы не сильное унавоживание и поливки, то эти земли сами по себе не дали бы никакого урожая, до этого они истощены»,³ — писал начальник округа Н. Петрусевич.

Орошение полей производилось при помощи оросительных каналов, отводивших воду из Кубани, Учкулана и Хурзука. Оросительная система была создана сотни лет назад, почти одновременно с основанием аулов, и с тех пор только поддерживалась и обновлялась. Это тоже было признаком застоя хозяйства.

¹ ГАКК. Рапорт Ковалевского и. д. начальника Кубанской области и казачьего атамана Кубанского казачьего войска, стр. 55.

² Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 66.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11.

Поливка полей производилась по очереди, которая определялась по жребию. Если хозяин не нуждался в воде, он уступал свою очередь. В пореформенную эпоху, когда денежные отношения проникли в карачаевские аулы и как ржавчина разъедали старые патриархальные отношения, появлялись случаи продажи своей очереди за деньги (за 50 копеек). За пользование водой тоже стали взимать деньги — 40 копеек за сутки. Деньги эти шли на уплату вознаграждения лицу, следившему за исправностью канавы (илипинчи).

Несмотря на рост частнособственнических отношений, в оросительном деле охранялось много общинных пережитков. Никто не имел права застраивать или загораживать канаву, запретить проведение по своей земле канавы. Мало того, даже постройка не могла явиться препятствием для проведения общественной канавы. «Если требуется провести новую канаву и нельзя миновать построек, то проводят и через них, вознаграждая владельцев построек, хотя бы и против их воли»,¹ — писал Н. Иваненков.

С другой стороны, со времени свободной трудовой заимки остался обычай, что земля, на которую проведена оросительная канава, становится собственностью человека, оросившего ее. Однако во второй половине XIX века в Большом Карачае уже не осталось земель, которые могли быть орошены, но оставались свободными. Этот обычай можно было применить только в новых аулах.

Но в новых аулах, основанных в пореформенное время, орошение не получило большого распространения. Только в Тебердинской долине поливали сабаны и биченлики, так как иначе в этой высокогорной местности ничего не произрастало. Иным было земледелие в Маринском и Джегутинском аулах. И хлебные злаки, и травы росли там без всякой поливки.

Это объяснялось, с одной стороны, тем, что новые аулы были основаны на целинных землях, дающих лучший урожай и без орошения. А во-вторых, и не везде можно провести воду. Маринские аулы, например, были расположены значительно выше уровня небольшой и маловодной речушки Мары. Сабаны Джегутинского аула также лежали на плоскогорье значительно выше аула и реки Джегуты.

Бичем полеводства в высокогорных аулах Большого Карачая, а также в Тебердинских и Маринских аулах, были ранние заморозки.

Требовались особые скороспелые и морозостойчивые сорта, т. к. обычные семена не всегда успевали созреть. Бывали случаи, когда уже в начале сентября выпадал снег, и хлеба, не успев достаточно налиться в зерне, погибали от мороза и снега. Гибли посевы также от градобития, частого в горах.

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр 66.

Поэтому самой распространенной культурой в этих аулах был неприхотливый ячмень и в меньшей степени овес. Сеяли карачаевцы и пшеницу, которая иногда вызревала, т. к. подбирали более устойчивые сорта.

Зато тем большее распространение получила в пореформенную эпоху культура картофеля, который рос и давал хороший урожай на больших высотах. Н. Иваненков писал, что предельной высотой для ячменя является 1 050 сажень над уровнем моря, картофель же вызревал и на высоте 1 100 сажень.¹

Как уже говорилось, внутри Большого Карачая все пригодные для хлебопашества земли были использованы и превращены в поля уже много лет назад. Поэтому расширять запашку внутри Большого Карачая не было никакой возможности. А так как нужда в хлебе была очень велика, количество населения продолжало расти, то единственным выходом для жителей старых аулов было увеличение распахки за пределами Карачая на арендованных землях.

Говоря о малоземелье, скудности почв в старых аулах, начальник Эльборусского округа Петрусевиц писал в 1867 г.: «Такой малый урожай, не вознаграждающий почти труда, заставляет карачаевцев искать пахотные земли в других местах, более удобных к этому, и редкий кош не запахивал двух десятин, причем многие, кроме хлеба засевают картофель».²

Основание пашен на кошах встречало резкое противодействие тех, кто сдавал в аренду, особенно администрации Терской области. Они запрещали карачаевцам распахивать землю на кошах, считая, что этим снижается ее качество. Карачаевцев штрафовали за это, и все же они продолжали увеличивать запашку. Начальник Эльборусского округа доносил помощнику начальника Кубанской области, что вспашка сделана «людьми, не имеющими в середине Карачая достаточного количества пахотной земли, которые решались вследствие этого лучше заплатить по 5 рублей, от десятины в штраф, чем остаться вовсе без хлеба».³

Несмотря на все старания карачаевцев, на самовольные запашки на кошах и пр., своего хлеба в Карачае хватало на 1—2, редко на 3 месяца.

Так, в 1867 году карачаевцами было собрано со своих и арендованных земель три с половиной тысячи четвертей⁴ хлеба. Следовательно, на каждого человека приходилось по 0,2 четверти, в то время как самой скромной цифрой душевого довольствия считалось 3 четверти в год. Только пятнадцатую часть не-

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 64.

² ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 605, л. 14.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 36.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 14. Четверть — мера сыпучих тел, равная приблизительно 210 литрам.

обходимого для пропитания хлеба получали карачаевцы с своих полей.

После основания новых аулов, в 70—80-х гг. XIX века положение в земледелии несколько изменилось: расширилась посевная площадь, улучшилась обработка земли, появились новые, более урожайные и продуктивные культуры.

Такой совершенно новой культурой для карачаевцев была гречиха, заимствованная только в 80-е годы XIX века. В карачаевском языке не возникло даже своего названия этого злака; в то время как остальные хлеба—пшеница, просо, ячмень и т. д. имеют свои названия, гречиху называют русским словом «гречка».

Гречиха быстро завоевала признание. Карачаевцы с удовольствием ели гречневую кашу, или, перемолов зерно на ручной мельнице, пекли гречишный хлеб.

В новых аулах с самого начала распашки полей стали изменять примитивный севооборот, который жители этих аулов заимствовали у соседних народов, прежде всего у русских и черкесов, новые орудия сельскохозяйственного труда и новые культуры.

Так, в Маринском ауле на целине сеяли, как в черкесских аулах, просо, на следующий год—ячмень или картофель. Культура картофеля в Маре получила особенно широкое распространение, она давала там очень хорошие урожаи. В отдельных местах, преимущественно по дубовым полосам, ниже аула сеяли в небольшом количестве гречиху и кукурузу. Причем, вызревали и здесь не все семена, а определенный сорт скороспелой кукурузы с мелкими желтыми семенами, называемый карачаевским и особенно ценившийся.

В Тебердинской долине, открытой северным ветрам, охлаждаемой близкими ледниками, ранние заморозки и холодные ночи даже летом препятствовали полному вызреванию хлебов. Поэтому основной культурой в долине Теберды оставался нетребовательный ячмень, хотя пробовали сеять и пшеницу, и кукурузу, и гречиху.¹ Определенной системы севооборота в Теберде не было, т. к. пахотных участков было очень мало и все они были поливными.

Влияние русской земледельческой культуры сильнее всего было в а. Джегутинском, расположенном в наибольшей близости к русской станице Усть-Джегутинской, жители которой познакомили карачаевцев с более усовершенствованными методами полеводства и новыми культурами.

Лучшие земли аула засевали кукурузой, которая давала в Джегуте прекрасный урожай, особенно карачаевский сорт. На хороших землях сеяли и пшеницу, но значительно меньше, чем

¹ Кубанская справочная книжка, 1894 г., стр. 84.

кукурузу. Цикл севооборота был обычно четырехгодичным. Первый год, особенно по целине, сеяли всегда просо. После прося на следующий год — кукурузу, на третий год — гречиху, четвертый год земле давали отдохнуть, оставляя ее под покос.¹

Однако севооборот часто нарушался, т. к. даже в этом, наиболее богатом землями ауле, пахотных участков было мало и к тому же невыгодно было земли, дающие большой урожай кукурузы, засеивать другими хлебами. Поэтому в некоторых местах, например, Кайынлы, из года в год сеялась кукуруза.

Более высокие и гористые участки использовали под огороды, на которых сажали картофель и кормовую свеклу.

С ростом полеводства в новых аулах менялась и техника обработки полей. Особенно заметным это было на примере того же Джегутинского аула. В отличие от Большого Карачая, где земля камениста и скудна, плодородный слой неглубок, в долине р. Джегуты и ее окрестностях земля богата и плодородна.

Здесь нужна была более глубокая вспашка, особенно первые годы, когда поднимали целину. Легкий горный плуг был менее пригоден для подъема целины, чем тяжелый, в который впрягали несколько пар быков. Первые годы джегутинцы пахали тем же примитивным плугом каладжюк, которым пользовались в Большом Карачае их отцы и деды. Но впрягали в него не одну пару быков, как в горах, а 2 и 3 пары.

Черкес агач.

Рисунок Лийпанова Р.

¹ Полевой материал, 1961, а. Учкулан. Боташев Атлы.

Познакомившись с более удобным для равнинных мест черкесским плугом, джегутинцы заимствовали его, заменив им каладжук. Черкесский плуг был более массивным, а главное более усовершенствованным, так как имел пару колес и отвал. Этот передковый плуг изготовлялся из дерева и назывался «черкес агач» — черкесский деревянный.¹ Крестьяне сами изготовляли деревянные части плуга, а лемех заказывали кузнецу.

От русских соседей джегутинцы заимствовали деревянную борону с железными зубьями, которая заменила хворостяную — сибиртки. Старики рассказывают, что первую деревянную борону привез в Джегутинский аул старшина Хубиев Наны, научил жителей пользоваться и самим изготовлять ее.

Жители станицы Усть-Джегутинской в свою очередь учились у карачаевцев изготовлению ряда орудий, в том числе и черкесского передкового плуга, особенно удобного на предкавказских равнинах.

К 90-м годам XIX века в карачаевских аулах получило довольно большое распространение также применение заводских металлических плугов. По данным Кубанской справочной книжки 1894 г., к этому времени в карачаевских аулах было усовершенствованных плугов:

в ауле Дуут	—	4
в Джазлыке	—	2
в Карт-Джурте	—	27
в Маре	—	21
в Сентах	—	16
в Хурзуке	—	27

Кроме того, в Карт-Джурте было у разных хозяев 10 других усовершенствованных земледельческих орудий.²

Покупать усовершенствованные орудия могли только богатые земледельцы, главным образом кулаки, скупавшие и арендовавшие большие земли. Бедняки, особенно в старых аулах, по-прежнему пахали свои крохотные участки легким горским плугом, бороновали пучком хвороста, засевали горстью семян из башлыка.

Переход к тяжелой вспашке в новых аулах породил и новые социальные отношения. Редкая семья имела 8—10 быков, необходимых для пахоты тяжелым плугом, особенно для подъема целины. Поэтому в Джегуте большое распространение получила супруга — объединение 2—3-х дворов для совместной вспашки.³ Так как объединение для пахоты было новым явлением для Карачая, то определенного термина супруга не име-

¹ Полевой материал, 1960 г., а. Джегута.

² Кубанская справочная книжка 1894. Екатеринодар, 1894, стр. 78—81.

³ Полевой материал, 1960, а. Джегута, Боташев Хаджибекир, 1850 г. рождения.

ла, называлось как и всякое объединение — нёгерлик, сабан нёгерлик, джыйын или как помочи—маммат.

Собиралось такое товарищество обычно вокруг владельца плуга черкес агач, т. е. более состоятельного хозяина. Обязанности в супряге распределялись в зависимости от имущественного положения участников. Если в супрягу брали неимущих, то на их долю приходилась самая утомительная работа — ночная пасьба. Пахали землю участникам супряги по очереди, прежде всего владельцу супряги, в последнюю очередь — беднякам, не имевшим своего скота.

Расширение посевной площади, связанное с образованием новых аулов, улучшение методов и техники полеводства, освоение новых культур привели к значительному увеличению валового сбора зерна, который за 25 лет возрос более чем в 5 раз.

Рост зерновой продукции и значительно большая роль полеводства в экономике новых аулов ясно видны из следующей таблицы, показывающей сколько посеяно и убрано хлебов на 1 душу населения по аулам в 1893 году.

	Название аулов	посеяно четвертей хлеба	на 1 душу посеяно	снято четвертей	на 1 душу снято
1	Карт-Джурт	260	0,04	3 272	0,5
2	Учулан	383	0,06	938	0,2
3	Хурзук	270	0,06	419	0,09
4	Дуут	63	0,07	239	0,3
5	Джазлык	50	0,04	777	0,7
6	Сенты	363	0,05	156	0,2
7	Теберда	287	0,2	711	0,4
8	Каменноост	85	0,3	3 427	4,5
9	Мара	1 539	0,7	298	2,6
10	Джегута		0,6	7 858	3,8
	ИТОГО			18 095	1,3

Но даже при таком значительном увеличении валового сбора зерна, он не давал и половины необходимого продукта и не мог удовлетворить потребность карачаевского народа в хлебе, который по-прежнему приходилось покупать на ярмарках и базарах.

Только в одном — Джегутинском ауле — можно говорить об элементах товарности в земледелии, т. к. часть продукции шла на продажу, во всех остальных аулах земледелие носило потребительский характер и отличалось очень низким уровнем агрокультуры.

¹ Кубанская справочная книжка, 1894. Екатеринодар, 1894, стр. 78—81.

Наряду с полеводством в пореформенную эпоху в карачаевских аулах большое развитие получили огородничество и садоводство. В огородах сажали картофель, морковь, свеклу, лук, чеснок и меньше капусты.

Сады закладывали особенно часто в новых аулах, но появились любители садоводства и в Большом Карачае, где росли яблони и груши с небольшими кисло-сладкими плодами. Инициаторами садоводства в аулах выступали школьные учителя, которые разбивали сады при училищах и пропагандировали посадку частных садов. В Хурзуке таким пионером садоводства был учитель Витковский, в Джегуте — Иммолат Хубиев. На территории курорта Теберда сад был разбит на землях Ислама Крымшамхалова, который выписывал саженцы и выводил путем прививки новые более морозостойкие сорта.

Развитию садоводства способствовало также наличие в Карачае двух садовых питомников. Один питомник был основан Утяковым, бывшим владельцем Макарьевского рудника. На пожалованных ему 50 десятинах земли он основал питомник, в котором выращивал саженцы яблук, груш и других плодовых деревьев, обеспечивая посадочным материалом жителей близлежащих аулов и станиц. Второй питомник был разбит при Спасо-Преображенском монастыре в Сентинском ауле.

Появление садов способствовало еще большему развитию пчеловодства. У отдельных хозяев было до 700 сапеток. Но пчеловодство было очень примитивным. Пчел не подкармливали, зиму и лето держали в круглых плетеных сапетках. Мед не качали, а выкуривали пчел подоженной серой, доставали из сапетки вместе с вошиной.¹

Только отдельные пчеловоды перешли к более усовершенствованным методам пчеловодства, строили вместо плетеных сапеток — деревянные ульи, зимой подкармливали пчел, выкачивали мед, не уничтожая пчел.

Таким образом, включение Карачая в общее русло экономического развития Баталпашинского уезда внесло большие изменения в хозяйство и общественный строй народа.

Экономика аула приспособлялась к требованиям рынка. Это заключалось в специализации Карачая на товарном скотоводстве, в росте поголовья скота и улучшения его породности, в появлении наряду с основным — мясо-молочным направлением — молочного скотоводства.

Но улучшать свое хозяйство, создавать образцовые фермы могли только представители зажиточной верхушки. Для основной же массы крестьянства проникновение в аулы товарно-денежных отношений означало дальнейшее разорение. Росло имущественное неравенство, при котором стада и отары круп-

¹ Полесвой материал, 1961. а. Учкеев, Лепшоков Хамзат, 90 лет.

ных скотоводов доходили до 10 тысяч голов, а бедняки лишились последней скотины.

Изменения в земледелии были меньшими, так как оно и в пореформенный период носило в основном потребительский характер. Только в одном Джегутинском ауле в связи с ростом полеводства появился небольшой излишек зерна, который шел на продажу. В этом же ауле более широкое распространение получили новые сельскохозяйственные культуры (гречиха и другие) и усовершенствованные орудия труда.

Глава V.

РЕМЕСЛО И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОЧАГОВ

Экономическое «завоевание» Кавказа превратило его в сырьевую и топливную базу русской промышленности, в рынок сбыта ее продукции. В станицах, селах и аулах находили легкий сбыт ивановские ситцы, московские и петербургские металлургические изделия, тульские ружья и т. д.

Фабричные изделия вытесняли ремесленные, т. к. были дешевле, прочнее, красивее. Так появление на Кавказе русских дешевых и удобных кос совершенно вытеснило из употребления местные обоюдоострые косы. Горский мужской костюм проще было сшить из покупного сукна, чем ткать это сукно на примитивном ручном станке. И так во всем.

«Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кожи и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров,— падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевывало в свою очередь русский рынок. Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости,— создавал себе рынок для своих фабрик»,¹ — писал В. И. Ленин в своем классическом труде «Развитие капитализма в России».

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

Упадок коснулся главным образом тех видов домашнего производства, которые не выдержали конкуренции с привозными фабричными изделиями. Так, перестали пользоваться спросом местные металлические изделия: косы, серпы, ружья, т. к. их заменили более дешевые и удобные фабричные.

То же самое произошло и с другими металлическими изделиями местного производства. Они не выдержали конкуренции с фабричными и перестали пользоваться спросом у населения.

«В древности карачаевцы были народом трудолюбивым: кроме хлебопашества и скотоводства занимались и ремеслами, которые давали им возможность иметь все необходимое у себя дома.— писал В. Я. Тепцов в конце XIX в.— Теперь же о ремеслах нет и помину, и все необходимое приобретается в стороне. Аулы не имеют даже собственных кузнецов и оружейных мастеров».¹

Что же касается выделки бурок и других валяных изделий, которые были монополией горского производства, то эти виды ремесла не только не сократились, а наоборот увеличились. Повышение спроса на карачаевские бурки, киизы (войлоки) и войлочные изделия содействовало росту производству и превращению домашнего промысла в ремесло, производящее изделия для рынка.

«Можно смело сказать, что все казачье население, как и все горцы Кубанской области, одеваются в бурки, ноговицы и черкески, приготавливаемые карачаевцами. От них же получают сукна ручной, но прочной и хорошей работы и притом за цену весьма недорогую, золотошвейную тесьму, полсти, чехлы на ружья, сыромятные ремни для вожжей, тяжей, шлей, супоней и пр.»²— писал в 1893 г. Аргус в газете «Казбек».

И. Шукин так же пишет, что «различные промыслы и ремесла имеют в Карачае ничтожное значение», но исключение представляет лесной промысел и изготовление бурок, войлоков (полстей) и сукна.³ Причем, лесным промыслом занимаются не все карачаевцы, а только жители Тебердинской долины, аулы которых были расположены в самой лесистой части Карачая.

По данным Н. Петрусевича, которые, правда, он сам называет не очень полными, в течение 1867 года в 3-х главных карачаевских аулах было выделано и продано следующее количество ремесленных изделий.⁴

¹ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. 14, Тифлис, 1892, стр. 107.

² Аргус. Карачаевцы. «Казбек», 1896, № 13.

³ И. Шукин. Краткий географический очерк Карачая. Русский антропологический журнал, 1913, № 1—2, стр. 52.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24.

Наименование изделий	в Карт-Джурте		в Учкулане		в Хурзуке		в с е г о	
	выде- лано	про- дано	выде- лано	про- дано	выде- лано	про- дано	выде- лано	про- дано
1 Шерсти в рунах	31644	5942	22657	140	27311	4751	91612	10833
2 Бурок	1186	831	124	73	206	104	1509	1001
3 Полстей	158	127	46	6	37	20	241	153
4. Сукна в локтях	997	400	963	330	972	624	2932	1364
5. Башляков	17	8	18	3	14	1	49	12
6 Овчин и козьих кож	3283	2096	1936	636	2030	14	7249	3446
7 Кож от скота	262	26	489	72	117	35	868	133
8 Лошадиных кож	115	23	41	12	21	2	177	37

Как видно из этой таблицы, в конце 60-х годов шерсть вывозилась еще в небольшом количестве. Большая ее часть шла на переработку. Бурки же, напротив, изготовляли больше для продажи, чем для домашнего употребления. То же можно сказать и о полстях.

Сукно в одинаковой степени шло на продажу и домашнее употребление.

Но чем больше увеличивался спрос на шерсть, тем выше делались цены на нее и тем большая часть шерсти стала поступать в продажу.

Даже сукна стало выгоднее покупать фабричные, а шерсть продавать приезжим купцам и на ярмарках. Цены на шерсть значительно повысились, ее стало выгоднее продавать, а сукно, напротив, покупать фабричное, т. к. оно было и практичнее, и шире и дешевле.

Уже в конце 70-х годов среди предметов вывоза из Карачая авторы прежде всего называли скот, кожи и шерсть. По сведениям Г. Петрова в 1887 г. из 3-х старых аулов Карачая было вывезено: кож — 5956, овчин — 34500.¹

Поэтому большая часть шерсти, получаемой с карачаевских овец, шла не в переработку, а продавалась в виде сырья. Вывоз шерсти начался со второй половины века и все возрастал к концу XIX — началу XX в. «Шерсть продается главным образом сырцом, причем ловкие торгаши... надувают просто-

¹ Г. Петров, Ук. соч., стр. 145.

ватого карачаевца самым бесовестным образом. Часть шерсти обрабатывается на месте кустарным образом на сукна, которые известны на ближайших рынках в Георгиевске и в Армавире, часть же переделывается на бурки».¹

О повышении спроса на шерсть и поэтому большом вывозе ее за пределы Карачая пишет и Н. Иваненков в начале XX в. «Промыслов у населения почти нет никаких, если не считать выделку среднего качества бурок на продажу и сукна для домашнего употребления. Шерсть возвысилась в цене и стало выгоднее продавать ее и покупать фабричное сукно».²

Одновременно с упадком ремесла и проникновением в карачаевские аулы промышленных изделий из Центральной России, начали возникать на карачаевской территории и первые очаги местной промышленности. Этому способствовало богатство недр Карачая, в которых имелся и уголь, и рудные месторождения, и глина, и строительный камень, а с другой стороны — лес. Сельское хозяйство, и в первую очередь скотоводство, давало сырье для пищевой промышленности.

Однако все эти богатства использовались мало. Российский капитализм не был заинтересован в промышленном развитии Кавказа именно потому, что Кавказ нужен был ему как рынок сырья и рынок сбыта готовых изделий. Этим и объяснялось одностороннее развитие Северного Кавказа, превращенного в фабрику пшеницы и шерсти, источник нефти и другого сырья.

Этим же объяснялось и несоответствие между развитием добывающей и обрабатывающей промышленности.

Добыче руд, нефти, угля и других полезных ископаемых придавалось большое значение, т. к. они нужны были как сырье и топливо для промышленности Центральной России. Русский капитализм нуждался в свинце и железе, угле и нефти.

Переработка же сырья на месте производилась мало. Так, например, на Худесском серебро-свинцовом руднике, добытая руда не перерабатывалась на месте, а отправлялась для дальнейшей обработки в Центральную Россию и даже за границу, во Францию.

Богатство Карачая рудными ископаемыми обратило на себя внимание русского командования еще во второй четверти XIX века. На следующий же год после военного похода в Карачай генерал Емануэль организовал научную экспедицию в горы Карачая для изучения его природных богатств. К участию в экспедиции были привлечены крупные ученые того времени: физик адъютант Академии наук Ленц,

¹ В. Колесников. Нужды Карачая. «Кубанские областные ведомости». 1898 г., № 267.

² Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 80.

ботаник адъютант Дерптского университета Майер, хранитель зоологического кабинета Менетрие и геолог 8-го класса Вансович.¹

Экспедиция обследовала весь район Эльбруса, источники, камни, руды и т. д. Была даже предпринята попытка восхождения на Эльбрус, но до вершины никто из ученых дойти не смог, туда поднялся только проводник экспедиции, кабардинец Киллар.

В районе Эльбруса были обнаружены серебро-свинцовые руды, каменный уголь и другие природные богатства.

В начале 30-х годов XIX в. кавказское командование заинтересовалось залежами каменного угля в северной части карачаевских земель. Местное население давно уже знало об этих залежах и даже добывало уголь в небольшом количестве для домашних нужд. Они познакомили с этим месторождением и русских, которые попали в этот район с военными отрядами еще в конце XVIII в. Солдаты использовали уголь дляковки и для варки пищи. Однако до окончательного присоединения Карачая к России в 1828 г. о промышленном использовании верхнекубанского угля не могло быть и речи.

В октябре 1839 г. для обследования Кубанского каменноугольного бассейна был отправлен специалист Фолендорф. Он обследовал берега Кубани и обнаружил в разных местах обнаженные пласты каменного угля. Первое месторождение было открыто им на правом берегу Кубани, в 250 саженях выше Хумаринского укрепления. Два других — на левом берегу реки в 6 верстах южнее укрепления. Четвертое — на левом берегу р. Мары, в 8 верстах от укрепления. Пятое на правом берегу р. Хумары и шестое — в 4-х верстах на северо-восток от укрепления.²

Кавказское командование заинтересовалось месторождением угля, т. к. он мог заменить лес, который безжалостно истреблялся для отопления и других нужд. Замена же леса углем спасла бы от уничтожения ценные леса в верховьях Кубани и ее первых притоков.

Так же были открыты залежи огнеупорной глины такого хорошего качества, что тигли из нее выдерживали плавление меди. Образцы угля и глины были посланы для исследования, которое подтвердило хорошее качество и того и другого.

Наличие дешевого местного топлива сулило большие выгоды и открывало путь к развитию местной промышленности. «Недалекое расстояние всех этих урочищ от Ставрополя и середины степных мест Кавказской области, необходимость со дня на день увеличения оногo для могущих устроиться в крае винокуренных, селитряных, квасцовых и других заводов вынуди-

¹ Служебная деятельность генерала от кавалерии Емануэля на Кавказе. «Кавказ», 1851 г., № 90—91.

² ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 1510, л. 25.

ли меня представить как образцы угля, так и глины на благо-
рассмотрение Вашего превосходительства», — писал в 1834 г.
коллежский ассесор Гайворонский.

Он предлагал начальнику Кубанской области привлечь к
добыче угля и глины частных предпринимателей.

Однако ни в 30-е, ни в 40-е годы не нашлось промышлен-
ника, который занялся бы разработкой Хумаринских место-
рождений.

В 1846 г. начата была добыча угля «за счет казны», для
чего отпущено 4 тысячи рублей. Остальные суммы предпола-
галось получить за счет продажи добытого угля. Руководил
работами начальник VII округа корпуса инженеров военных
поселений полковник Лихачев. Разработки начаты были ниже
устья реки Хумары, на 2,5 версты выше Хумаринского укреп-
ления.

В течение 3-х лет, с 1846 по 1848, из этого месторождения
было добыто 290 268 пудов угля,¹ который расходовался в ос-
новном на отопление казенных зданий ближайших городов:
Ставрополя, Георгиевска и Пятигорска. Это был единствен-
ный потребитель Кубанского угля, так как мелкие примитив-
ные промышленные предприятия Кубанской области не нуж-
дались в угольном топливе, а крупных фабрик и заводов в об-
ласти не было. Эта узость внутреннего рынка, обусловленная
слабым развитием промышленности на Северном Кавказе,
препятствовала дальнейшему развитию каменноугольной про-
мышленности. Играли роль и невысокое качество кубанского
угля и дороговизна перевозок. Вывозить этот уголь за преде-
лы Кавказа не имело смысла, т. к. он был значительно хуже
донецкого антрацита и поэтому не мог конкурировать с ним.

Но главным тормозом для развития промышленности в до-
реформенную эпоху были крепостнические производственные
отношения. Они определяли и узость внутреннего рынка, и низ-
кую производительность труда и недостаток рабочих рук.

Казенные предприятия были убыточны вследствие низкой
производительности и плохой организации труда, отсутствия
техники и т. д. Попыткой выйти из этого положения бы-
ла сдача казенных предприятий на откуп частным лицам. От-
купщиками, бравшими на откуп копи, солеварни, рыбные ме-
ста, монопольное право торговли солью и др. предметами бы-
ли обычно разбогатевшие купцы, т. к. именно купцы в период
феодално-крепостнических отношений были одновременно и
первыми промышленниками.

Сдав на откуп то или иное предприятие, правительство
строго регламентировало размеры и характер производства,
количество добываемого продукта.

В середине XIX века, кубанские каменноугольные копи,

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 58—79.

как и нефтяные промыслы, были обращены в казенную оборочную статью и сданы на откуп компании частных лиц, во главе которой стоял пятигорский купец Крутицкий. Будучи купцом первой гильдии, Крутицкий занимался одновременно и торговой и промышленной деятельностью.

Этот капиталист-предприниматель брал на откуп самые различные отрасли хозяйства, лишь бы они приносили доход. В 1849 г. он взял на откуп каменноугольные копи, в 1853 г. — добычу и продажу казенной соли по всей Ставропольской губернии.¹ Ему же были отданы на откуп все меновые двory Кубанской линии.²

Компания Крутицкого эксплуатировала кубанские каменноугольные копи в течение 12 лет, с 1849 по 1860 год. Для того, чтобы обеспечить этой компании верный доход, кавказская администрация вменяла в обязанность и военным и гражданским учреждениям покупать уголь для отопления казенных зданий в Ставрополе, Георгиевске и Пятигорске только у Крутицкого и К,⁰ причем по твердо установленным ценам, а именно первые 6 лет по 19 копеек за пуд, последующие 6 лет по 18 копеек. Однако такая цена показалась предпринимателям слишком низкой, и по истечении срока откупа, компания отказалась от возобновления его.

Точных сведений о количестве добытого за это время угля нет. Горный инженер капитан фон Кошкуль в своей «Записке о кубанском каменном угле» предполагает, что добывалось не менее 90 тыс. пудов в год, то есть за 12 лет было добыто свыше 1 миллиона пудов угля (1 080 000).³

Отсутствие дорог делало очень дорогой перевозку угля от шахт до городов, в которых он потреблялся. До 60-х годов перевозкой угля занимались главным образом ногайцы, аулы которых были расположены вдоль Кубани недалеко от Хумаринского укрепления. После того, как ногайцы выселились из этих мест, частично переселившись ниже по течению Кубани, а частично в Турцию, вопрос о транспортировке угля стал еще острее. Это и заставило Крутицкого просить об увеличении продажной цены на уголь, а когда это было не разрешено, то он отказался от откупа совсем.

Таким образом, в 1860 г. Хумаринские копи были возвращены правительству, которое объявило новые торги. Но желающих взять откуп в этом году не нашлось, поэтому администрация решила вести разработку копей снова за счет казны, для чего было ассигновано более 25 тысяч рублей. Для добычи угля и охраны копей была прислана воинская команда в

¹ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 371, л. 1.

² ГА КЧАО, ф. 1, оп. ед. хр. 18, л. 1.

³ ГА ААО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 386, л. 76.

Угольная шахта на Кубани.

количестве 90 солдат линейного батальона. Работы велись главным образом на нетронутой части месторождения. Руководил добычей горный инженер Пиленко.

Добыча угля даровым трудом солдат обходилась очень дешево — по 5 копеек пуд. Перевозка по-прежнему была дорогой и резко повышала себестоимость угля. Чтобы обеспечить вывоз угля, перевозку его сдали на откуп с торгов частным лицам. За это взялись подрядчики офицер Рыбаковский и урядник Сидоров, с которыми был заключен договор с апреля 1861 г. по сентябрь 1866 года. На этот раз одна доставка угля была оценена в 22 коп. с пуда. Вследствие этого уголь на месте, в Ставрополе и Пятигорске продавался по 27 копеек пуд.

Осенью 1860 г. и весной 1861 г. производились разведочные работы на левом берегу Кубани, где были заложены 4 новых шахты. Однако эти шахты не оправдали надежд и были вскоре заброшены. Вместо этого началась разработка нового пласта угля на левой стороне р. Каракент.

За 5 лет казенной добычи угля было выдано на-гора:

В 1861 г.— 170 000 пудов

В 1862 г.— 200 789 пудов

В 1863 г.— 147 320 пудов

В 1864 г.— 140 000 пудов

В 1865 г.— 144 000 пудов

Всего — 802 109 пудов.¹

Как видно из приведенных цифр, добыча не возрастала, а уменьшалась из года в год, настолько непроизводительным был метод казенной добычи с подневольной рабочей силой из солдат. Инженер Пиленко, оказавшийся ловким предпринимателем, решил воспользоваться этим и взять на откуп наиболее богатую часть месторождения — по реке Каракент, прихватив при этом большой участок казенных земель.

Он поставил условие, чтобы ему дали на 10 лет Каракентские копи и кроме того, сто десятин покосной земли по реке Кубыш, 400 десятин пастбищной земли по Кубани, выше устья реки Каракент, да еще лес на реке Шоне. Он, в свою очередь, брался добывать ежегодно не менее 175 тысяч пудов угля и снабжать им все казенные здания Ставрополя, Пятигорска и Георгиевска первые годы по 26—27 копеек пуд, а затем, когда добыча поднимется до 200 тыс. пудов в год, — по 25 копеек за пуд.²

Администрация, желая развязаться с шахтами, которые приносили много хлопот, а угля давали немного, согласились на все условия Пиленко, тем более, что кроме него в это время не было желающих взять кубанские копи. При этом в контракте было указано, что по истечении 10 лет Пиленко обязан сдать рудник казне со всеми возведенными им постройками, за исключением машинных устройств для прессования каменно-угольного мусора.

Чтобы ловкий промышленник не спекулировал лесом, отданным ему вместе с шахтами, порубка леса была ограничена только нуждами рудника. Рубить и продавать лес на сторону он не имел права. По просьбе Пиленко ему на первое время была даже оставлена команда солдат, работавших на шахтах. После 1866 г. солдаты были заменены вольнонаемными рабочими.

Масштаб работ был очень невелик. В 1869 г. на Кубанских копиях работало всего 44 человека.³ Одновременно с добычей продолжались разведывательные работы. К этому времени выходы каменноугольного пласта были обнаружены между Верхне-Николаевской станицей и башней у Каменного моста в 11 местах на правом берегу Кубани:

- 1) на реке Большая Шугора,
- 2) между устьем Малой Шугоры и Хумарой,
- 3) по ущелью реки Хумары,
- 4) в верховьях р. Хумары,
- 5) над р. Хумарой,
- 6) между реками Большой и Малой Шупшурук,

¹ ГА ААО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 386, л. 77.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 58—79.

³ Кавказский календарь на 1871 г., стр. 149.

7) между реками Малый Шупшурук и Мара,

8) вдоль р. Мары,

На левом берегу Кубани:

9) по обеим сторонам р. Каракент при впадении ее в Кубань,

10) в 200 саженьях от устья р. Каракент,

11) в верховьях р. Каракент.¹

На этих месторождениях были основаны 3 шахты — Каракентская, Хумаринская и Макарьевская. Каракентская и Макарьевская были расположены на казенной земле, Хумаринская — на аульной земле Хумаринского аула.

Кавказская администрация, с одной стороны, поощряя развитие своего каменноугольного бассейна, с другой — регламентировала его, ограничивая годовую добычу 175 тыс. пудов. Но еще больше, чем администрацией, развитие копей тормозилось отсутствием достаточно емкого рынка. Кубанский уголь имел очень небольшой сбыт. Промышленности в районе шахт не было никакой, а для отопления требовалось очень много угля, тем более, что сильная смолистость этого угля требовала особой переделки печей для его использования. В Ставрополе был открыт специальный угольный склад, но тем не менее уголь не находил широкого сбыта.

Несколько изменилось положение после постройки Ростово-Владикавказской ж. д., но не надолго. В 1875 г. в связи с заказом угля для дороги спрос резко возрос и добыча увеличилась вдвое.²

Кавказская администрация возлагала большие надежды на расцвет кубанской угольной промышленности в связи с проведением Ростово-Владикавказской железной дороги. Наместник Кавказский писал: «Очевидным делается, что для кубанских каменноугольных копей вообще и для каракентского рудника, разрабатываемого г. Пиленко, в особенности, наступило весьма благоприятное время и ныне представляется полная возможность предоставить дальнейшее развитие там каменноугольной промышленности частной предприимчивости».³

Однако этот подъем был недолгим. Очень скоро обнаружись отрицательные качества кубанского угля: низкая калорийность, большая смолистость, дающая при горении очень много копоти, ограниченность применения его, непригодность для паровозных топок.

С проведением Ростово-Владикавказской железной дороги на Северный Кавказ стал поступать донецкий уголь с Грушев-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 78.

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 21, 1876, ед. хр. 87, л. 45.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 21, 1876, ед. хр. 87, л. 7.

ского месторождения, который значительно лучше по качеству, чем кубанский. Поэтому несмотря на то, что каждый пуд грушевого антрацита стоил на 10—15 копеек дороже кубанского, он находил значительно больший сбыт, чем кубанский курной уголь.

В 70—80-е годы изменились методы эксплуатации каменноугольных месторождений, как и других природных богатств края. Бурное развитие капиталистических отношений, характерное для пореформенной эпохи, было несовместимо с устаревшей откупной системой. Откуп и сопровождавшая его детальная регламентация производства тормозили развитие промышленности. С другой стороны, эксплуатация недр путем сдачи на откуп вела к хищническому истреблению природных богатств.

Промышленники, уплатив за откуп значительную сумму, старались выжать из взятого на откуп объекта как можно больше доходов, чтобы не только покрыть уплаченную сумму, но и получить прибыль. Они не были заинтересованы в нормальной работе предприятия и его дальнейшем росте, поэтому не вводили никаких усовершенствований, не механизировали трудоемкие работы, не строили капитальных помещений. Вся их задача сводилась к тому, чтобы как можно меньше вложить капиталов в дело и получить как можно больше доходов. Так, на угольных коях не прорубали постоянных шахт, не строили подвозных путей, а сколотив на скорую руку несколько барачков, прорывали узкие низкие ходы, чтобы только выдать на-гора как можно больше угля. При этом нещадно эксплуатировались как недра природы, так и рабочие, вынужденные трудиться в таких условиях.

Такая хищническая добыча приводила обычно к тому, что к концу оброчного срока копи становились негодными для дальнейшей разработки.¹

Казне было выгоднее или сдать шахты в долгосрочную аренду, до полного истощения месторождения, или передать их в частную собственность.

На этом основании в 1878 году, когда истек срок откупа инженера Пиленко, кавказская администрация предпочла Каракентскую и Макарьевскую копи продать губернскому секретарю Утякову,² и только Хумаринскую, которая была расположена не на казенной, а на аульной земле, сдать в аренду. Эта мера способствовала расширению шахт и увеличению добычи угля.

В 1880 году на трех названных шахтах было добыто 300 тыс. пудов угля. К этому времени в шахтах работало больше сотни вольнонаемных рабочих.³

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 21, 1876, ед. хр. 87, л. 8.

² Кавказский календарь на 1881 г., стр. 70.

³ Кавказский календарь на 1883 г., стр. 195.

Условия, в которых работали и жили шахтеры были исключительно тяжелы. Капиталисты-предприниматели: купец Крутицкий, инженер Пиленко, губернский секретарь Утяков и другие меньше всего заботились о положении рабочих, о технике безопасности или об охране труда. Вся техника, которой располагали шахтеры, сводилась к кайлу и клинью.¹

О том, в каком жалком состоянии находились кубанские каменноугольные копи в 60-х годах XIX в., в каких нечеловеческих условиях приходилось трудиться рабочим, ясно видно из отчета горного инженера фон Кошкуль, обследовавшего копи в 1867 году.

Некоторые выработки были до того узки, что Кошкуль не мог даже проникнуть в них и доносил в своем рапорте: «Выработки в копи, заложенной купцом Крутицким, были до того сдавлены, что взойти в них, для изучения условий залегающих угольного пласта, не было никакой возможности.² Рабочим же приходилось в этих выработках находиться много часов подряд, вырубая уголь, и на себе вывозить его на поверхность.

В другую шахту фон Кошкуль не рискнул залезть «по причине ветхости деревянных крепей».³

В большинстве шахт «в видах большой дешевизны работ» высота штолен была так мала (12 вершков — 52 см), что рабочие вынуждены были добывать уголь лежа.⁴ Вентиляция в шахтах совершенно отсутствовала.

Жили рабочие в ветхих казармах, наскоро сколоченных для них предпринимателями, или в хижинах, которые лепились к скалам по берегам Кубани, Каракента и Мары.

Основная масса рабочих вербовалась из пришлого люда, шедшего на Кубань в поисках работы. Местное казачество и горское население в шахтах работали мало. Только в подсобных работах, в частности в перевозках угля, принимали участие и местные жители.

Утяков, как и в более раннее время Крутицкий, не ограничивал свою деятельность каменноугольными копиями. Он брался за все, что могло принести прибыль.

Зная большую нужду скотоводческого хозяйства Карачая в соли, он решил взять в свои руки добычу соли. В 1870 г. им было подано прошение в войсковое правление Кубанской области «о дозволении ему производить розыски соляных залежей близ станицы Баталпашинской, а также и в других местах, а также о разрешении заниматься вываркой соли из лежащих близ станицы Баталпашинской озер».⁵ Сообщая об этом начальнику Кубанской области начальник Эльборусского округа

³ Кавказский календарь на 1883 г., стр. 195.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 58—78.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 188, л. 1.

подчеркивал, какое большое значение имело бы это для жителей Зеленчукского и тем более Эльборусского округов.

Серебросвинцовые месторождения в верховьях Кубани, при впадении в нее притока Худес, были давно известны местному населению. По словам В. М. Сысова, «разработка жил здесь производилась, по-видимому, с очень давних времен». В старых рудных отбросах и в старых ходах при теперешних работах нашли несколько больших каменных молотов, которыми когда-то отбивали руды или забивали забой».¹

Однако к началу XIX века эти разработки были давно заброшены, и население совершенно забыло о них. Новое открытие кубанского серебросвинцового месторождения было сделано в 1829 г. экспедицией Емануэля, но никаких шагов для разработки его не было предпринято.

В начале 60-х годов XIX в. карачаевцы, пасшие недалеко от Кубани, на водоразделе Кубани и Дуута, своих овец, нашли случайно прямо на поверхности почвы куски руды, смешанной с землей. Через некоторое время слух об открытии нового месторождения дошел до лиц, заинтересовавшихся им. Пристав верхнекубанских народов подполковник Аглинцев, узнав об этом, послал для осмотра рудоносной жилы упомянутого выше горного инженера штабс-капитана Пиленко. Осмотрев местность штабс-капитан признал месторождение негодным для разработки.

Вскоре серебросвинцовыми рудами заинтересовались частные лица. Добившись разрешения от штаба войск Кубанской области, они осенью 1864 г. прибыли на Кубань и приступили к разведке. Но и эти изыскатели через два месяца прекратили работу, считая месторождение небогатым, так как и их исследования велись не при впадении Худеса в Кубань, а несколько западнее и выше, на вершине Дуутского хребта. Прорыв там несколько канав глубиною около 2-х аршин и две шахты, изыскатели не обнаружили в них «следов руды» и прекратили работу.²

Детальные изыскания и промышленная эксплуатация Худесских серебросвинцовых месторождений начались лишь в конце XIX века. Проведены были новые разведки и исследования, доказавшие богатство этого месторождения и высокое качество руды. Профессор Иностранцев так высказался о худесской руде: «Будучи на Кавказе, осматривал знаменитые, по моему мнению, Кубано Худесские месторождения серебросвинцовых руд, отличающихся как обилием, а равно прекрасным

¹ В. М. Сысов. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 33—34.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 168, л. 2—3.

В штольне.

Рисунок Коста Хетагурова.

качеством самой руды».¹ Анализ показал, что в 1 квадратной сажени жильной массы содержался 281 пуд свинца.

Горный инженер А. Д. Кондратьев обнаружил в Худесском месторождении до 30 самостоятельных жил, содержащих свинцовый блеск с очень большим процентом содержания серебра.²

Недалеко от серебряно-свинцового месторождения были также найдены: каменный уголь, огнеупорная глина, графит, сланец, известняки и другие материалы необходимые для создания рудника. Инженер-технолог Томашевский, убедившись в ценности Худесского месторождения заключил 9 апреля 1891 г. контракт с представителями карачаевского общества. По этому контракту он получал на 99 лет исключительное право разработки рудных богатств Карачая, уплачивая карачаевскому обществу за аренду земель под рудники 10 000 рублей ежегодно.

Одному человеку, к тому же не обладающему большими средствами, было не под силу создание рудника, постройка рудообогатительного завода, проведение дороги и т. д. Поэтому

¹ Г. М. Гречишкин. Теберда, горная климатическая станция и дачная местность. Ст. Лабинская, 1912 г., стр. 134.

² Карачай (Баталашинского отдела), «Северный Кавказ», 1891, № 39.

в 1898 г. Томашевский и компаньон его статский советник Н. Экк образовали акционерное общество «Эльбрус» для эксплуатации Кубано Худесского месторождения серебрясвинцовых руд. Томашевский передал обществу «Эльбрус» все имущество и все свои права.

На первых порах деятельность акционерного общества развернулась довольно удачно. Учредители собрали акционерный капитал до полумиллиона рублей. На эти средства был построен Индышский серебрясвинцовый рудообогатительный завод, лаборатория и другие сооружения. Начато было строительство электролитического завода для электролиза цинка. Оборудование и машины для рудника выписали из-за границы. Дальнейшую обработку руды предполагали производить за границей — во Франции.

Казалось, что предприятие имеет большие перспективы. Назказной атаман Кубанской области генерал-лейтенант Малама писал в 1893 г. о руднике: «Предприятие общества «Эльбрус» имеет своею целью развитие в Кубанской области на землях горского карачаевского общества горного промысла в самых широких размерах. В распоряжении общества «Эльбрус» имеется обширный рудоносный округ, многочисленные месторождения которого неисчерпаемы — это доказано обширными разведками и признано нашими представителями науки; природные условия во всех отношениях благоприятствуют осуществлению производства в самых широких размерах».¹

В самом начале 90-х годов на руднике работало 80² рабочих, к 1892 году их было уже 150.³ Число это с каждым годом быстро возрастало.

Условия работы и жизни рабочих рудника были и здесь очень тяжелыми. Все работы велись вручную, на себе возили рабочие руду из штолен, толкая по узким ходам тяжелогруженные тачки. Для того, чтобы пробить штольню дальше в глубь гор или отвалить часть породы, применяли пороховые работы. Пробив в породе шпур (отверстия около дюйма ширины и несколько дюймов глубины), их начинали порохом, закладывали фитиль, замазывали, и затем поджигали конец фитиля. При этом часто бывали несчастные случаи, т. к. техника безопасности почти отсутствовала.

Жили рабочие в землянках, вырытых недалеко от места добычи руды. В поселке не было, конечно, ни столовой, ни медицинского пункта, ничего того, без чего немислимо современное производство.

В 1891—92 годах на Эльбрусском руднике жил и работал

¹ Г. М. Гречишкин, Ук. соч., стр. 134.

² Карачай (Баталпаинского отдела), «Северный Кавказ», 1891, № 39.

³ Видлы Большого Карачая и нарождающийся в Карачае горный промысел. «Север», 1892, № 24, стр. 1243.

Эльбрусский серебрясвинцовый рудник.

Рисунок Кости Хетагурова.

конторщиком и счетоводом талантливейший поэт, просветитель и демократ Коста Леванович Хетагуров.

Коста близко познакомился с условиями жизни рабочих и оставил ряд прекрасных рисунков, освещающих жизнь рудника и быт его рабочих. На одном из рисунков изображен общий вид рудоносной местности, мост через Кубань, за мостом видны жилые строения, кузница, пороховой погреб, сарай. Под сараем виден жолоб, по которому спускалась руда.

На другом рисунке видны жалкие землянки, в которых жили рабочие рудника. На третьем рисунке изображен рабочий момент — один из рабочих везет из штольни тачку с рудой, пятеро других сидят перед входом, разбивают и сортируют руду на несколько сортов в зависимости от состава руды. Четвертый рисунок — глубокая и темная штольня, в которой 2 рабочих пробивают шпур. Два последних рисунка — входы в штольни, один в балке Орта-Кулак, другой — в балке Тахтаул-Чалган.¹

В начале 90-х годов был построен завод, который мог переплавить до 10 тысяч пудов (160 000 кг) руды в месяц. В дальнейшем намечалось довести мощность завода до 3 тысяч пудов в день или более миллиона пудов в год. Построен был второй мост через Кубань, дорога через хребет к месторождениям, находящимся по другую сторону хребта.

В 1894-95 годах строительство продолжало успешно развлекаться. Но оно требовало новых и новых средств, а поступлений акционерного капитала больше не было. Начались финансовые затруднения. Большие деньги пришлось истратить на строительство и ремонт дорог, которые были очень плохи в Карачае. Единственная колесная дорога, построенная в 60-е годы, требовала капитального ремонта. Но даже и после ремонта дороги вопрос о транспортировке продукции оставался нерешенным. Рудник отстоял от железной дороги почти на 120 км. Перевозка продукции рудника от Худеса до станицы Невинномысской на лошадях обходилась так дорого, что акционерное общество сочло более выгодным провести новую дорогу до Кисловодской станции, протяженностью 60—70 км. На это строительство истратили еще 50 тыс. рублей. И когда дорога была наполовину готова, выяснилось, что средств у общества больше нет.

Строительство было законсервировано.

В отличие от Хумаринских угольных копей, на Эльбрусском руднике работали и местные жители — карачаевцы. Правда, они работали больше на подсобных работах — сторожами, возчиками, но некоторые работали и в шахтах. В. М. Сысов писал: «Во время работ у общества Эльбрус находили себе занятие до 2000 человек: этот заработок для местных жителей

¹ «Север», 1892, № 24.

У входа в штольню.

и даже карачаевцев был очень выгоден, так что закрытие завода было тяжелым экономическим ударом для этого горного уголка».¹

После нескольких лет бездействия и запустения Эльбрусский рудник был передан новому акционерному обществу, в котором большое участие принимал иностранный капитал. Это было типичное для Кубанской области, как и для всей России, проникновение иностранного капитала, который стремился прибрать к своим рукам все наиболее доходные отрасли промышленности.

Еще в 1892 г. автор статьи о горном промысле в Карачае писал: «Можно пожелать, чтобы это предприятие, начатое русскими людьми, не поггло или не попало в руки иностранцев, чтобы на нем не повторилась история многих других русских предприятий, когда после двух-трех разорившихся русских предпринимателей, за дело берутся иностранцы с большими капиталами и быстро наживаются».² Та же судьба постигла и Эльбрусский рудник.

Новое акционерное общество называлось «Горное общество горы Эльбрус» (Маунт Елборус Майнес Лимитед.) и имело основной капитал 250 000 фунтов стерлингов. Правление общества находилось в Англии, в России же делами общества руководил ответственный агент общества для России — Н. И. Ковалевский.³

Кроме Кубанских угольных копей и Эльбрусского серебряно-свинцового рудника, на территории Карачая возникло несколько предприятий, связанных с переработкой древесины и древесной смолы. В Худесском и Тебердинском ущельях были построены дегтярные заводы,⁴ в Тебердинском — скипидарно-смолокурные заводы Фитингофа (позже Утякова) и Кондратьева. Эти заводы наносили большой ущерб лесным богатствам Карачая, так как для добычи скипидара, смол и дегтя уничтожались ценные породы хвойных деревьев.

Много леса шло на лесопильные заводы, которыми владели Крымшамхаловы и др. предприниматели.

Безымянный автор статьи «Карачай» в газете «Северный Кавказ» рассказывает о массовой вырубке лесов для продажи древесины на базарах Кисловодска и Баталпашинской: «Прибавьте к этому волчий аппетит знаменитой «общественной лесопилки подполковника Крымшамхалова» и Вы будете иметь приблизительное представление о площади, ежегодно оголяемой в карачаевских лесах наперекор каким бы то ни было правилам лесного хозяйства».⁵

¹ В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 36.

² «Север», 1892, № 24.

³ Г. М. Гречишкин. Ук. соч., стр. 135.

⁴ Труды, стр. 23.

⁵ «Северный Кавказ», 1891, № 39.

С другой стороны, заводы эти имели и положительное значение, т. к. давали заработок населению. На лесопилках непосредственно работали карачаевцы. На скипидарно-смолокурных и дегтярных заводах рабочие были в основном русские, но карачаевцы поставляли сырье для заводов, занимались перевозками. «Небольшой заработок доставляют распилка бревен, доставка корчаг на смолокурный завод, перевозка досок в Баталпашинск»,¹ — писал этнограф-экономист Г. Чурсин.

Карачаевское скотоводство давало большое количество сырья для развития пищевой, суконной и кожевенной промышленности.

«Здесь с успехом могли бы существовать небольшие заводы: кожевенный и салотопенный с производством мыла и свечей и заводы эти не могли бы терпеть недостатка в недорогом материале и в выгодном сбыте своих произведений, но к несчастью нет предпринимателей ни из среды карачаевцев, ни из русского населения»,² — писал в 1879 г. Г. Петров.

В конце 60-х годов была сделана попытка организовать обучение молодых карачаевцев сыроварному делу и способам промывки и очистки шерсти. Вопрос этот был поднят по инициативе начальника Эльборусского округа помощником начальника Кубанской области по управлению горцами. В рапорте указывалось, что незнание правильных методов ведения хозяйства и, в частности, обработки шерсти приносит большой ущерб карачаевцам. Так, шерсть правильно очищенная и промытая, изготовленная в казачьих станицах Черномории продавалась по 6 рублей пуд, а пуд шерсти, поступавший из аулов Карачая — по 2 рубля. Помощник начальника ставил перед начальником Кавказского горского управления вопрос об обучении карачаевских юношей сыроделию и способам промывки и очистки шерсти.³ Однако эти пожелания так и остались на бумаге.

Крупных сыроварен и маслобоен, принадлежащих карачаевцам, так и не возникло. Наиболее крупный сыроваренный завод на территории Карачая был построен русскими предпринимателями Бландовым и Губаревым на арендованной у карачаевского общества земле.

Остальные сыроварни были небольшие, местного значения.

Всего в Баталпашинском уезде в 1871 году имелись следующие предприятия:

№№	Название предприятия	Колич.	Число рабочих	Производили продукции на сумму
1	Винокуренные заводы	2	100	100000 р.
2	Кожевенные и овчинные	91	262	68945
3	Мельницы	427	418	194980

¹ Г. Чурсин, Экономическая жизнь Карачая. Кавказ, 1900 г., № 322.

² Г. Петров, Ук. соч., стр. 145.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 119, л. 2.

№№	Название предприятия	Колич.	Число рабочих	Произвели продукции на сумму
4	Салотопенные заводы	1	6	2000
5	Маслобойни	10	19	1100
6	Кирпичные заводы	3	10	12002 ¹

Как видно из этой таблицы, кроме двух винокуренных заводов, остальные предприятия были фактически маленькими кустарными мастерскими, в которых работало несколько рабочих.

В 1881 году число салотопенных заводов возросло до 20, маслобойных—до 56, кирпичных—до 3, мельниц стало 320, кожевенных заводов—34. Кроме того, были открыты: 2 мыловаренных завода, 4 гончарных и 2 известковые, а всего в уезде стало 427 предприятий.²

Большинство перечисленных предприятий находилось в казачьих станицах Баталпашинского уезда.

ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Одной из причин, осложнявшей экономическое освоение Северо-Западного Кавказа, было почти полное бездорожье Закубанья. Бурные горные реки не имели мостов, аулы были связаны узкими верховыми тропами. Только несколько проселочных дорог, издавна служивших торговыми путями, пересекали Закубанье с запада на восток и с юга на север. Дорога от Черноморского побережья в Кабарду шла параллельно Кубани, затем, отклоняясь на юг, по правому берегу Лабы, вдоль гор до места впадения в Кубань Теберды и дальше по Маре на восток, и Тереку.³

Перевальные пути шли из Абхазии и Сванетии через Марухский и Клухорский перевалы. Но это были лишь тропы, по которым можно было проехать верхом, а товары перевозить вьюком.

По мере продвижения русской армии вглубь Закубанья прокладывались дороги к укреплениям, но в новых условиях, когда Закубанье стало частью территории Российской империи и экономика его стала частью ее хозяйственного организма, этого было недостаточно. Поэтому в пореформенную эпоху строительство дорог было одним из важных моментов хозяйственного развития Северного Кавказа.

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 422.

² Памятная книжка Кубанской области 1881 г. Екатеринодар, 1881, стр. 104.

³ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957 г., стр. 167.

Важным был дорожный вопрос и для Карачая. К середине XIX века на территории Карачая не было ни одной колесной дороги, только узкие горные тропы связывали карачаевские аулы с внешним миром. С севера, над самой Кубанью, то спускаясь к кипящим водам, то поднимаясь высоко на горы, вилась узкая тропочка, по которой верхом или пешком, навьючив поклажу на лошадь, добирались карачаевцы до казачьих станиц: Баталпашинской и других. Такая же едва заметная тропа вела через верховья Мары и Подкумка к Кисловодской и дальше к Боргустанской станицам. Горные перевалы, проходимые только в летнее и сухое время года связывали Карачай с Закавказьем: Чипер азау и Чипер карачаевский — со Сванетией. Махарский — с Абхазией, Марухский — с Кутаисской губернией.

Реки, в обилии шумящие в горах Карачая, приходилось переходить вброд или по временным мостам в виде сваленного бревна, так как мостов не было кроме единственного моста недалеко от впадения в Кубань р. Теберды, где природа сама создала мощные опоры для моста в виде огромных глыб, почти непрегораживающих Кубань. (Каменномостом называлось издавна это место).¹

В горные аулы и поселения по Дууту (Джазлык и Дуут) и по Теберде долгое время не было даже вьючной дороги.

«Пути сообщения в этих обществах чрезвычайно трудны, а местами и вовсе неудобны» — писал автор статьи «Татарское племя на Кавказе»² в 1859 году. А несколько позже в газете Кубанские областные ведомости В. Колесников писал, что до 60-х годов «в Карачае не было ни одной колесной дороги, сообщение же с равнинами происходило посредством горных тропинок, по которым с трудом можно было пробраться только верхом».³ Колесная дорога от станицы Баталпашинской доходила только до Хумаринского укрепления, дальше шли тропинки.

Эти тропы могли в какой-то степени удовлетворить карачаевцев в первой половине века, когда хозяйство их носило натуральный характер, и связи с соседними народами были сравнительно невелики. Но в пореформенный период, когда Карачай начал втягиваться в общее русло экономического развития России, когда с каждым днем все больше развивались товар-

¹ Этот мост был известен русскому командованию и использовался им еще в самом начале XIX в. Генерал-майор Дельпоц доносил в своем рапорте наместнику Кавказа Цицианову в 1805 г.: «Переправа через Кубань-Каменный мост — названа сим именем по причине устроенных тут природою от воды высоких и между собою узких утесистых берегов, через кои с одного на другой перекидываются ординарные бревна и сверху оных наматываются доски, по коим имеют безопасную как конные, так и на арбах выгодную переправу». АКАК, т. II. Тифлис, 1868, стр. 972.

² «Кавказ», 1859 г., № 86.

³ «Кубанские областные ведомости», 1898 г., стр. 267.

но-денежные отношения, такое положение стало нетерпимым.

Поэтому одним из первых мероприятий администрации Эльбрусского округа в 60-е годы было создание колесных дорог в Карачае.

«Другая неотложная нужда, в сильнейшей степени мешающая экономическому и культурному росту Карачая — отсутствие удобных путей сообщения. Заброшенный в далекие, малодоступные ущелья, Карачай долгое время жил совершенно обособой, изолированной жизнью, сохраняя как в хозяйственном быте, так и во всем вообще укладе жизни черты отдаленного культурного прошлого»¹ — писал Г. Ф. Чурсин.

Прежде всего нужно было проложить дорогу от ст. Баталпашинской до центра Карачая — аула Учкулан. Население Большого Карачая, заинтересованное в строительстве дороги, очень доброжелательно отнеслось к предстоящему строительству, согласилось выделить для него и средства и людей. На всех жителей Большого Карачая была возложена обязательная дорожная повинность — отработать определенное количество дней на строительстве дороги. Бедняки и средние хозяева отработывали сами положенное число дней, феодальные владельцы посылали вместо себя своих кулов² или наемных работников.

Администрация Кубанской области со своей стороны обещала выделить на строительство деньги, мастеров для проведения бурильных и подрывных работ и 6 рот солдат.

Однако с самого начала строительства, оно тормозилось из-за недостатка средств, мастеров, материалов. Солдат вместо 6 рот прислали только 2 роты. Между тем прокладка дороги в тяжелом каменистом грунте оказалась делом сложным и дорогим.

Особенно сложным был участок вдоль Кубанского каньона, прозванный карачаевцами Аман-ныхыт (плохая скалистая дорога). В этом месте скалистые берега Кубани почти сходятся друг с другом, отчего в ущелье всегда царит полумрак. Над головой высоко вверх уходят громады скал, а внизу в узком и тесном ущелье с ревом несется Кубань. Каждый метр дороги приходилось пробивать здесь с огромным трудом, взрывая скалы за скалой.

Для того, чтобы взрывать скалы, перегораживающие трассу, требовалась одновременная работа 150 бурильщиков и 300 чернорабочих. Рабочих, выделенных карачаевским обществом, и присланных администрацией солдат, не хватало. Подрядчикам поручено было нанимать вольнонаемных рабочих.

Условия, в которых трудились и жили рабочие, были очень тяжелыми. Несмотря на то, что работа была трудной, не нор-

¹ Г. Ф. Чурсин, Поездка в Карачай, стр. 257.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 229, л. 6.

мированной, даже квалифицированные рабочие получали нищенскую плату: бурильщики 16 рублей в месяц, кузнецы — 20 рублей.¹ Еще тяжелее была жизнь строителей карачаевцев, которые не получали никакой платы за свой труд. Архивные документы рассказывают о случаях побегов со строительства кулов, посланных туда их владельцами.

В годы прокладки дороги это строительство поглощало значительную часть бюджета карачаевского общества. Так, в 1867 г. из поступивших в общественные суммы 8 тысяч рублей 6 тысяч было истрачено на дорогу.²

Работа продвигалась медленно, т. к. была исключительно трудоемкой. За первый год строительства — 1866 провели 2 версты 388 сажень (2,93 км) дороги, шириною в 7 аршин (5 метров) чтобы пробить эти 2 версты, потребовалось 82 пуда пороха (1 312 кг). В 1867 г. проложили еще меньший путь — 850 сажень (1,78 км), но так как все 1 785 метров пролагали в скалах, пороху потребовалось 119 пудов³ (1 904 кг).

Вот так, шаг за шагом вгрызаясь в скалы и горы, работая до изнеможения, вручную, прокладывали карачаевцы бок о бок с русскими эту дорогу в горы Большого Карачая.

«При устройстве дороги пришлось потрудиться порядочно не только работавшим на ней солдатам-саперам, но и населению: в некоторых местах полотно буквально высекалось в плотной скале, камни приходилось рвать порохом, в иных же местах нужно было соорудить дорогу из бревен и камней, так как сыпучесть грунта и напор быстрого течения Кубани не позволяли продолжать путь иначе»,⁴ — писал вскоре после окончания сооружения дороги в 1879 г. Г. Петров. Но зато дорога эта по его же словам, «соединяет их с остальным миром, живущим на плоскости».⁵

Дальше автор рассказывает, о том, как закрепились по новым дорогам арбы, груженые лесом, сеном или просом.

Но все же чаще на новых дорогах встречаются верховые и вьючные лошади и ослы, т. к. «карачаевцы совсем не мастера ездить на колесах».⁶

Несколько позже в 1868 г. был поднят вопрос о строительстве дорог в ущелье Дуута и Теберды. Помощник начальника Кубанской области по управлению горцами, объезжая горские округа, прибыл в сентябре 1868 г. в Эльборусский округ. Одной из тем его беседы с жителями был именно вопрос о дорожном строительстве. «Общество ему заявило полную готовность

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 132, л. 39.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 43, л. 12, 22.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 132, л. 83.

⁴ Г. Петров, Верховья Кубани — Карачай. Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Ектеринодар, 1880, стр. 134.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

принять на себя все издержки по проложению дорог: колесной по ущелью реки Теберды и вьючной по Дууту»,¹ доносил в октябре того же года начальник области начальнику кавказского горского управления.

Прокладка дорог требовала одновременно большого строительства по сооружению мостов через неширокие, но бурные и капризные горные реки. В 70-е годы были построены мосты через Кубань (около Хумары), Теберду (недалеко от впадения ее в Кубань, у Сентинского аула и Тебердинского) и т. д. Мосты эти были построены на деньги, выделенные для этого из карачаевских общественных сумм.²

Значение дорожного строительства было велико для экономического и культурного развития карачаевского народа. Несмотря на то, что дорог было построено недостаточно, но и те, которые проложили, способствовали оживлению экономических связей Карачая. Г. Ф. Чурсин сообщает, что только после проведения колесных дорог, строительство которых было начато в 1867 году, «в Карачае впервые появились арбы и начались более постоянные сношения Карачая с внешним миром».³

Проведение дорог облегчило поездки карачаевцев в русские станции, а русских — в Карачай, тем самым усиливая экономические связи и обмен между ними, ускоряя развитие товарно-денежных отношений в аулах. Карачаевцы стали постоянными гостями на осенней и весенней ярмарках в ст. Баталпашинской, на Кисловодском базаре и т. д.

Учитель Тифлисской гимназии К. Ф. Ган описывает в своих путевых заметках, как встретил на Тебердинской дороге карачаевцев, «которые отвозили в Баталпашинск на маленьких арбах бурки и войлоки, домашние изделия их женщин». Некоторые арбы были гружены громадными бревнами.⁴

В статье «Карачай (Баталпашинского отдела)», помещенной в 1891 г. в газете «Северный Кавказ» рассказывается о десятках тысяч арб леса, которые вывозили карачаевцы ежегодно на базары Кисловодска и Баталпашинска.⁵

Но кроме того, это строительство имело и политическое значение — оно сближало карачаевцев с русскими и другими народами Российской империи. На строительстве дороги работали и карачаевцы, и русские, и украинцы, и представители других народов. Так, например, в 1866 г. в дорожных работах участвовали 4 050 карачаевцев (чередясь, по определенному количеству дней) и 3 513 русских.⁶ Совместная работа сближала трудящихся обеих народов.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 132, л. 120.

² Карачай (Баталпашинского отдела). «Северный Кавказ», 1891, № 39.

³ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай, стр. 257.

⁴ К. Ф. Ган. В верховьях Кубани и Теберды. «Кавказ», 1893, № 334.

⁵ «Северный Кавказ», 1891 г., № 39.

⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 132, л. 83

К. Игельстром.

Дорожными работами в Карачае, правда, в более ранний период, в 40-х годах XIX в., когда велась дорога к Хумаринскому укреплению (так называемая «мышинная тропа»), руководил один из участников декабристского движения Константин Игельстром. Инженер по образованию, Игельстром руководил работами по усилению Хумаринского укрепления и строительства дороги к этому укреплению.¹

Так, работавшие на дорожном строительстве карачаевцы знакомились с представителем передовой русской интеллигенции декабристом Игельстромом.

В период русско-турецкой войны 1877—78 гг. начато было строительство Военно-Сухумской дороги через Клухорский перевал. Дорога нужна была в этот период главным образом из стратегических соображений, для переброски отряда ген. Бабица в Сухуми. На строительство дороги работали шахтеры Кубанских угольных шахт, а в самых высокогорных местах — карачаевцы и сваны, больше всего знакомые с местными условиями.² Строительство дороги,, которая проходила через каменистые горы, затянулось. К середине 90-х годов дорога считалась законченной, но постоянные оползни и обвалы делали ее практически непригодной для колесного транспорта.

Проникновение русского капитала на Кавказ и колонизация этого богатейшего края требовали безотлагательного решения вопроса и о железнодорожном строительстве. Вывоз с Кавказа промышленного и сельскохозяйственного сырья, ввоз туда промышленных изделий из центральных губерний тормозились из-за отсутствия дорог. «Край нуждается в строевом лесе, в железе, в чугуне, в топливе, в мануфактурных изделиях и колониальных товарах, все это может быть доставлено в край

¹ Е. Польская. Декабрист Игельстром в Карачае. «Ленинское знамя», 1960, 10 ноября.

² Е. Польская. Сухумгъа джол. «Ленини байрагъы». 1963 г. 24 ноября.

из Ростова, из Екатеринославской губернии и из Грушевских копей войска Донского»¹— говорилось в записке о кавказской железной дороге и ее направлении.

Отсутствие дорог затрудняло и приток на кубанские равнины рабочих рук из центральной России. Цена косаря доходила до 2 р. 50 коп. в сутки. Более 50 тысяч рабочих проходили ежегодно пешком из Курской и Воронежской губерний для заработка в Ставропольскую губернию на покос и жатву.²

Все это вместе делало совершенно необходимым проведение дорог и в первую очередь железной дороги, которая связала бы Кавказ с центральной Россией.

В архивном документе «О необходимости соединить Кавказ с центром империи устройством железного пути между оконечностью русской сети в Ростове-на-Дону и Владикавказом с ветвью к Черному морю» постройка железной дороги прямо связывалась с интересами русских капиталистов и русской промышленности. «Но для привлечения их в здешний край необходимо сблизить его не только административно, но и материально; нужно сократить расстояние, отделяющее Кавказ от центра России, а это возможно только посредством сооружения железных путей».³ При этом автор Записки ссылается на беспрецедентное развитие, которое приняла в последнее время постройка железных дорог в России.

Постройке дороги придавалось большое военное и политическое значение. «Только удобная дорога может прикрепить Кавказский и Закавказский край к России навсегда прочными и неразрывными узами»⁴— говорилось в записке заместителя императору. При этом кавказская администрация даже не скрывала своих русификаторских целей, согласно которым Кавказ должен был утратить всю свою самобытность и превратиться в придаток царской империи. В Записке прямо говорится о задаче обрусения Кавказа, о том, что «быть может не в далеком будущем Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до Азиатской ее границы».⁵

Предварительные изыскания для постройки железной дороги были начаты в 1869 году, т. е. почти сразу же после окончания Кавказской войны, т. к. колонизация Кавказа с первых же шагов наткнулась на эту преграду — отсутствие дорог и сложность перевозок.

Планы проведения железной дороги сразу же вызвали бур-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 61.

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 13.

ные отклики и споры, особенно вопрос о маршруте будущей дороги.

Сторонники проведения железной дороги через Ставрополь и Пятигорск доказывали, что дорога превратит горские земли, через которые она пройдет, в цветущие области, будет способствовать развитию хлебопашества в Чечне, Калмыкии и г. д. «Нельзя сомневаться, что умные горские племена, склонные к торговле, немедленно воспользуются этим путем, чтобы превратить в плодоносные поля прекрасные ущелья и долины горных лесистых хребтов».¹

Сторонники проведения железной дороги через ст. Баталпашинскую доказывали свою точку зрения тем, что район этот богат как рудными ископаемыми, так и лесом. Строительство дороги будет облегчено наличием строевого леса в Карачае. Дорога же в свою очередь будет содействовать дальнейшему росту промышленности в этом районе, в частности, Хумаринских каменноугольных копей. Дорога обеспечит сбыт обширному карачаевскому скотоводству, особенно овцеводству, усилит товарный характер его.

После долгих дискуссий был выработан маршрут железной дороги от Ростова через станицы: Тихорецкую, Кавказскую, Невинномысскую, г. Георгиевск, ст. Прохладную, на г. Владикавказ.

Одновременно разрабатывались проекты ответвления дороги к Черноморским портам Ейску или Анапе, для вывоза кубанской пшеницы за границу.

13 августа 1875 г. было открыто движение поездов по Ростово-Владикавказской железной дороге, а в последующие годы по веткам: Тихорецкая — Екатеринодар, Екатеринодар — Новороссийск. Павловская — Ейск, Армавир — Туапсе, Беслан — Петровск.

Ростово-Владикавказская железная дорога соединяла Россию с Северным Кавказом, но Закавказье так и оставалось отрезанным, т. к. проведение дороги через Кавказский хребет для тех лет было не простой задачей. Долго спорили о том, как лучше вести дорогу в Закавказье через горные перевалы или по побережью моря.

В 80-е годы возник впервые вариант проведения железнодорожной линии ст. Невинномыск — Теберда — Сухуми, которая должна была пройти по территории Карачая. Для исследования трассы еще в 1879 г. начальник Сухумского округа генерал Аракин послал специальную комиссию. В наиболее высокой точке трассы предполагалось проведение семкилометрового туннеля, соединяющего верхние притоки Кодора и Теберды: Чхалът дзыхи и Хутуй.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 58—59

Доказывая выгодность проектируемой линии, автор сообщения Ю. П. Проценко перечисляет богатства края, через который должна пройти железная дорога: мачтовые сосновые леса по р. Теберде и пихтовые и каштановые по р. Кодору, «миллионное скотоводство карачаевцев», фруктовые сады на южных склонах, эвкалипты и чайные насаждения Абхазии. Проведение железной дороги рассматривалось как мера, которая содействовала бы колонизации Баталпашинского и Сухумского отделов, т. к. облегчала проникновение туда русских людей, а главное — русских капиталов.

И третьим доводом было военное значение дороги, которая облегчала бы переброску войск из центральной России к южным границам империи.

Сообщение Ю. П. Проценко по этому вопросу было опубликовано в Записках Кавказского отделения императорского русского технического общества. Автор вычислил, что проведение железной дороги из долины Кодора в долину Теберды, протяженностью в 305 верст обойдется в 60—80 тыс. рублей, 7-верстного туннеля в 9 млн. 560 тыс. рублей, а всей линии Невинномысск — Теберда — Сухуми — Ново-Сенаки до 40 млн. рублей (по его подсчетам — 39 960 000¹ рублей).

В 1893 г., в период наибольшего размаха работ на Эльборусском руднике, один из учредителей рудника, инженер Томашевский, подал докладную записку министру финансов о перевальной Сухумской железной дороге от ст. Невинномысской или от ст. Курсавка по ущельям рр. Теберды и Кодора на Сухуми, с веткой «Карачаевской» к Эльборусским рудникам. Ветка, протяженностью в 35 верст, должна была, по мысли Томашевского, обеспечить вывоз продукции рудника, которую рассчитывали довести до 5 млн. пудов в год. Однако рудник, как говорилось, вскоре пришел в запустение, и надобность в этой ветке отпала.

Постройка железных дорог была важным фактором в процессе развития капитализма и образования капиталистического рынка. Она содействовала соединению Северного Кавказа в единое хозяйственное целое с Центральной Россией, способствовало росту производительности сил и проникновению товарно-денежных отношений в горские аулы.

Открытие железнодорожного сообщения Ростов—Владикавказ активизировало не только торговлю, обороты которой резко возросли, но и развитие сельского хозяйства Северного Кавказа, превращение этого хозяйства в товарно-денежное. Связь с черноморскими портами облегчила вывоз кубанской пшени-

¹ О необходимости производства изысканий для железной дороги по третьему направлению — на Сухуми для соединения России с Закавказьем. Сообщение Ю. П. Проценко 22 февраля 1891 г. Записки Кавказского отделения русского технического общества, том XX, 1891 г., вып. 2, стр. 26.

цы как в русские порты, так и за границу, тем самым значительно повысила и посевы пшеницы.

Ростово-Владикавказская дорога проходила по самым хлебным районам Северного Кавказа. Первые 6 станций были расположены на территории Донской области, следующие 18 — Кубанской и 14 — Терской областей. С 32 станций Северного Кавказа было отправлено в 1885 г. 16 млн. пудов груза, «преимущественно хлебные продукты и др. жизненные припасы».¹ Причем, «судя по таможенным отчетам, почти весь хлеб, до 9 млн. пудов, полученный с Северного Кавказа в Ростове, отправляется за границу, в числе 18 млн. пудов, отпускаемых этим городом». Кроме того, более 4 млн. пудов хлеба вывозилось за границу из Ейска и Темрюка. (В числе хлебных продуктов наряду с пшеницей была кукуруза, пшено и др. злаки).

В обратном направлении, из России на Кавказ, шли по железной дороге мануфактурные товары (до 40 тыс. пуд.), сахар (203 тыс. пудов), железо (183 тыс. пуд.), холст (38 тыс. пудов) и так далее.

По этой же дороге шли транзитные товары, отправляемые в Персию и другие страны Азии. Туда вывозились также промышленные изделия: ткани и железные изделия, а кроме того, сахар, чай, соль и др. продукты.

Из всех кавказских станций самыми оживленными и богатыми хлебом были ст. Кавказская, с которой вывозилось 2 321 тыс. пудов, Армавир (2 145 тыс. пудов), Тихорецкая (1 740 тыс. пудов) и Малороссийская (1 519 тыс. пудов). Вывоз с остальных станций Кубанской области был менее миллиона пудов (напр. со ст. Невынномысской — 641 тыс. пудов).

Всего в 1885 г. по Ростово-Владикавказской железной дороге было перевезено 22 млн. пудов груза и 227 тысяч пассажиров. Вывоз хлеба с каждым годом увеличивался.

С проведением железной дороги особенно быстро пошел тот процесс, который В. И. Ленин назвал «экономическим завоеванием» Кавказа: колонизация его русским населением и русским капиталом, наводнение русскими фабричными изделиями, которое повлекло упадок местного кустарного производства. Современник этих событий, осетинский этнограф-публицист Ардасенов прямо связывал проникновение на Кавказ заводских изделий и упадок ремесла с постройкой железной дороги: «С проведением Ростово-Владикавказской железной дороги произведения мануфактурной и заводской промышленности вытесняют всюду местные изделия, убивая кустарные промыслы страны».²

Вопрос о перевальной железной дороге поднимался не раз и в начале XX века. В Баталпашинске был образован даже вре-

¹ Кавказский календарь на 1888 г., стр. 36.

² В. И. Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. «Новое обозрение» № 4258.

менный комитет по устройству железной дороги Невинномысская—Сухуми—Новосенаки и выработан устав концессии. Вычислена была примерная стоимость дороги 51 млн. рублей, учтены все преимущества этой дороги, которая должна была сократить путь от ст. Невинномысской до Тифлиса на 708 верст. «Железная дорога через Теберду в Сухум, являясь кратчайшим путем из Европейской России к южной половине Черноморского побережья, не только оживила бы всю нагорную полосу по р. Кубани и р. Теберде, дала бы возможность использовать, эксплуатировать дары природы этого края, но и захватила бы в свой район Гагры, Гудаут, Сухуми, способствовала бы заселению безлюдной, но богатой строевым лесом, полезными минералами, целебными источниками чрезвычайно здоровой местности, несравнимой в этом отношении с малярийным Черноморским побережьем»,¹—писал врач Г. М. Гречишкин в 1912.

Глава VI.

ТОРГОВЛЯ

К началу пореформенного периода у карачаевцев сложились уже довольно прочные и регулярные торговые связи с Россией. Несмотря на натуральный характер хозяйства, карачаевцы-скотоводы не могли существовать без обмена с земледельческим населением, у которого приобретали хлеб, без покупки железа, металлических изделий и тканей. В обмен за все эти товары расплачивались они скотом и продуктами скотоводства и своего ремесла.

Торговые связи шли из Карачая главным образом к соседним народам: сванам и грузинам на юге, к кабардинцам и балкарцам на востоке, к черкесам на западе и русским на севере. Более далекие торговые пути вели в Дагестан и Турцию.

Главными предметами ввоза служили соль, хлеб, металлические изделия, ткани. Вывозили, а точнее перегоняли по горным тропам для обмена и продажи лошадей, крупный рогатый скот и больше всего знаменитых карачаевских овец.

Командующий войсками Правого крыла кавказской линии генерал Филиппсон писал в своих воспоминаниях о высоких качествах карачаевской баранины, которая «вкуснее лучшей телятины и имеет какой-то особенный аромат»,² и называл места, где происходил торговый обмен, в том числе пещеры Базардорбун на перевале из Сванетии к верховьям Кубани.³ В них сваны обменивали на скот сушеные фрукты, соль и привозные ткани.

¹ Г. М. Гречишкин. Ук. соч., стр. 141.

² Филиппсон. Воспоминания. М., 1885, стр. 95.

³ Там же, стр. 283.

Пользовались спросом также изделия карачаевского ремесла: горское фукно, бурки, войлоки. Их покупали и казаки Кубанского линейного войска, правда, еще в небольшом количестве.

В первой четверти XIX века торговые связи карачаевцев с русскими были еще незначительными. Это объяснялось и географической удаленностью карачаевских аулов от русских населенных пунктов, и замкнутостью их натурального хозяйства и политикой правящей верхушки, которая придерживалась турецкой ориентации и предпочитала более выгодные для нее связи с турецкими купцами.

Если народ платил за покупные изделия плодами своих трудов, то феодальная верхушка предпочитала расплачиваться самым дорогим — «живым товаром», охотно вступала в работорговлю, которая существовала в Карачае и в начале XIX века.

В 20-е годы XIX века положение изменилось. Граница по верхней Кубани была укреплена рядом новых постов и станиц, в которые переселились жители глубинных станиц Хоперского полка. Новые станицы: Баталпашинская, Беломечетская, Бекешевская и др. были расположены уже значительно ближе к горам Карачая. Между поселившимися там казаками и местным населением сразу же возник торговый обмен.

Но главное заключалось в том, что в 1828 г. Карачай окончательно вошел в состав Российской империи. Даже наиболее враждебные России и преданные Турции князья Крымшамхаловы порвали все связи с турками и целиком перешли на русскую сторону.

Одним из условий принесения карачаевцами покорности России, было открытие менового двора, «на коем они могли бы получать хлеб, соль, железо и другие нужные им товары».¹

С этого времени торговля с Россией стала ведущей в экономических связях карачаевского народа.

Это был период, когда торговля на Кавказской линии была монополией государства. Правительство пыталось использовать растущие связи горцев с русским населением в интересах своей колониальной политики. Для этого по всей Кавказской линии был открыт ряд меновых дворов и карантинных застав. Торговля на них регламентировалась государством. В горы пропускали далеко не все товары, в которых нуждалось население. Ограничена была торговля железом и другими металлами, и даже соль и хлеб пропускались не в достаточном количестве.

Главным условием допуска к торговле была политическая благонадежность населения, верность правительству. Меновые дворы открывались только на тех землях, жители которых сог-

¹ ГАКК, т. VII, стр. 881.

лашались принести присягу на верность России. Так называемые непокорные горцы к торговле не допускались.

«Никому из горцев, не поступивших в подданство России, не будет дозволено вступать в торговые обороты»,¹ — указывалось во Временных правилах для меновой торговли, изданных в 1821 г. Но даже и после принесения присяги народа, для права торговли требовалось разрешение пристава, который указывал в специальном билете, какое количество хлеба или соли имел право купить приехавший на меновой двор горец.

Наиболее близкие к карачаевцам меновые дворы находились в станицах Боргустанской и Баталпашинской. В 30-е годы, начале 40-х годов там были только карантинные заставы, которые строго проверяли привозимые карачаевцами, черкесами, абазинами и ногайцами товары и пропускали их в русские пределы после карантинного очищения. В 1846 г. на месте застав были открыты и меновые дворы.

Чаще всего для меновых дворов даже не строилось специальных помещений, а использовались пустовавшие сараи или старые лабазы. Так, в ст. Боргустанской меновой двор помещался в заброшенном артиллерийском сарае с протекающей крышей и дырявыми стенами. В станице Баталпашинской под меновой двор арендовали складское помещение у хорунжего Джемардыдзе.

В 40-е годы XIX века торговля на меновых дворах только номинально продолжала считаться «меновою». Фактически же безденежный обмен горских изделий на соль, ткани и другие фабричные изделия давно был вытеснен торговлей на деньги.

Только совсем небольшая часть соли выменивалась непосредственно на продукты и скот, а большая часть продавалась на деньги по 28 коп. за пуд. Так, в течение 1847 г. на Баталпашинском меновом дворе было отпущено горцам свыше 6 тыс. пудов соли, из которых продано на деньги 5 379 пуд. 13 фунтов и выменено на вещи 837 пудов 14 фунтов.²

Привозимые горцами изделия ремесла и скот также в основном продавались на деньги. Одним из наиболее распространенных предметов торговли на Баталпашинском меновом дворе были овчины, которые привозили сотнями и даже тысячами, и продавали по 25 копеек штука, бурки — по 1 руб. штука, черкески — по 2—3 руб., полсти — по 50 копеек, кожи скота и шкуры диких животных — по различным ценам — от 2 до 15 рублей, горское сукно по 10 коп. аршин. Кроме того, для продажи привозили много сельскохозяйственных продуктов: мед по 3 руб. пуд, воск по 11 руб. пуд, сало по 2 руб. пуд, мас-

¹ ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 728, л. 140.

² ГАКЧАО, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 16, л. 10.

ло по 4—5 руб. пуд,¹ пригонялся скот: лошади, оцениваемые в 35 руб., рогатый скот в 20 руб. за одну голову.²

На Боргустанском меновом дворе в 1848 г. карачаевцам было продано за наемные деньги соли:

в январе — 70 пудов 20 ф.,

в феврале — 95 пудов 25 ф.,

в марте — 361 пуд 38 ф.,

в апреле — 159 пуд. 25 ф. и т. д.

Всего за 1849 г. продано соли 1961 пуд 13 фунтов.³

На вещи же выменено значительно меньше. В январе, феврале, марте, мае, июле, сентябре, октябре, ноябре и декабре «мены не было»,⁴ а в апреле, июне и августе выменены сушие пустяки (в августе — 1 пуд 25 ф.).⁵

В течение 1851 года на этом же меновом дворе продано на деньги 2599 пудов 25 ф., а выменено на вещи — 37 пудов 25 ф.⁶

Еще разительнее цифры, характеризующие упадок безденежного обмена, по всем меновым дворам Кавказской линии. В 1849 г. обороты денежной торговли с горцами превышали полмиллиона. У горцев было куплено изделий на 209 тыс. 96 рублей, продано им на 543 тыс. 990 рублей, а безденежный обмен горских изделий не достигал 2 тыс. рублей (1 828 руб.).⁷

Несмотря на строгие предписания, государственная монополия на соль и запрещение продавать горцам оружие и порох, все чаще нарушалась. Тайным соперником государства в торговле солью выступало казачество, на землях которого находились соляные озера.

Заведующий Баталпашинским меновым двором жаловался в своем рапорте главному попечителю кавказских меновых сношений с горцами, что горцы стали меньше покупать соль на меновом дворе, а вместо этого покупают ее незаконно у казаков пятой бригады Кавказского линейного казачьего войска за более дешевую цену.⁸ Откупщик озер, принадлежащих 5-й бригаде, казак Павел Фисенко продал горцам под видом соляной грязи, до 100 пудов натуральной соли.⁹

Купленную контрабандным путем соль, горцы провозили в Закубанье, минуя карантинные заставы. Причем, заведующий Баталпашинским меновым двором высказывал опасения, что горцы провозили таким образом не только соль, но и порох, и огнестрельное оружие и др. уже запрещенные предметы.¹⁰

¹ ГАКЧАО, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 16., л. 4—5.

² ГАСК, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11, л. 2—22.

³ ГАСК, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 3.

⁶ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 227, л. 128.

⁷ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 102, л. 473.

⁸ ГАКЧАО, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 17, л. 2.

⁹ ГАКЧАО, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

¹⁰ ГАКЧАО, ф. 1, оп. ед. хр. 25, л. 10.

Нарушением государственной монополии и прямой спекуляцией занимались и сами царские чиновники. Среди многочисленных дел о контрабандной торговле солью есть жалоба и на заведующего Баталпашинским меновым двором о том, что он тайком, по ночам, продавал соль горцам без удостоверения от приставов, причем, по цене, почти в 4 раза превышающей казенную цену на соль.¹

По-прежнему процветал произвол администрации, несмотря на указание «не делать горцам никаких обид и притеснений». Иногда без всяких оснований торговля прерывалась или запрещался въезд горцев в ту или иную станицу, где находился меновой двор. Так, в 1853 г. смотритель Боргустанского двора жаловался на необоснованное запрещение карачаевцам ездить в ст. Боргустанскую. «В ст. Боргустанскую запрещен въезд горцам, с какого распоряжения, мне неизвестно, что вредно отражалось на торговле, которая и без того уменьшилась».²

Но главное, что вело к упадку меновых дворов — это несоответствие их возросшим торговым связям черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев с русским населением.

Никакими правилами и предписаниями нельзя было удерживать торговлю в узких рамках меновых дворов. Около дворов возникали базары, на которых горцы вели торговлю непосредственно с жителями ближайших станиц.

Кроме базарных дней, которые бывали обычно 1—2 раза в неделю, дважды в год происходили большие ярмарки, на которые съезжались горцы и русские из дальних селений и городов. Обороты ярмарок исчислялись тысячами, иногда десятками тысяч рублей.

За счет базаров и ярмарок значительно возрастали общие торговые обороты. В 1847 г. горцами было привезено и продано различных изделий почти на 400 тысяч рублей, а куплено больше, чем на 250 тысяч, в том числе по меновым дворам:

№ № п. п.	наименование менового двора	привезено горца- ми изделий на сумму (руб.)	отпущено им товаров на сумму (руб.)
1	Амир-Аджиуртовский	45689	611
2	Кизлярский	62440	24274
3	Червленский	37303	59459
4	Моздокский	22161	7651
5	Пришибский	28625	22528
6	Прохладненский	10574	7055
7	Георгиевский	13123	14110

¹ ГАКЧАО, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 5, л. 2.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 361, л. 1.

№№ п. п.	наименование менового двора	привезено горца- ми изделий на сумму (руб.)	отпущено им товаров на сумму (руб.)
8	Нальчикский	11778	11676
9	Пятигорский	2 429	14592
10	Боргустанский	26993	22916
11	Баталпашинский	30260	22916
12	Невинномысский	9577	1190
13	Прочноокопский	46887	23154
14	Усть-Лабинский	13170	4351
15	Махашевский	1683	3686
16	Темиргоевский	564	885
17	Тенгинский		164
Всего на		387245	245017 ¹

Разрешение на посещение ярмарок имело целый ряд ограничений. Только князья, дворяне и эфенди могли приезжать на ярмарки верхом и без пропуска. Простолюдины должны были являться пешком, без оружия, по особому пропуску. Тем не менее заинтересованность горцев в ярмарках была очень велика. Крестьянин мог продать на ярмарке изделия своего ремесла или продукты сельского хозяйства и приобрести все необходимое для хозяйства без посредничества перекупщиков-купцов, которые при покупке горских изделий оценивали их значительно ниже настоящей стоимости.

Черкесы, карачаевцы, абазины и ногайцы, живущие далеко от существовавших ярмарок, писали прошения об открытии новых ярмарок ближе к месту их жительства.

Ярмарка при Баталпашинском меновом дворе устраивалась дважды в год — весенняя 23 апреля и осенняя 1 сентября. На ярмарку съезжались карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы и даже довольно далекие абадзехи, всего более 1 500 человек.² Они привозили с собой сотни овчин, бурок, башлыков, сотни пудов сала и масла, тысячи арб леса, сотни голов скота.

На ярмарке 23 апреля 1849 г. было продано горцами 1 000 овчин, 800 бурок, 578 черкесок, 400 полстей и ноговиц, 1 000 налокотников, 18 пудов коровьего масла, 1 500 арб дерева и леса, 2 000 аршин горского сукна, 300 голов скота, 500 лошадей и т. д. всего на 19 044 руб. 80 коп.³ На вырученные деньги горцами куплено 15 000 аршин ситца, 3 200 аршин миткаля, 18 000 аршин кумача, 1 000 покрывал, 10 000 аршин холста, 320 сундуков, 280 зеркальных стекол.⁴

¹ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 441—474.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 417.

³ ГАКЧАО, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4, л. 43.

⁴ Там же.

По словам главного попечителя кавказских меновых сношений с горцами, «Баталпашинский меновой двор приобретает несомненные успехи в торговой промышленности и по существующим там 23 апреля и 1 сентября ярмаркам, куда с того времени, как горцы узнали о дарованной им свободной меновой торговле, начинает усиливаться народостечение со стороны закубанских кабардинцев, бесленеевцев, абазинцев и даже абадзах с прилегающими по правой и левой стороне Кубани татарами».¹

Наряду с местными жителями на ярмарку приезжали русские торговцы для закупки скота.

Кроме Баталпашинской ярмарки народы Черкесии и Карачая посещали ярмарки в Георгиевске, Пятигорске и Ставрополе. Ставропольскую ярмарку посещали более всего ногайцы. За январь 1847 года через Невинномысскую карантинную заставу последовало в Ставрополь 59 ногайцев, 2 абазина и 1 беглый кабардинец. Ногайцы из аула Мансурова привезли с собой 57 воловых кож, 395 овчин, 20 пудов говяжьего сала, 2 пуда коровьего масла и 2 бурки, которые променяли в Ставрополе на «красный товар».²

Карачаевцы и черкесы чаще всего ездили на ярмарки в Пятигорск и Георгиевск. В 1847 г. ярмарки в этих городах посетило 4 445 человек — черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев. Они привезли товаров на 41 106 руб. 31 коп., а купили на 28 702 р. 45 коп. В 1848 г. привезли на 52 327 рублей 30 коп., купили на 52 327 рублей.³

Самая оживленная ярмарка в Георгиевске бывала осенью с 1 по 8 октября («Покровская»). На нее съезжались жители городов, станиц и аулов почти всего Северного Кавказа, а купцы приезжали из всей Ставропольской и многих центральных губерний Российской империи. Иногда прибывали и иностранные купцы со своими товарами.

Мориц Вагнер, посетивший Кавказ в середине 40-х годов XIX в., описывает удивительное разнообразие народов, языков и костюмов, которое царило на этой ярмарке. Рядом со стройными кабардинцами бродили цыгане, среди множества монголоидных лиц выделялись своей красотой карачаевцы, которых он называет «эльбрусскими татарами». Здесь же торговали у горцев скот светловолосые колонисты, одетые в экзотические костюмы полукавказского, полуказахского образца.

Сотнями голов исчислялся пригнанный на ярмарку скот, десятками тысяч аршин — привезенные ткани. Так, на Покровскую ярмарку 1833 г. в Георгиевск было привезено сукна — 990 аршин (лучшие сукны принадлежали фабрике Фидлера), бумажных материй — 42 200 аршин, льняных — 13 500 аршин,

¹ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 417.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 27, л. 6.

³ Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии, стр. 226.

шелковых — 20 000 аршин, платков — 1 750, кож — 1 850 штук, металлических изделий — 859 штук, фарфора, фаянса, хрустала и зеркал — 2 620 штук.

Местным населением было пригнано на ярмарку 840 голов крупного рогатого скота, 119 лошадей, 1 200 овец, привезено 500 четвертей хлеба, 510 пудов сала, 140 п. масла, мед, сукна, полсти и т. д.

Общая сумма привезенных товаров доходила до 600 027 рублей.¹

Оборот ярмарок с каждым годом увеличивался.

Кавказская администрация, убедившись в упадке меновой торговли, попыталась найти еще какой-нибудь выход, чтобы продлить существование меновых дворов. Такой соломиной, за которую ухватились царские чиновники, была откупная система.

Сдача отдельных меновых дворов на откуп частным лицам практиковалась в виде исключения с первых же лет существования меновых дворов. В конце 40-х годов, начале 50-х годов правительство снова вернулось к откупной системе, но уже в более широких размерах. В 1849 г. меновые дворы Черномории были сданы на откуп отставному войсковому старшине А. Л. Посполитяки.

В Ставропольской губернии продажа соли была отдана в 1853 г. на откуп пятигорскому купцу 1-й гильдии Крутицкому.² Он же получил монополию на добычу соли. Все имущество меновых дворов и остатки соли передавались в ведение Крутицкого, а вырученные за проданную соль деньги отсылались в уездное казначейство.³

Однако и откупная система оказалась несовместимой с поступательным развитием капиталистических отношений в России и вскоре, в 1854 г., меновые дворы были закрыты, а меновое управление упразднено.⁴

Карантинные заставы сохранились несколько дольше, чем меновые дворы. Они контролировали ввоз и вывоз товаров, производили карантинное очищение их.

В течение 1853 г. через Баталпашинскую карантинную заставу было перевезено:

а) Из Черкесии и Карачая в Россию:

овчин	— 4 155
волчьих кож	— 139
полстей	— 469
черкесок	— 88
бурок	— 501

¹ ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 1429, л. 31—33.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 371, л. 1.

³ ГАКЧАО, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 18, л. 1.

⁴ АКАК, т. XII, ч. 1, стр. 486.

шкур лисьих:	— 36
куньих	— 30
волчьих	— 14
медвежьих	— 8
козлиных	— 24
дикого кота	— 8
ноговиц	— 20
воску	— 3 п. 29 ф.
меду	— 58 п.
коровьего масла	— 318 л.
сала	— 4 п.
сукна черкесского	— 180 ар.
седельных арчаков	— 9 шт.
шаровар	— 1 п.
шапок	— 3
рогатого скота	— 75 голов
лошадей	— 1
курпеев	— 143 ¹

б) Из России в Черкесию и Карачай:

мануфактурных изделий	— 102 места
хлопчатой бумаги	— 5 п. 20 ар.
серебряных цевок	— 70 золот
сандального дерева	— 1/2 фунта
зеркальных стекол	— 21 шт.
сырого шелку	— 3 1/4 ф.
деревянных сундуков	— 4 шт.
стремян	— 2 пары ²

Провозимые в обе стороны товары были проданы и куплены непосредственно на ярмарках и базарах. В 1857 г. карантинная линия была упразднена, как потерявшая всякий смысл, так как большинство застав оказались внутри военных линий.

Усиленная колонизация Кубанской области, происходившая в конце 50-х начале 60-х годов, значительно расширила торговые связи горского населения. Недалеко от карачаевских аулов возникли новые станицы: Кардоникская, Красногорская и др. Еще ближе к станицам были поселены новые карачаевские аулы: Джегутинский, Каменноостский, Маринский и др.

Отмена крепостного права содействовала ломке замкнутого натурального хозяйства. В Карачай, как и в соседние черкесские аулы, стал проникать российский капитализм и прежде всего в лице торгового капитала. «Как известно», — писал В. И. Ленин — «товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего».³

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, ед. хр. 159, л. 96.

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, ед. хр. 159, л. 97.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 485,

Развитие капитализма на Кубани втягивание карачаевских аулов в общероссийское товарное обращение, вело в пореформенную эпоху к росту торговых связей, как с плоскостными районами Кавказа, так и с центральной Россией, промышленность которой поставляла на Кавказ фабрично-заводские изделия и потребляла местное сырье: шерсть, руду, продукты сельского хозяйства.

Наряду с этим развивалась и внутренняя торговля — обмен между карачаевскими аулами, расположенными в горах и новыми — плоскостными, которые наряду с казачьими станицами Баталпашинского отдела снабжали Большой Карачай хлебом.

Еще в период существования Баталпашинского менового двора и карантинной заставы главным торговым центром верховьев Кубани и ее первых притоков стала ст. Баталпашинская. В станице было множество лавок, и постоянно действующий базар, а дважды в год, весной и осенью, собирались большие ярмарки, главными предметами торговли на которых были: скот, хлеб, красный товар, железо, бакалея, кожи, лесные изделия.

В пореформенный период наряду с ростом оборотов ярмарки, еще более расширялась постоянная торговля — лавки, базары. В самой станице Баталпашинской к началу XX века было 47 постоянных лавок, в станице Зеленчукской — 16, в Кардоникской — 12, Сторожевой — 9 и т. д.¹ А всего в Баталпашинском уезде в 1882 г. было 295 частных и 2 общественных лавки.²

Развитие товарного скотоводства сделало станицу крупным центром по торговле скотом и лошадьми. И на обычных, и особенно на специальных ярмарках продавалось большое количество крупного и мелкого скота. Лошади же кроме того скупались в большом количестве подрядчиками, которые брали их для ремонта кавалерии. Одними из основных поставщиков скота и особенно лошадей были карачаевцы.

Большим препятствием развитию интенсивных торговых связей Карачая с соседними народами долгое время было отсутствие колесных дорог. В 40-е годы Кавказское командование проложило дорогу вдоль Кубани, примерно до впадения в нее Теберды. Она связала центр Хоперского полка, ст. Баталпашинскую с военными укреплениями, вплоть до Хумаринского. Но дальше, за Каменным мостом по-прежнему вилась лишь узкая тропа среди отвесных скал над бушующими волнами реки. Много ли товаров можно было перевести вьюком по узкой, карабкающейся вверх тропе?

И лишь в конце 60-х годов была впервые проложена колесная дорога вверх по Кубанскому ущелью. Она не только связала, но сразу приблизила далекие горные аулы к плоскостным

¹ Л. В. Македонов. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. Приложение, стр. 213.

² ГАКК, ф. 460, оп. ед. хр. 153, л. 356.

районам Баталпашинского уезда. Дорога связала Карачай с ярмарочными центрами Баталпашинского отдела, главными из которых были станицы Баталпашинская, Отрадная, Невынномысская, Суворовская, Зеленчукская, Кардоникская и др. Оборот Отрадненской ярмарки достигал 68 тысяч рублей, Баталпашинской — 60 тысяч, Суворовской — 51 тысяча, Невынномысской — 15 тысяч.¹

На ярмарки съезжалось население казачьих станиц, крестьянских сел, горских аулов. Жители горных аулов пригоняли на ярмарки скот и лошадей, привозили произведения своего ремесла и сельского хозяйства, станичники возили хлеб; купцы из центральной России привозили на ярмарки мануфактуру, бакалейные товары, железные и деревянные изделия, посуду.

Для торговли лошадьми, которыми особенно славились карачаевские, черкесские и абазинские аулы, устраивались особые конские ярмарки. Так, в 1903 г. на 8 конских ярмарках Баталпашинского отдела было продано 1 009 лошадей средней ценою по 120 рублей.² Значительная часть лошадей продавалась непосредственно в казачьи лагеря, минуя ярмарки.

Карачаевцы были постоянными посетителями горячеводской, георгиевской и др. ярмарок Терской области, а также снабжали скотом, продуктами скотоводства и ремесла и лесом базары городов Минводской группы, особенно базар Кисловодска.

По-прежнему крупным рынком сбыта карачаевского скота, особенно овец, оставалось Закавказье. По данным ветеринара С. В. Ваганова в 90-е годы через карантинные заставы Клухорского перевала за год перегоняли в Кутаисскую губернию: лошадей — 20, крупного рогатого скота — 740, овец — 1 585, коз — 58.³

Большое значение для развития торговли на Северном Кавказе и для общего подъема экономики сыграла постройка Ростово-Владикавказской железной дороги. Уже при проектировании дороги представители кавказской администрации выдвигали как одну из важнейших задач будущей дороги необходимость сближения Кавказа с Россией «посредством торговли и постоянных сношений». В «Записке о Кавказской железной дороге» говорилось: «Нельзя сомневаться, что умные горские племена, склонные к торговле, немедленно воспользуются этим путем, чтобы превратить в плодородные поля прекрасные ущелья и долины горных, лесистых хребтов».⁴

О значении Ростово-Владикавказской железной дороги для общего подъема торговли и хозяйства Кубанской области уже говорилось. Отразилось это и непосредственно на экономике Карачая.

¹ ГАКК, ф. 460, п. 1, ед. хр. 41, л. 39.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1647, л. 679.

³ С. В. Ваганов. ИОЛИКО, вып. 1, стр. 27.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 15.

Усилился приток в Баталпашинский отдел фабричных изделий, возрос спрос на сельскохозяйственную продукцию. Дорога прошла лишь через северную часть отдела и на территории его было всего 4 железнодорожных станции. Но и этого было достаточно, чтобы наводнить станицы и аулы металлическими плугами, боронами, сеялками, веялками и другими предметами сельскохозяйственного инвентаря, тканями и галантереей. В 1894 г. в Баталпашинском отделе было 2 200 плугов и более тысячи других орудий: жатвенных машин, сенокосилок, борон, веялок, сортировок и конных грабель, к 1899 г. число усовершенствованных орудий превысило уже 8 тысяч,¹ а к 1903 г. дошло до 18 тысяч.²

С другой стороны, продукты скотоводства, которыми был богат отдел, получили доступ на дальние рынки Украины и центральной России. Шерсть карачаевских овец нашла дорогу на рынки Харькова и Москвы и стала важной статьей вывоза. В столичных ресторанах появились шашлыки из «карачаевского барашка», которые очень скоро были оценены московскими и петербургскими гурманами.

По мере роста спроса на скот, росли и торговые обороты. Если в 1867 г. карачаевцами было продано 942 лошади, 843 головы крупного рогатого скота и 10212 овец, то к началу XX века цифры эти возросли более чем в 10 раз. По данным Абрамовской комиссии, из Карачая ежегодно вывозилось: лошадей 9595, крупного рогатого скота — 30 787 и овец — 107 552. А общая сумма торгового оборота возросла с 74 602 рублей³ до 3 307 369 рублей.⁴

Кроме скота, на вывоз шли и продукты скотоводства и ремесленные изделия: шерсть, кожи, овчины, бурки, полсти и т. д. «Из Эльборусского округа ежегодно выходит значительное количество шерсти, бурок, полстей, кож, овчин и других предметов, получаемых от скотоводства. Все это продается на деньги или меняется на хлеб в станицах и красный товар, торгующих в Карачае армян и евреев».⁵ — писал начальник Эльборусского округа Н. Петрусевич.

В начале пореформенного периода большая часть шерсти шла на переработку. Вывозилось не более $\frac{1}{10}$ части ее. Так, в 1867 г. карачаевцами было собрано 91.612 рун, а продано — 10.833, т. е. немногим более 10%.

По данным этого же отчета начальника Эльборусского округа Н. Петрусевича за 1867 г. бурок было изготовлено 1509, продано 1001, полстей изготовлено — 241, продано — 153, шуб.

¹ Кубанский календарь на 1899. Екатеринодар, 1899, стр. 118.

² Извлечение из отчета начальника Кубанской области за 1903 г., стр. 100.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 4, ед. хр. 605, л. 26.

⁴ Труды комиссии по исследованию..., стр. 29.

⁵ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 26.

изготовлено 1085, продано 433. сукна (в локтях) 1932, продано 1364.¹

Цифры эти, очевидно, занижены. Сам Петрусевиц, приводя их в своем отчете, сомневается в их достоверности. Но тем не менее они дают некоторое представление о соотношении производства и вывоза продукции.

К концу 70-х годов вывоз резко возрос. В 1878 году из 3-х главных карачаевских аулов было вывезено:

бурок — 16075, кож — 5956, полстей — 3470, овчин — 34500.

Только избыток шерсти, который карачаевцы не успевали переработать, шел в те годы на продажу. Главными покупателями шерсти Г. Петров называет армян и евреев.²

По мере роста спроса на шерсть на общероссийском и кубанском рынках, выгоднее стало продавать шерсть в необработанном виде. Цены на нее быстро росли. Коваленский в своем рапорте отмечает, что за последние годы (т. е. в 90-х годах) цены на шерсть выросли в 2 раза, с 4 рублей пуд до 8—9 рублей.³

В конце пореформенного периода только треть шерсти, получаемой с карачаевских овец, шла на собственное потребление. Две трети ее продавалось за пределы Карачая. По подсчетам А. Атманских, карачаевцы вывозили ежегодно шерсти на 300 000 рублей, из чего он делал вывод, что «Карачай является довольно солидным поставщиком шерсти и на рынки».⁴

Причем, если скот вывозился главным образом на местные рынки — в города и станицы Кубанской и Терской областей, то шерсть шла на такие отдаленные рынки, как Полтава, Харьков, Москва и др. города, чему способствовало проведение Ростово-Владикавказской железной дороги. В рапорте Коваленского сказано, что «шерсть идет преимущественно в Москву на выделку войлока и скупается периодически наезжающими агентами».⁵

Скупщики шерсти приезжали обычно осенью, в период осенней стрижки, когда снималась лучшая шерсть. Они останавливались в станицах, расположенных недалеко от зимних кошей карачаевцев — в Сторожевой, Зеленчукской, Джегутинской и др. Обосновавшись в станице, установив весы для приема шерсти, скупщики открывали приемный пункт и спешили оповестить об этом по всем кошам. Наиболее предприимчивые сами ездили по кошам, рассчитывая на месте купить шерсть подешевле.

Часто скупщик шерсти был одновременно и купцом. Он привозил с собой наиболее ходкие товары — ситцы, дешевый

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24.

² Г. Петров. Ук. соч., стр. 145—146.

³ ГАКК. Рапорт Коваленского, стр. 55.

⁴ А. Атманских. Ук. соч., стр. 147.

⁵ ГАКК. Рапорт Коваленского, стр. 57.

шелк, каракулевые шкурки, которые карачаевцы охотно брали на мужские шапки, и выменивали эти товары на шерсть. Но в основном в пореформенный период торговля шла на деньги.

Скупщики строго браковали шерсть, отбирая только перво-сортную. При этом они часто обманывали простодушных овцеводов, подавая им пример жульнических махинаций. Поэтому и карачаевцы, занимающиеся торговыми сделками, не гнушались мелкого жульничества. Лепшочков Хамзат 1872 года рождения рассказывает, что перед тем как везти шерсть на весы, карачаевцы оставляли арбу с шерстью на ночь над рекой. Шерсть впитывала влагу и становилась значительно тяжелее.¹

Придясь к тому, что шерсть карачаевских овец недостаточно чистая, плохо отсортированная и так далее, скупщики занижали цены. Ведь чем меньше платили они овцеводам, тем большим был их барыш при продаже шерсти.

Шерсть, купленную в Карачае, везли к ближайшей станции железной дороги — Невинномысской — и отправляли дальше на север. Чтобы улучшить качество шерсти и повысить цену ее, шерсть стали промывать в Зеленчукской воде. Эта вода не только промывала шерсть, но придавала ей особую мягкость и шелковистость.

Узнав эти свойства Зеленчукской воды, предприниматели построили на Большом Зеленчуке при впадении его в Кубань у станицы Невинномысской шерстомойную фабрику. На нее свозили шерсть не только из ближайших аулов Карачая и Черкесии, но и из других отделов Кубанской области.

Кроме шерсти, которая, как указывалось, шла на дальние рынки, из Карачая вывозили много леса и древесных изделий. Потребителями дерева было казачье население отдела. Кашушки, корыта, брусья, жерди и дрань вывозились преимущественно из Тебердинских аулов на ярмарки и базары в ст. Баталпашинскую.² Жители Мары снабжали дровами Кисловодский базар и другие города Минводской группы.

Основными предметами ввоза в Карачай по-прежнему оставались: хлеб, ткани, металлические изделия.

Карачаевские скотоводы не могли существовать без обмена с земледельческим населением, так как производили только ничтожную долю хлеба, нужного для прокормления. Потребность в хлебе в пореформенную эпоху еще более возросла, так как количество населения сильно увеличилось, а запашка оставалась на прежнем уровне. «Редкая семья не покупает в соседних станицах и в плоскостных аулах просо и пшено», — писал в 70-х г. Г. Петров.³ По сообщению начальника Эльбурского округа, в течение 1867 г. карачаевцы вывезли из

¹ Полевой материал 1961 г., а. Учкеев, Лепшочков Хамзат.

² И. Шукин. Ук. соч., стр. 52.

³ Г. Петров. Ук. соч., стр. 138.

близлежащих станиц 247 арб и 2483 вьюка хлеба.¹ А к концу XIX началу XX вв. затраты на покупку хлеба достигли полу-миллиона рублей (503 533 р.).²

Только один карачаевский аул — Джегутинский — производил достаточное для потребления количество хлеба и даже небольшой излишек, который шел в продажу. Джегутинцы возили свой хлеб на Учкуланский базар, а после открытия базара в своем ауле, продавали его у себя приезжим жителям Хурзука, Карт-Джурта и Учкулана.

Возрос ввоз тканей. Хлопчатобумажные ткани: бязь, ситец и миткаль шли на белье и будничную одежду, шелк и бархат на костюмы богатых женщин и праздничные платья. Наряду с этим стали ввозиться и шерстяные ткани, которые в дореформенный период почти целиком производились на месте. Тогда только князья позволяли себе роскошь шить черкески из привозных сукон. Теперь же даже не очень зажиточные люди предпочитали черкески и штаны из привозных фабричных тканей. Женщины охотно носили привозные платки, заменявшие молодым карачаевкам пальто, которое одевали только старухи.

Появление керосиновых ламп сделало предметом первой необходимости в лавках керосин. Стол обогатился привозными сладостями, в первую очередь сахаром.

Наряду с этим в пореформенный период, особенно в конце его, в Карачай стали проникать новые товары: заводские плуги и бороны, серпы и косы, металлическая посуда. Правда, наряду с заводской посудой по-прежнему большим спросом пользовались ремесленные тазы и кумганы дагестанских мастеров, главным образом кумыков. Они же поставляли в Карачай серебряные украшения: пояса, нагрудники, а также холодное оружие.

В самом конце XIX в. в Карачае появились первые швейные машины. Их продавали ездившие по аулам агенты фирмы «Зингер».

О том, как влияла торговля на экономику карачаевского хозяйства, подчиняя ее требованиям рынка, и придавала хозяйству, особенно скотоводству, товарный характер, подробно говорится в главе о сельском хозяйстве.

Торговым центром внутри Карачая был аул Учкулан. Там происходили еженедельные базары, на которые съезжалось население близлежащих аулов, а также казаки из ст. Баталпашинской, Усть-Джегутинской и др. В этом же ауле были открыты первые лавки в Карачае.

Базар собирался раз в неделю, по четвергам, у слиянии рек Учкулана и Хурзука, где берет начало Кубань. Базарная площадь была расположена на стыке трех аулов: Учкулана, Карт-

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 17.

² Труды комиссии... стр. 32.

Джурта и Хурзука. «На базар съезжаются до десятка казачьих подвод («мажар»), доставлявших из Баталпашинска и др. станиц картофель, капусту, огурцы, арбузы»,¹ — писал Г. Чурсин. Большой сбыт находили на учкуланском базаре и хлебные злаки: пшеница, кукуруза, которые поставляли на базар казаки, карачаевцы из Джегутинского аула. Сваны привозили сушеные фрукты, кумыки — медные котлы, кувшины, кумганы, серебряные пояса и другие украшения. Местные и приезжие лавочники торговали мануфактурой и мелочным товаром: иголками, нитками, мылом, керосином и т. д.

Карачаевцы пригоняли на базар лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Карачаевские женщины выносили на продажу изделия своего ремесла: овчины, кожи, бурки, домотканное сукно, войлочные шляпы. Позже был открыт базар и в Джегутинском ауле.

Жизнь карачаевского крестьянина все теснее связывалась с рынком, на котором покупал он хлеб и орудия труда, металлические изделия и мануфактуру, а чтобы иметь возможность приобрести все это и рассчитаться с налогами и поборами, продавал скот, шерсть, сало и ремесленные изделия. Ярмарки в станицах поражали простодушных скогководов обилием невиданных прежде товаров, лавки соблазняли заманчивыми тканями, городской обувью, сладостями.

Первые лавки, открытые в Карачае приезжими грузинскими и еврейскими торговцами, носили сезонный характер. Купцы привозили в аул свои товары, арендовали у кого-нибудь из жителей помещение и открывали лавочку, которая функционировала 2—3 месяца, до тех пор, пока не был распродан привезенный товар. Наряду с денежной торговлей в этих лавках широко практиковался натуральный обмен, так как купец был одновременно и скупщиком горских изделий, а часто и ростовщиком.

«Меновая торговля представляет в высшей степени интересную черту быта», — писал о карачаевцах правитель канцелярии Кубанской области Коваленский. И дальше рассказывает, как действовали в аулах торговцы, которые одновременно являлись и скупщиками горских изделий. Они снабжали свои лавки наиболее ходовым товаром. «на какой больше всего имеется спрос»: мануфактурой, табаком и т. д. В обмен они брали бурки, сукна, кожи и овчины.

Коробку спичек выменивали на пару яиц, осьмушку табаку на курицу. За 3 локтя (1,32 м) хорошего сукна давали ситца на 75 коп.— 1 рубль.²

Купцы, как говорилось, занимались одновременно со скупкой горских изделий и продажей фабричных товаров еще и

¹ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай. ИОЛИКО, т. 23, 1915, № 3, стр. 452.

² ГАКК. Рапорт Коваленского, стр. 58.

ростовщицеством. Они давали в долг деньги за очень высокий процент, чем вызывали неприязнь и ненависть населения. Так, некий Рамазан Хаджи Оглы жил в селении Тебердинском, а время от времени выезжал и в другие аулы Карачая, где открывал временные торговые пункты и заодно давал в рост деньги. Однажды он поехал в Дуут «собирать свои долги, а также во время сборов долгов торговать»,¹ а оттуда собрался в Учкуланский аул продавать серебро и деньги иностранной чеканки, но во время переезда через Ипчикский перевал купец был убит.

В крупных аулах: Учкулане, Карт-Джурте, Хурзуке, а в конце века и в Джегуте существовали уже постоянные лавки, в которых мануфактурой и табаком торговали преимущественно грузины (братья Рехвиашвили, Лобженидзе и др.), а иголками, нитками, керосином, спичками и другими мелочными товарами — горские евреи.

Число лавок в аулах быстро росло. В начале 60-х годов только в больших аулах было по 1—2 временных лавочки, а к 1875 г. торговые заведения были во всех аулах Большого Карачая, в том числе:

в Хурзуке	— 12 лавок ²
в Учкулане	— 14 лавок
в Карт-Джурте	— 14 лавок
в Джазлыке	— 1 лавка
в Дууте	— 1 лавка
в Теберде	не было
в Маринском	не было
в Каменномоетском	не было

В Учкулане через 5 лет, к 1881 г. было уже 17, а к 1894 — 19 лавок, из них 13 мануфактурных и 5—6 мелочных.

В отличие от некоторых других горских народов, жители которых интенсивно занимались торговлей, имели торговые свидетельства 2 и 3-й гильдии, открывали большие магазины, карачаевцы до конца XIX в. продолжали считать торговлю предосудительным занятием. «Карачаевцы до последнего времени вовсе не занимались торговлей, и теперь они ведут лишь мелкую торговлю, большая же часть лавок в Карачае принадлежит горским евреям из Грозненского округа, Терской области и частью из некоторых мест Кубанской области. Есть кроме того торговцы грузины и русские», — писал Г. Ф. Чурсин.³

Владельцами небольших лавок, которые открывали карачаевцы в конце XIX — начале XX вв. были обычно местные кулаки: Байрамуковы в Хурзуке, Абайхановы в а. Тебердинском, Блимготовы в Каменномоетском.⁴

¹ ГАКК, ф. оп. 454, оп. 1, ед. хр. 3174, л. 194.

² Памятная книжка Кубанской области на 1876 г. Екатеринодар, 1876.

³ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай. ИИОИРГО, т. 23, стр. 251.

⁴ ГАКЧАО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4.

Но если мелкая торговля и содержание лавок считались недостойным занятием, то к скупке и торговле скотом относились совершенно иначе, и многие богатые карачаевцы умножили свои состояния торговыми операциями. Скупкой и перепродажей скота, в том числе и краденого, не брезговал такой богатый карачаевец, как Юнус Боташев, торговлей скотом, снабжением кисловодской бойни барашками и крупным рогатым скотом занимался Кёккез Узденов, перегонял скот для продажи в Сухумский отдел Ажа Текеев и т. д.

К какой бы национальности не относились купцы и скупщики, имели ли они постоянные лавки или только наезжали со своим товаром, все они заботились только об одном — как бы подороже продать или выменять свой товар и как бы подешевле оценить крестьянские изделия.

Б. Миллер писал о лавках: «Товаром в них меновой единицей служат бракованные ситцы. За бурку, стоящую 12 руб., торговец дает ситцу на 1,5 — 2 рубля.»¹ В. Колесников клеймит торгашей, которые «надувают простоватого карачаевца самым бессовестным образом».² Коваленский говорит о «беззастенчивой эксплуатации» населения купцами, которые наживались вдвойне — и на скупке за бесценок крестьянских и на продаже своих по завышенным ценам. Купив овечью кожу за 40 копеек, а воловью за 3 руб. торговец продает их за рубль и 5 рублей.³ Кожи из Карачая отвозились в Харьков, сукна — во Владикавказ и Тифлис, где продавались в два три раза дороже.

В. И. Ленин называет этих скупщиков и купцов «мелкими пиявками» и пишет, что «чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение».⁴

¹ Миллер. Ук. соч., стр. 393.

² Колесников. Нужды Карачая. КОВ. 1898, № 65.

³ Рапорт Коваленского, стр. 57—58

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

Раздел III.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАРАЧАЕВСКОМ АУЛЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Глава VII.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

1. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Основой общественной жизни карачаевского народа и в пореформенную эпоху была сельская община. Она объединяла всех полноправных членов села, считавшихся коренными жителями. В ведении общины находились важнейшие вопросы общественной жизни — распределение земель, общественное управление, раскладка податей и повинностей, постройка дорог и мостов, создание и содержание школ и многое другое.

Община пореформенного периода значительно отличалась от той, которая существовала у карачаевцев до реформы 60-х годов, когда в общину входили только лица свободных сословий. Теперь община считалась бессословной, она объединяла лиц всех сословий, в том числе и бывших кулов. Но зато появилось новое деление — на коренных и иногородних. Иногородние, как прежде кулы, не входили в число общинников и не имели никаких имущественных и политических прав, присущих членам общин.

Иным стало и общественное управление общин, взятое под контроль кавказской администрации.

Развитие товарно-денежных отношений вело к имущественному расслоению и разложению общин. Царское правительство, надеясь с помощью общины задержать процесс пролетаризации и обеднения населения, стремилось сохранить общину и в новых условиях капиталистического развития России. Кавказская администрация принимала все меры к тому, чтобы упрочить общину и даже насадить ее там, где прежде общинные связи были невелики.

О внутреннем управлении сельской общины мы уже говорили в главе об административно-судебных преобразованиях пореформенного периода. Здесь мы остановимся на важнейшей функции сельской общины — землераспределительной.

Половинчатость земельной реформы в Карачае привела к тому, что основной земельный фонд оказался в руках казны и помещиков. Они владели наиболее важными в экономическом отношении угодьями — сенокосами и зимними пастбищами — кышылками. Община распоряжалась фактически только лет-

ними пастбищами — джайлыками, выгонами и лесом. Пахотные земли — сабаны и поливные сенокосы — биченлики находились в подворно-участковом владении, хотя в виде пережитков остались обычаи, указывающие на то, что и эти земли прежде были общинными. Так, сохранилось право общины на вымороченные участки в случае отсутствия наследников или на землю, владельцы которой уехали из Карачая, в частности на участки лиц, выселившихся в Турцию.¹ Преимущественное право покупки участков имели родственники и соседи продавца; после уборки урожая стерня превращалась в общественный выгон, на котором пасся весь скот селения и т. д.

Всех этих, веками установленных правил землепользования в старых карачаевских аулах, земельная реформа не коснулась. Но в новых аулах, созданных в конце 60—70-х годов форма землевладения была уже иной. В них, по примеру русских селений, было введено кавказской администрацией уравнильно-передельное общинное землевладение, отличавшееся от смешанного: общинного и подворно-наследственного землевладения Большого Карачая. В новых аулах в период их основания, уже говорилось, не было земельной собственности ни на пахотные участки — сабаны, ни на сенокосы — биченлики и зимние пастбища — кышлыки. Все земли аула составляли общинный фонд, из которого отводились наделы жителям аула.

Общинное землевладение, введенное в новых карачаевских аулах, строилось на принципе уравнительности. Земля поровну распределялась по податным единицам — дымам и подвергалась регулярным переделам. Однако на деле это уравнивание было только кажущимся.

Прежде всего, право на получение земельного надела имели не все жители аула, а только коренные, т. е. члены сельских общин, образовавшихся из первых переселенцев в аулы и их потомков. Все переселившиеся после того, как аул был образован и земли поделены, попадали в разряд иногородних, так как в общину не входили.

Деление населения на коренных и иногородних было совершенно новым явлением для Карачая. Оно было введено в 70-х годах XIX века, после отмены крепостного права, когда старые сословные деления на биев, узденей и кулов формально были отменены (фактически сословные перегородки между группами сохранились до самой Октябрьской революции).

¹ ГАКК, ф. 454. оп. 1, ед. хр. 5508, л. 7. Так, учкуланское общество приговором своим в 1889 г. отобрало земли 22 семейств, переселившихся в Турцию, которые частично перешли к родственникам, а частично были распроданы. Все земли были объявлены общественными и сдавались обществом в аренду. Вырученные за аренду деньги шли на управленческие расходы. М. В. Орлов. Ук. соч., стр. 187

Деление на коренных и иногородних было введено кавказской администрацией по аналогии с существовавшим делением русского населения станиц на казаков и иногородних.

Коренные жители, как и казаки, получали право на получение земельного надела из общинных (юртовых, как их называли в станицах) земель. Иногородние были лишены этого права.

В некоторых аулах, как, например, Джегутинском, иногородние были лишены даже прав на получение приусадебного участка и должны были покупать или арендовать землю под дом и огород.¹

В других аулах (Маре, Каменномосте) приусадебные участки давались, но ни пахотных, ни сенокосных земель иногородние не получали.

Большинство иногородних составляли карачаевцы же, переселившиеся из аулов Большого Карачая, в списках которых они продолжали числиться, и должны были платить налоги наравне с проживающими в аулах.

Получалась странная картина. В новых аулах иногородние не получали земли, так как не входили в состав сельских общин, а в старых аулах, где они продолжали числиться членами общины, они тоже не получали земли, так как не было паевых наделов в связи с особенностями земельных отношений.

Тем не менее налоги с них аккуратно собирались специальными сборщиками, которые ежегодно приезжали из Большого Карачая для сбора налогов с лиц, приписанных к аулам Большого Карачая.

Ограничены были иногородние и в общественных правах. Они не имели голоса на аульных сходках, не принимали участия в выборах аульного правления и других должностных лиц.

Это деление ставило иногородних сразу же в очень неравное положение и вызывало новые формы классовой борьбы — между иногородними и коренными жителями.

Образование селений длилось несколько лет, и все, кто успел переселиться за эти годы, попадали в число коренных жителей. Но именно те лица, для которых формально и были созданы новые аулы — бывшие крепостные, получившие свободу по крестьянской реформе 1868 г., не всегда могли переселиться в первые годы. Прежде всего, бывшие крепостные, а особенно патриархальные рабы — башсызкулы, должны были в течение 4—6 лет отработать свой выкуп. Иногда отработки

¹ Текеев Магомет, 100 лет, рассказывает, что участок для дома и огорода был куплен им в молодости за огромные по тому времени деньги — 500 рублей. А землю для покоса он или арендовал за деньги, или снимал исполу у богатых карачаевцев и жителей соседних станиц, чаще всего у казаков Усть-Джегутинской станицы. Полевой материал, 1960 г., а. Джегута.

затягивались и на более длительные сроки — на 8—10¹ лет и более.

Да и просто нелегко было беднякам бросить свою халупу и дворовые постройки и переезжать в новые аулы, расположенные на довольно далеком для тех времен расстоянии от Большого Карачая (так, от Учкулана до Джегутинского аула около 100 километров). Поэтому многие из освобожденных крепостных не смогли переселиться в первые годы, а попали в новые аулы только тогда, когда переселение считалось законченным, и всех вновь прибывших заносили в разряд иногородних.

«Участь безземельных семейств, бывших подвластных, осталась неизменной — они как были без земли, так и на новом месте остались без нее и за неимением другого выхода водворились в этих новых селениях в качестве временно проживающих, арендуя за плату, свободные участки у односельчан или казенные земли»,² — писали члены комиссии по исследованию землепользования и землевладения в Карачае.

Количество коренных жителей определялось тем, сколько в данном ауле могли выделить наделных участков. Паевые наделы в карачаевских аулах давались не по количеству человек мужского пола, как в русских селах и казачьих станицах, а по количеству семей, ведущих единое хозяйство — дворов.

В сравнительно узком Маринском ущелье трудно было разместить большое поселение. Поэтому, едва набралось в Нижней Маре, которая возникла раньше Верхней, до сотни семейств, как запись в коренные жители прекратилась. Но поток переселенцев продолжался. Вскоре облюбовано было новое место для поселения, выше по течению р. Мары. Там основали новое селение Верхнюю Мару. И многие из жителей Нижней Мары, записанные там в иногородние, поспешили переселиться в новый аул, где они стали коренными жителями. Но вскоре и там набралось достаточно жителей, так как земельный фонд Мары был очень невелик. И опять новые переселенцы попадали в разряд иногородних. Коренных жителей в обеих Марах насчитывалось в 80-е годы XIX в. около 1000 человек или 180 семей.³

В Джегутинском ауле, расположенном в более равнинной и удобной местности, количество коренных жителей было больше — более 2 тысяч человек или около 300 семей (в разные годы цифры различны).

Прежде всего запись в число коренных жителей прекратилась в Тебердинском ауле. Уже по данным 1881 года, там по-

¹ Е. Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века. Советская этнография, 1937., № 2—3, стр. 64.

² Труды комиссии..., стр. 12.

³ Памятная книжка. Кубанской области на 1881 г., стр. 42—43.

явились первые иногородние Во всех других новых аулах к этому времени все жители считались коренными.¹

Зато через 10 лет, к 1891 году иногородние появились во всех новых аулах, кроме Джегутинского, который возник позже остальных.

В Маринских аулах к тому времени было коренных жителей — 1021 человек, иногородних — 550 человек. В Тебердинском — коренных — 1500 человек, иногородних — 298 человек. В Сентинском — коренных — 648 человек, иногородних — 74 человека. В Джегутинском ауле в 1891 году жило 2 099 человек коренных и 3 человека иногородних.²

Наибольший процент коренных жителей был в аулах Большого Карачая (Джазлыке, Хурзюке, Карт-Джурте и Учкулане) и в Джегутинском ауле, образование которого только что завершилось. Иногородних было больше всего в новых аулах, особенно в малоземельных — в Маре (35%), Теберде (21%), Сентах (18%).

Иногородние в свою очередь делились на 2 группы: имеющие оседлость и не имеющие оседлости. К имеющим оседлость относились лица, которым удалось каким-либо путем приобрести земельный участок и вести на нем свое хозяйство. Иногородними без оседлости были обычно ремесленники, торговцы и другие лица, совсем не имевшие земли и своего хозяйства.

Деление населения на коренных и иногородних тяжелым бременем ложилось на плечи беднейшего крестьянства. Оно усиливало раскол карачаевского общества, имущественную дифференциацию населения, выделение кулацкой верхушки и обнищание бедноты.

С другой стороны, деление населения на коренных и иногородних содействовало еще большему развитию арендных отношений, так как иногородние вынуждены были, чтобы не погибнуть с голоду самим и не погубить свой скот, арендовать землю на любых, самых кабальных условиях.

Исследование Е. Д. Фелицина о племенном составе жителей аулов Кубанской области³ показывает, что основную массу населения новых аулов к 1885 году составляли карачаевцы, но наряду с этим жили в них и представители соседних народов, которые обычно так же попадали в разряд иногородних. Так, например, в Маре в 1885 году наряду с 168 семьями карачаевцев (981 человек) проживало 6 семей абазин (35 чело-

¹ Памятная книжка Кубанской области на 1881 г., Екатеринодар, 1881, стр. 42—43.

² Кубанская справочная книжка 1891 г. Екатеринодар, 1891, стр. 176—180.

³ Е. Д. Фелицин. Цисловые данные о горском и прочем мусульманском населении Кубанской области. Сборник сведений о Кавказе, т. IX, Тифлис, 1885, стр. 57—65.

век), 2 семьи кумыков (10 человек), 4 семьи ногайцев (22 человека), 5 семей сванов (названы эбзейцы — 32 человека) и т. д., всего не карачаевцев 36 семей (196 человек).

Иногородние появились и в старых аулах. Однако их было гораздо меньше, чем в новых аулах (например, в Хурзуке в 1891 году было только 16 иногородних, не имеющих оседлости, т. е. не постоянных жителей, в Карт-Джурте — 7 иногородних, имеющих оседлость и 28 — не имеющих оседлости и т. д.).¹ А главное — в старых аулах иными были земельные отношения, поэтому там вопрос о принадлежности к коренным или иногородним не играл такой роли. Сенокосов и зимних пастбищ не давали ни тем, ни другим, так как они находились почти полностью в частной собственности захвативших их владельцев, а летними пастбищами — джайлыками могли пользоваться все без исключения. Никаких земельных переделов в старых аулах не производилось, так как важнейшие в экономическом отношении земли находились уже не в общинном, а в частном владении.

По материалам Н. Петрусевича, уже в конце 60-х годов землевладение в Большом Карачае выглядело так:

54 наиболее богатым фамилиям принадлежало 26 тысяч десятин самой лучшей земли,

73 средним фамилиям — 3 300 десятин,

294 двора имели незначительные пахотные участки — сабаны,

451 семейство и 150 несемейных лиц совсем не имели земли.²

В дальнейшем, по мере развития товарно-денежных отношений в Карачае, земельное неравенство, а следовательно и расслоение крестьянства, еще более возрастали. Происходило дробление и без того мизерных участков. Подворные участки — сабаны и биченлики уменьшались при каждом разделе семей, при наследовании, в случае залога земли — бегенды и продажи ее в чужие руки.

В середине 90-х годов XIX века распределение земель в ауле Карт-Джурт было следующим:

15 дворов Крымшамхаловых имели в среднем по 200 десятин,

4 двора Гулаевых — по 150 десятин,

10 дворов Алиевых — по 80 десятин,

30 дворов Боташевых — по 50 десятин,

60 дворов Хубиевых — по 30 десятин.

150 дворов средних крестьян имели по 0,5 десятины, около 400 дворов — жалкие клочки в несколько сотен, а иногда и десятков квадратных сажень.

¹ Кубанская справочная книжка 1891 г., Екатеринодар, 1891, стр. 176—180.

² М. В. Орлов. Ук. соч., стр. 179,

В Учкулане «более 100 дымов ничего, кроме крошечного плана, не имеющих и около полусотни семей, у которых и сакель даже нет, так как их не на чем построить», — пишет Коваленский.¹

Уменьшились паевые наделы и в новых аулах. Так, если в момент образования Джегутинского аула размер сабанов в нем был 3—4 десятины, а сенокосных надельных участков — 6—7 десятин на дым, то через пару десятков лет он уменьшился до 1—1,5 десятины пахотной земли и 3—4 десятины сенокоса.

Этому способствовал как прирост населения при неизменном земельном фонде аула, так и захват земель сельской буржуазией. Таким образом, параллельно с обезземеливанием крестьянства шел процесс концентрации земельной собственности в руках зажиточной верхушки. Чтобы увеличить свои наделы, они прибегали к различным формам аренды, к покупке земли и насильственным захватам.

Одним из методов, который использовали кулаки для дальнейшего обогащения за счет соаульчан и захвата общинных земель было выдвижение на общественную должность. Став старшиной, или его помощником, кулак стремился проводить передел так, чтобы лучшие земли достались именно ему. Не случайно аульный старшина был всегда первым богачом и первый богач в ауле почти всегда оказывался в числе сельской администрации.

Так, лучшие земли в Маре принадлежали старшине Блимготову и в Тебердинской долине — Ожаю Байчорову и Бостанову, в Джегуте Наны Хубиеву и т. д.

В руках этих лиц уравнительность переделов стала фикцией, так как облюбованные ими участки обычно исключались из переделов и фактически закреплялись за ними на много лет. При этом не оставались обиженными и другие члены аульной администрации: судьи, поверенные и т. д.

Единицей наделения землей была, как уже говорилось, семья, ведущая самостоятельное хозяйство или, как говорили тогда, дым. С дыма взимались и подати.

Для передела земли, как и для других важных и ответственных общественных дел, выбирали наиболее уважаемых жителей аула, обычно старцев. Однако в пореформенный период все чаще решающим фактором на выборах были не нравственные качества человека, а его богатство.

Для богачей же участие в переделе земли было не столько почетным делом, сколько выгодным. Всеми правдами и неправдами старались они провести передел так, чтобы урвать себе лишнюю сажень земли или по крайней мере получше участок. Захватив при переделе или каким-либо иным способом

¹ ГАКК. Рапорт правителя канцелярии Коваленского, стр. 46.

лишнюю землю, зажиточные крестьяне стремились удержать ее за собой длительное время, поэтому были заинтересованы в том, чтобы переделы земли производились как можно реже. Если первое время переделы производились через год или два, потом через 3—4, то в конце века землю делили обычно один раз в 9—17 лет и даже реже.

Таким образом, в аулах Нового Карачая объектом захвата со стороны сельской верхушки были надельные земли, которые они стремились прибрать к своим рукам.

На старом Карачае надельных земель не было. В общинной собственности оставались только летние пастбища и леса. Эти земли и стали предметом захвата со стороны отдельных лиц. Мало того, что богатые скотоводы ежегодно захватывали в свои руки лучшую часть пастбищ, во второй половине XIX века они стремились уже закрепить за собой эти земли в постоянное пользование.

Н. Иваненков приводит случаи, когда самовольно захваченные общинные земли не только использовались для собственных надобностей, но и сдавались в аренду, давая захватчику большой барыш. Среди захватчиков Н. Иваненков первым называет Крымшамхаловых, затем Узденовых, Чотчаевых и др. «Захватчики не стесняются в проявлении своего произвола в отношении увеличения захватов и постоянно расширяют свои незаконные владения», — пишет он.¹

Захват общинных земель сельской верхушкой вызывал недовольство крестьянской массы и приводил к острым конфликтам. Архивы содержат множество судебных дел по поземельным спорам между обществами и их отдельными лицами. Так, некий Баттыев захватил половинную часть участка земли летних пастбищ, принадлежащих обществу селения Джазлыкского.² Житель Карт-Джуртского аула Чичханов не только захватил в свое пользование часть общинных земель аула Джазлык, но уезжая в Турцию, даже продал эту землю Шогаю Керукову.³

Чтобы закрепить за собой захваченные общинные земли, их обносили обычно оградой. Так, новый богач Осман Бостанов, захватив самовольно над дорогой, ведущей в аул Карт-Джурт, в черте перегона скота и овец с зимних кошей на летние, около 20 десятин весьма ценной по качеству земли, «огородил ее срубленными тут же, в общественном лесу, годными на постройку толстыми деревьями». Попытка привлечь его за это к судебной ответственности не имела успеха, так как участковый начальник Паракецов, покровительствуя Бостанову, который был лесником, занял это дело.⁴

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 37—38.

² ГАКК, ф. 45, оп. 1, ед. хр. 1202, л. 30.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 1, зед. хр. 5439, л. 1—5.

⁴ ГАКК. Рапорт Коваленского, стр. 61.

Вот почему борьба против захватов общинных земель принесла форму борьбы против огораживания. Случаи разгораживания обществом покосных и пахотных участков, занятых жителями по своему произволу, были уже в конце 60 годов XIX века.¹

Н. Иваненков приводит примеры того, как общество общества ломало ограды таких самовольно захваченных общинных земель: так, общество снесло ограду, сделанную вокруг участков, огороженных Теке Кубаевым и Байрамкуловыми из а. Учкулан.²

Однако ни поломка изгородей, ни судебные иски не могли приостановить процесса расхищения общинных земель.

«А между тем на практике оказалось, что близко то время, когда и эта последняя мощь жизни народа — земельная собственность, подлежащая при размежевании уравнительному между всеми разделу, станет фикцией», — доносил в 1894 году в своем рапорте начальнику Кубанской области правитель канцелярии Коваленский. — Из года в год уменьшаются земельные пространства, огражденные распоряжениями Петрусевича от частичного вторжения. Сильные и богатые не прекращают захватов, пользуясь безнаказанностью и беспомощностью в своей разрозненности большинства слабейших».³

Аграрные движения начала XX века также были связаны с разрушением оград и протестами народа против захватов общественных земель. Карачаевские крестьяне поселка Тебердинский в 1908 году под руководством Султана Байчорова, о чем подробнее будет сказано ниже, пытались отобрать незаконно занятые общественные земли и разрушить изгороди, которые их окружали.

Объектом постоянных поземельных споров были так же зимние пастбища и сенокосы, расположенные между течением рек Мары и Джегуты. По приговору карачаевского общества от 20 июля 1887 г. эти общественные земли были поделены на 80 участков, 34 из которых были представлены в пользование жителей Карт-Джурта (6991 десятина), 22 — Учкулана (5521 десятина), 17 — Хурзука (5212 десятин) и 7 участков жителям Дуута и Джазлыка (247 и 880 десятин).⁴ Это были лучшие зимние пастбища Карачая — Тамчи, Гум-Баши, Тамгалы-Сырты. Батагы Айры, Гошаях-Сырты, Джёгетей-Баши и другие.

Несмотря на то, что эти земли были даны обществам Большого Карачая в целом, они находились не в общинном пользовании всех аулов, а были предназначены для сдачи в арен-

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 38.

² Иваненков. Ук. соч., стр. 39.

³ ГАКК. Рапорт правителя канцелярии надворного советника Коваленского, стр. 600.

⁴ Письменные заявления карачаевского народа и объяснения комиссии, Екатеринодар, 1911.

ду. Причем, чтобы не дробить участков, их сдавали с торгов целиком, так что арендовать их могли только богатые скотоводы. Преимущество давалось жителям Большого Карачая.

Маринские и джегутинские скотоводы на торги допускались неохотно и, чтобы снять участки земли, должны были прибегать к субаренде.

Это неравноправие во владении землями вызвало острое недовольство, которое доходило часто до открытых столкновений.

Земельные волнения и распри между старыми аулами и вновь образованными, так называемыми кульскими аулами, обратили на себя внимание и русских исследователей, писавших о Карачае в пореформенный период. Так, в статье «Карачай» Люсина, помещенной в 1888 году в газете «Северный Кавказ» говорилось, что «между центром, с одной стороны, и периферией, — с другой, установились антагонистические отношения, вытекающие из неравномерного распределения между ними земли и леса...».¹

Подполковник Корольков, автор «Военно-статистического обозрения Кубанской области», составленного в конце XIX века писал об «открытой вражде между селениями»,² вызванной несправедливым распределением земли.

Таким образом, уравнительно-передельная община оказалась небольшим препятствием к неравномерному распределению земли, концентрации ее в руках сельской верхушки и обезземеливанию основной массы крестьянства.

Поэтому, несмотря на все попытки царской администрации сохранить общину как средство против пролетаризации населения и орудие своей фискальной политики, община в пореформенный период разрушалась и роль общинного землевладения неуклонно уменьшалась.

Одним из моментов, разлагающих общинные отношения и сводящим на нет ее землераспределительные функции, была аренда земли.

2. АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вряд ли была на Кавказе еще одна область, где арендные отношения играли такую большую роль, как в Карачае.

Крохотные участки надельной земли не могли обеспечить крестьянского хозяйства ни пашней, ни сенокосом. Даже средние по своей зажиточности хозяйства, не говоря уже о богатых скотоводах, вынуждены были прибегать к аренде земли, чтобы обеспечить свой скот кормами. Роль надельного землевладения в общем земельном бюджете Карачая с каждым годом все

¹ Люсин. Карачай (Топографический очерк). Северный Кавказ, 1888, № 43.

² Корольков. Военно-статистическое обозрение Кубанской бласти. Тифлис, 1900, стр. 193.

уменьшалась, и действительное землепользование все менее соответствовало надельному.

Острое малоземелье и неравенство в распределении земельных угодий вынуждали карачаевцев арендовать земли под зимние пастбища и сенокосы и у казны, и у соседних казачьих станиц, и у отдельных жителей этих станиц, и у своих соаульчан, владевших сотнями десятин, и, наконец, общественные земли, сдаваемые с торгов в аренду.

Достаточно сказать, что в конце XIX — начале XX века карачаевцы уплачивали за аренду казенных и частных земель колоссальную по тому времени сумму — 791781 рубль в год¹ (в том числе по аулам: жители Карт-Джурта — 156154 рубля, Хурзука — 289130 рублей, Учкулана — 221930 рублей, Дуута — 18000 рублей, Джазлыка — 17000 рублей, Теберды — 21420 рублей, Каменноостского — 7683 рубля, Мары — 15238 рублей, Джегуты — 39270 рублей).

По данным экономиста этнографа Г. Чурсина, на своих землях карачаевцы едва могли прокормить одну десятую часть своего скота. Почти все карачаевцы-скотоводы арендовали земли под зимние пастбища, многие и под летние, а некоторые хозяйства снимали, кроме того, участки отавы на осенний период, куда перегоняли скот с летних пастбищ на сентябрь-октябрь. Зимние пастбища — кышлыки приберегали для более холодного времени года.² Эта тройная аренда земли буквально разоряла карачаевских крестьян.

Остановимся подробнее на различных видах аренды земли в Карачае.

Наиболее распространенным видом аренды была аренда казенных земель. Карачаевский народ, замкнутый царским командованием среди высоких гор, безжизненных ледников и скал, не мог существовать без аренды земли на стороне. По данным начальника Эльборусского округа Петрусевича, уже в 60-е годы XIX века у карачаевцев на арендованных землях находились до 300 кошей.³

Пользуясь нуждой карачаевцев, казачье правление, у которого арендовали карачаевцы землю, ставило им самые жесткие условия, превышая в 2—3, иногда даже в 5 раз установленные арендные цены. В то время, как повсеместно десятина сенокосной казенной земли сдавалась по 10 копеек, с карачаевцев взымали 50—60 копеек.

В арендных отношениях царя не разбирались. Часто один и тот же участок сдавался нескольким лицам или за один участок взымали плату и в правлении и объездчик на месте.

¹ Труды комиссии. . . . стр. 32.

² ГАКК. Рапорт Коваленского, стр. 56.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43.

Очень неудобна была существовавшая краткосрочность аренды—земли сдавались только на один год. Карачаевцы не раз просили об удлинении сроков аренды. Сняв землю на несколько лет, арендатор мог бы построить на ней постоянное помещение для скота и пастухов, произвести различные хозяйственные улучшения и постройки. Но «в условиях отдачи в наем казенных земель именно сказано, что земля отдается в аренду только на один год».¹ Причем, у арендатора было очень мало шансов снять эту землю и на следующий год. Недаром карачаевцы просили «об отдаче им в арендное содержание на продолжительное время (лет на 10 или более) казенных земель кабардинского округа», чтобы они могли надеяться, «что их с нанимаемых участков не будут ежегодно сгонять, как это может случиться при отдаче земли с торгов».²

Мало того, сняв участок земли, карачаевцы лишены были права пользоваться не только лесом, но даже кустарником, растущем на этой земле. Им не из чего было строить кош и нечем топить очаг. А те, кто все же строил кош, должны были после окончания срока аренды передать их в казну без всякого вознаграждения.³

Естественно, что при таких условиях аренда казенных земель была тормозом прогресса хозяйства. Она допускала только экстенсивное скотоводство без малейших хозяйственных улучшений.

Казенные и общественные земли сдавались в аренду, как правило, с торгов. Торги были устные. Заранее объявляли, когда и где состоятся торги, какое количество земли сдается в аренду, каковы условия аренды и первоначальная цена, с которой начнутся торги. Торги карачаевских общественных земель производились обычно в ауле Учкулан.

В торгах могли принимать участие только крупные скотоводы, так как земля сдавалась большими участками, стоившими сотни, иногда даже тысячи рублей. Естественно, что бедноте не под силу была такая аренда. А если иногда беднякам и удавалось участвовать в торгах, то все равно более зажиточные перебивали у них сдаваемые в аренду участки, так как они могли предложить более высокую плату.⁴ Поэтому такое большое распространение получила в Карачае субаренда — передача арендованных земель мелкими участками или аренда земли говариществами.

Интересный документ о двойной субаренде содержится в делах Краснодарского государственного архива. Участок ка-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 235, л. 39.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 50.

⁴ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 40.

зенных земель был взят с торгов в аренду за 1245 рублей Магометом Наурузовым, который пересдал затем этот участок товариществу карачаевцев. Участники этого товарищества Ожай и Джамбулат Байчоровы и Кутча Айбазов, сняв землю у Магомета Наурузова, не стали использовать ее для своего хозяйства, а в свою очередь стали сдавать в аренду мелким арендаторам,¹ разделив предварительно на небольшие участки.

Каждый из переарендаторов повышал плату на землю, чтобы извлечь для себя выгоду из этих земельных спекуляций. Поэтому мелким арендаторам приходилось платить двойную или даже тройную плату за свои кусочки земли.

Земельные спекуляции получили в горских округах Кубанской области такое широкое распространение, что даже кавказская администрация вынуждена была обратиться на это внимание. Помощник начальника Кубанской области полковник Дукмасов доносил начальнику области: «Многие частные лица арендуют казенные земли по установленной начальством цене не для собственной надобности, а для прибыльного торга ими, причем цены весьма сильно повышают. Горцы, жалуясь на это, говорят, что с них многие требовали в три и даже более раза дороже, нежели почем нанимали эти земли от правительства».² Однако, осудив эти земельные спекуляции на словах, кавказская администрация на деле не принимала никаких мер борьбы против них.

Широко арендовали карачаевцы также земли у соседних казачьих станиц. Пожалуй не было ни одной станицы в окружности Карачая, где бы они не арендовали землю. Причем, по словам Петрусевича, карачаевцы вынуждены «ежегодно идти далее и далее для найма свободных земель».³ Уже в 60-е годы карачаевцы арендовали землю у станиц: Боргустанской, Ессентукской, Бекешевской, Суворовской, Баталпашинской, Усть-Джегутинской, Верхне-Николаевской, Кардоникской, Зеленчукской и Исправной.⁴

Кроме юртовых земель снимали землю и у отдельных богатых казаков, владевших большими участками. Так, например, Джамбулат, Чубур, Бачай и Ожай Байчоровы вместе с Исхаком и Магометом Салпагаровыми арендовали в 60-е годы XIX века у казака ст. Боргустанской Сергея Пискина.⁵ Старик Узденов Абул Керим рассказывает, что он в течение ряда лет арендовал сенокосы у казака Усть-Джегутинской станицы Власа Третьяченкова, который имел такие тесные связи с карачаевцами, что выучил карачаевский язык.⁶

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43.

² ГА ААО, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 115, л. 1.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 206, л. 1.

⁶ Полевой материал 1960 г. а. Джегута, Узденов Абул-Керим.

По р. Теберде большой земельный участок принадлежал русскому землевладельцу Николенко, купившему его у наследников князя Андроникова. Николенко охотно сдавал земли в аренду жителям Сентинского аула и Теберды. Но так как он предпочитал сдавать большими участками, то снимали у него обычно богатые люди, а потом пересдавали в аренду мелкими участками бедным крестьянам за повышенную плату. Такими крупными арендаторами в районе Теберды были Байчоровы, Батчаевы и другие. Алчаков Джаубрай из Н. Теберды рассказывает, что он сам арендовал в молодости землю у Байчоровых на покос,¹ которую те снимали у Николенко.

При аренде как у казаков, так и у своих односельчан, богатые снимали за денежную плату, а бедные — за отработки или плату натурой. Так, джегутинцы брали у станичников землю за половину урожая гречихи или кукурузы.

Денежная форма аренды была значительно выгоднее, чем испольщина. Поэтому всякий сколько-нибудь обеспеченный крестьянин старался арендовать землю за денежную плату и только самые бедные были вынуждены идти на испольщину. Но чем дальше шло в Карачае расслоение, тем больше было бедняков, вынужденных прибегать к испольщине.

Аренда земли исполу называлась по-карачаевски ортак, — тем же термином, как испольный выпас скота. В работах Абрамовской комиссии указано, что аренда земли под видом «ортак» началась в Карачае с эпохи отмены крепостного права на Кавказе и продолжает прогрессировать и в начале XX века.

Арендовав на условиях испольщины или ортака участок земли, крестьянин должен был сам обработать его, засеять своими семенами, убрать хлеб, обмолотить и после этого поделить урожай пополам и отдать владельцу участка половину зерна и соломы.

При аренде сенокосных участков сено делили или пополам² (один стог владельцу, второй — арендатору) или на 3 части. Арендатор получал только треть собранного сена, владелец земли 2/3. Иногда в такой же пропорции делили и хлеб,³ но такие тяжелые условия аренды были исключением. Пахотные земли обычно сдавались исполу.

Особенно охотно сдавали землю на условиях испольщины бывшие владельцы, которые после реформы лишились даровых рабочих рук, но сохранили свои латифундии. Для них аренда, особенно испольная, была удобной формой продолжения отработок.

¹ Полевой материал 1959 г. а. Теберда, Алчаков Джаубрай.

² Полевой материал, 1960, а. Джегутинский.

³ Полевой материал, 1960, а. В. Мара, Турклиев Муса.

Этим кабальным видом аренды особенно широко пользовались Крымшамхаловы, в руках которых были лучшие земли. Карачая. Наследники Хаджи Мурзы Крымшамхалова имели по р. Эльтаркачу больше тысячи десятин земель годных и для посевов и для сенокоса. Многие бедняки Джегутинского аула работали на этих землях, получая в лучшем случае половину урожая и сена с арендованных участков, а иногда и одну треть. О тяжелой доле этих крестьян-испольщиков рассказывает Муса Туклиев, выходец из Джегутинского аула,¹ Магомет Текеев² и другие.

В архиве КЧНИИ хранится подлинный документ — арендный договор между Мурзакулом Крымшамхаловым и жителем Учкулана Аубекиром Кубаевым.³ Кубаев арендовал кышлыки Индиш-Баши и Герий Ульген, принадлежащие Мурзакулу и Басхануку Крымшамхаловым, за 400 рублей в год. Так как речь шла о фамильных землях «ата джер», а не о пожалованных в индивидуальную собственность, в договоре содержится специальный пункт по которому М. Крымшамхалов обязуется «устранить причины, именно претензии со стороны брата Басханука Крымшамхалова и со стороны карачаевского общества, могущие препятствовать Аубекиру Кубаеву использовать вышеуказанные кышлыки».

Старшина Учкуланского аула Султан Алботов арендовал еще большие участки — до 90 десятин земли в Терской области, платя в год до 1000 рублей арендной платы. Давлет Гирей Байрамкулов арендовал казенные земли по Марухе.⁴

Такие значительные участки могли арендовать только крупные скотоводы, хозяйство которых носило все более товарный характер. Арендованную землю они использовали или для субаренды или для заготовки на ней сена для своего многочисленного скота при помощи наемных батраков. Это была предпринимательная аренда — элемент капиталистических отношений в карачаевском ауле.

Наряду с арендой земли новые богачи — кулачество все шире прибегало к покупке земли. Так, когда-то небогатые уздени Байчоровы, почти не имевшие наследственных сенокосов и кышлыков, к концу XIX века собрали в своих руках огромные массивы земель — от Мары до Кисловодска.⁵ Значительная часть этих земель эксплуатировалась путем сдачи в аренду, преимущественно натуральную. «Арендную плату кулак получает редко деньгами: арендуемый обыкновенно дает ему 1/5 или 1/4 жатвы и обязуется пасти его скот, причем получает в

¹ Полевой материал, 1960, а. В. Мара, Турклиев Муса.

² Полевой материал, 1960, а. Джегута.

³ Документ подарен институту сыном арендатора Кубаевым Магометом.

⁴ ГАКК. Рапорт Коваленского, стр. 46.

⁵ Полевой материал, 1960, а. Джегута, Узденов Абул-Керим.

виде подарка десятую часть приплода от рогатого скота. Весь труд карачаевского кулака состоит только в контроле работающих на него и в продаже лишнего скота»,¹ — писал В. Я. Тепцов.

Таким образом, карачаевские кулаки, с одной стороны, сами арендовали землю, чтобы расширить свое хозяйство, а с другой стороны, сдавали небольшие участки земли безземельным беднякам.

В. И. Ленин в своей работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» различал 2 вида аренды — кабальную аренду из нужды и аренду для обогащения. Если кулаки и арендовали и сдавали землю для обогащения, то беднота Карачая и арендовала землю из нужды, чтобы прокормить свою семью и свою скотину, и сдавала свой надел в аренду от еще большей нужды, когда некому было обработать этот жалкий клочок или нечем засадить его, некому скосить сено.

Сдача в аренду надельной земли была в Карачае нечастым явлением. Размер наделов был очень невелик, а скотоводство требовало значительно большего количества земли, чем земледельческое хозяйство. Крестьянам редко хватало пая для своего небольшого хозяйства.

Но были и такие случаи, когда совсем бедный крестьянин, не имея скота, семян и денег, а иногда вдова или старец, не имеющие в семье рабочих рук, отдавали свой земельный пай в аренду. Это и была «аренда из нужды»,² кабальная аренда, которая не давала сдавшему ее никакой прибыли, а служила лишь поддержкой его жалкого существования.

Надельные земли сдавали в аренду обычно не за деньги, а за часть урожая. Сенокосы сдавали за часть сена, пахотные земли — за часть собранного хлеба. Сдача в аренду пахотных участков практиковалась иногда в Джегутинском ауле, имевшем больше пахотных земель, чем горные аулы.³

Аренда надельной земли была очень выгодна для кулаков, и они всячески стремились принудить крестьян к сдаче своих паевых наделов. Так, если бедняк приходил к богатому соседу с просьбой одолжить денег, тот ссужал ему требуемую сумму, но при этом кулаки «выговаривали себе гарантию в виде аренды будущего паевого надела, в чем брали с бедняков расписку».⁴

Цены на землю — и продажные и арендные, не оставались неизменными. В 60-е годы, когда казачья колонизация Закубанья не была еще завершена, а крестьянская и капиталистическая колонизация только началась, масса земель оставалась

¹ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 98—99.

² В. И. Ленин. Соч. т., 15, стр. 81.

³ Полевой материал, 1960, а. Джегута, Коркмазов Дагир.

⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 943, л. 79—81.

свободными. Экспроприированные горские земли раздавались царской военщине и администрации, а также представителям горской знати. Казенные земли сдавались в аренду всем желающим.

В этот период и продажа и арендные цены были невысоки. Как говорилось уже, казенные земли сдавались по 10 копеек за десятину или по количеству голов скота, который пасся на ней.

Горские феодалы, получив десятки тысяч десятин земли и лишившись одновременно даровых рабочих рук, также охотно продавали и сдавали в аренду как полученные от царизма, так и захваченные у своего народа земли.

Но чем больше распространял российский капитализм сферу своего господства на новые территории, т. е. чем больше развивался вширь, тем больше втягивались в товарный оборот земли Кавказа. Наряду с крупными фермерскими земледельческими хозяйствами в Кубанской области все больше развивалось товарное скотоводство, а следовательно возрастала нужда и в сенокосах и горных пастбищах. Все это приводило к тому, что цены на землю резко возросли.

Процесс этот коснулся и Карачая. Если в 60-е годы все свободные земли Эльборусского округа (а их до основания новых аулов было значительно больше, чем в конце века), сдавались в аренду за 5600 рублей,¹ то в конце XIX века одни Джебугтинские сенокосы приносили арендной платы более 9 тысяч рублей в год.² Еще быстрее возрастали цены на частные участки и арендная плата за них. Старик Бердиев, живший на Учкекене, рассказывает, что его отец арендовал землю у Крымшамхалова за 250—300 рублей, а позже за этот же участок платил—600 рублей.³

Еще дороже была земля внутри селений Большого Карачая. Недаром в Трудах Абрамовской комиссии сказано по поводу Карачая получили высшую степень напряжения».⁴ ду дороговизны земли, что «цены на эти земли в селениях Ста-

Средняя цена пахотных земель к концу XIX века—началу XX века была от 1200 до 2400 рублей десятина, пойменных лугов — от 1400 до 3000 рублей.⁵

Дороговизна земли и тяжелые условия аренды способствовали тому, что в пореформенный период еще большее распространение получили кошевые товарищества — кош-нёгерлик—объединения для совместного выпаса скота на один или несколько сезонов, о чем будет подробнее сказано ниже.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 143, л. 2.

² П. Иваненков. Ук. соч., стр. 35.

³ Полевой материал, 1960. а. Учкекен, Бердиев Курманбий.

⁴ Труды комиссии. стр. 19.

⁵ Труды комиссии стр. 20—21.

В связи с распространением краткосрочной денежной аренды в пореформенный период бегенда — бессрочный залог земли — играла уже меньшую роль. Малоземелье делало землю самым дорогим залогом в Карачае. Богатые люди охотно давали крестьянам на долг и скот и деньги под залог земли. Вместо процентов на данную в залог сумму кредитор получал право пользоваться урожаем или сеном с заложенного участка до тех пор, пока должник не вернет долга. Если же долг во время не был возвращен, то заимодавец мог оставить себе землю навсегда. Таким образом, бегенда была одним из средств, при помощи которого богачи могли за грошевую цену присвоить себе земли бедноты. Заимодавец имел право запретить покупку заложенного участка и этим лишить бедняка возможности вернуть долг из денег, полученных от продажи. Закладывали же землю значительно ниже ее стоимости. Так, И. Иваненков приводит примеры бегенды, которая изредка встречалась и в конце XIX века. Например, Керты Биджиев имеет 3 участка по коса за отданные кому-то 200 рублей; Лакман Каркмазов заложил один сабан Джумарыку Хубневу; Хаджи-Хусейн Семенов за 70 рублей сабан мерою в одну меру.¹ Но Н. Иваненков тут подчеркивает, что со слов доверенных «такого рода сделки в настоящее время не существуют, — вытесненные под влиянием русских понятий, — простою срочною арендою земли, так как хозяева пахотных и сенокосных земель имеют возможность при нужде добыть денежные средства и не рисковать потерять навсегда землю».²

Разнообразие форм арендных отношений в Карачае — крепостническая ипотека, бегенда, продовольственная аренда и сдача наделных участков, предпринимательская капиталистическая аренда и субаренда — было отражением тех сложных и пестрых социальных отношений, которые сложились в Карачаевском ауле в пореформенную эпоху.

Глава VIII

ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ КАРАЧАЯ

Появление товарного скотоводства, все усиливающаяся связь хозяйства с рынком, обезземеливание крестьян, рост арендных отношений и концентрация земельной собственности в руках сельской верхушки взрывали изнутри сельскую общину в Карачае, вели к резкому имущественному расслоению карачаевского крестьянства.

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 44.

² Там же.

Еще ярче, чем в земельном неравенстве, расслоение проявлялось в распределении скота между крестьянами. Исследователи Карачая Г. Чурсин, Н. Иваненков, В. М. Сысоев и др. неоднократно подчеркивали, «что количество скота распределяется между населением крайне неравномерно»,¹ «очень и очень неравномерно»² и т. д. Н. Иваненков приводит в качестве примера материал о самом обеспеченном скотом ауле — Уччуланском. Но и в нем 9% владели свыше 500 голов, 27% — до 100 голов, 11% — от 1 до 10 голов, а 12% не имели совсем никакого скота. Последние две группы не могли прокормить своих семей и вынуждены были продавать свой труд³ — идти батрачить к богачам.

Резкое имущественное неравенство карачаевского крестьянства вынуждена была признать и правительственная Абрамовская комиссия: «Количество скота между дворовыми хозяйствами, как это выяснилось из подворных записей, распределяется крайне неравномерно: встречаюся дворы, имеющие от 2500 до 20 овец; но в общем 40% дворов не имеют овец; рогатого скота, от 500 до 1 голов, а 3% дворов не имеют вовсе рогатого скота. Лошадей от 350 до 1 лошади, а 20% дворов безлошадных.»⁴

Фактически же неравенство было еще более острым, так как отдельные представители сельской верхушки, такие, например, как Джамбулат Байчоров и сын его Тинибек имели свыше 1 000 голов лошадей и до 10 000 овец. Богатство этих крестьян в несколько раз превосходило богатство самых крупных биев из фамилии Крымшамхаловых.

Расслоение карачаевского крестьянства и выделение кулацкой верхушки было подмечено и ярко охарактеризовано В. Я. Тепцовым, посетившим Карачай в начале 90-х годов XIX века. «Общество уже раскололось на два враждебных лагеря»⁵ — пишет он. Выделившуюся новую верхушку он называет «новаками», тяготеющими «к тому течению, которое, как язва, проникло и у нас, на святой Руси, в деревню, разлагая своей заразой все лучшее, что оставила нам старина, — «новаки», словом, напоминают наших деревенских пьявок-кулаков».⁶

Несмотря на ограниченность взглядов В. Я. Тепцова, который не видел прогрессивной роли капитализма и идеализировал старину, его характеристика новой верхушки карачаевского общества и аналогия с русским кулачеством заслуживают большого внимания. Она тем более ценна, что многие серьезные исследователи не заметили этих ростков капитализма в

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 61.

² Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. «Кавказ», 1900, № 392.

³ Н. Иваненков. Там же.

⁴ Груды Абрамовской комиссии, стр. 30.

⁵ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 98.

⁶ Там же.

Карачае, по-прежнему считали общественный строй Карачая феодальным и даже дофеодальным; единственными социальными группами называли феодалов и крестьян.

«В отношении социальной организации карачаевское общество распадается на две сословные, неодинаковые по числу и экономическому положению, группы: это бывшие владетельные князья и дворяне — с одной стороны и простой народ или бывшие крестьяне — с другой»,¹ — писал в 1888 г. Люсин в статье, помещенной в газете «Северный Кавказ». И далее безапелляционно утверждает: «Буржуазного элемента в Карачае не существует. Сословные отношения патриархальны и выражаются в одеревенелых формах и приемах восточного, своеобразного этикета».²

Такая характеристика карачаевского общества пореформенного периода совершенно не отражает тех сложных и мучительных для народа процессов имущественного расслоения, распада общины, выделения сельской буржуазии, обеднения и угнетения масс, которые происходили в Карачае.

Вот почему так ценно для нас описание В. Я. Тепцова карачаевских кулаков: «Новак» оставил пастушество, обратил большую половину своего имущества в капитал и живет на проценты с него. С обществом он еще не потерял связи, напротив, он присосался к нему, подобно пьювке и сосет бедняка».³

Дальше В. Я. Тепцов перечисляет источники обогащения кулака — аренда, субаренда и другие земельные спекуляции, ростовничество, эксплуатация арендаторов путем ипольщины, торговля скотом. «Живет он барином, помещиком, у которого в кабале несколько бедняков»⁴

И самое главное, что подметил В. Я. Тепцов — это ненависть, которую питают к кулаку жители аула, классовый антагонизм между эксплуататорской верхушкой и народными массами.

Хозяйство кулаков носило товарный характер. Аренда и покупка земли были нужны им и для земельных спекуляций и для выпаса на ней многочисленных стад скота, выращиваемых специально для продажи. Лошади шли на ремонт кавалерии, крупный и мелкий рогатый скот — на ярмарки и базары Кубанской и Терской областей, а частично и в более отдаленные места, например, в Грузию и Абхазию.

Крупнейший скотовод Карачая Джамбулат Байчоров снабжал молоком и мясом все курорты Минводской группы. Но главным рынком сбыта его продукции служил Кисловодск. Мно-

¹ Люсин. Карачай. «Северный Кавказ», 1888, № 43.

² «Северный Кавказ», 1888, № 43.

³ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 99.

⁴ Там же.

гие карачаевские богачи, в том числе Байчоровы, Чотчаевы и др. имели в Кисловодске свои дома и проводили там большую часть года. Байчоров снабжал курорт не только молоком и мясом, но и кумысом, который охотно пили приезжавшие больные. В хозяйствах Байчоровых имелись специально отобранные молочные кобылицы, которые систематически доились, и молоко их шло на приготовление кумыса.

Товарный характер скотоводства, связь хозяйства с рынком, широкое развитие арендных отношений были ростками новых, капиталистических отношений. Но главным проявлением земледельческого капитализма В. И. Ленин считал применение вольнонаемного труда.¹ В результате отмены крепостного права и в хозяйстве феодальных собственников земли, а еще больше — кулаков стали использоваться наемные рабочие-батраки.

Организация фермерского хозяйства с вольнонаемным трудом была менее выгодной для кулаков, чем использование старинных патриархальных пережитков в качестве формы эксплуатации. Поэтому найм рабочей силы редко происходил в чистом, неприкрытом виде. Гораздо чаще встречались завуалированные формы батрачества, которые В. И. Ленин называл полупатриархальными и полукабальными формами работы по найму.²

По официальным данным переписи 1897 года, только ничтожный процент хозяйства в карачаевских аулах пользовался наемной рабочей силой и еще меньшее число хозяйств выделяло батраков. Так, в самом многолюдном ауле Учкулане из 852 семей (5 825 чел.) только 12 семей имели наемных рабочих, из них 6 семей коренных и 6 иногородних, очевидно, ремесленников или торговцев.³

В Карт-Джурте 5 семей пользовались наемной рабочей силой (2 семьи коренные и 3 иногородние, названные в таблице посторонними). В Дуутском ауле указана только одна семья, в Джазлыке — ни одной; в Сентинском — 2. Еще меньше семей названо в графе «из скольких семей нанимаются в батраки»: в Учкулане из 7, Карт-Джурте — 8, Сентах — 1.

Подытоживая материалы переписи, Л. В. Македонов установил, что у казаков 12,5% семей имели наемных рабочих, а у горцев только 2,4%.⁴

Но эти официальные цифры не отражали реального положения вещей. Дело в том, что перепись отнесла к батракам

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 200.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 206.

³ Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г., под ред. Л. В. Македонова. Екатеринодар, 1907, стр. 344—367.

⁴ Там же, стр. 551.

только тех крестьян, которые совершенно лишены были своего хозяйства и жили продажей рабочей силы. Она не учла многочисленных случаев батрачества малоземельных и бедных скотом крестьян, которые хоть и имели свое небольшое хозяйство, но не могли прожить без постоянной или сезонной подработки на стороне.

Архивные документы упоминают наемных работников и у биев Крымшамхаловых и у кулаков Блимготовых.¹

И сейчас еще живы многие старики, работавшие в молодости батраками у Байчоровых и Крымшамхаловых. Так, Турклиев Муса из Верхней Мары получал в молодости за свой труд у Крымшамхаловых от 2—3 рублей в месяц деньгами и на год — бурку, черкеску, шубу и обувь.² Табунщики получали до 6 рублей в месяц.

Г. Чурсин в статье «Экономическая жизнь Карачая» пишет: «Безземельные идут в батраки и на поденные работы, вырабатывая до 50 руб. в год».³

Это значительно меньше, чем зарабатывали поденные рабочие в плоскостных районах Кубанской области.

Отношения найма часто были завуалированы тем, что бедняки нанимались не к посторонним лицам, а к близким и дальним родственникам⁴ и не заключали никаких, даже словесных, договоров, т. к. это считалось родственной помощью.

Но даже работая у посторонних людей, карачаевские крестьяне в большинстве случаев получали плату не деньгами, а натурой — частью продуктами или правом пасти свой скот на земле хозяина, обрабатывать исполу участок его земли.⁵ Большинство наемных работников имело еще свое небольшое хозяйство, которое создавало видимость экономической самостоятельности. Это были, по образному выражению В. И. Ленина, «батраки с наделом».⁶ Они не утратили своего крошечного участка земли или нескольких голов скота, но прокормить их такое хозяйство не могло, поэтому они вынуждены были идти в кабалу к кулаку или князю за право пасти свой скот вместе с владельческим и т. д. Найм в таком случае прикрывался различными старинными институтами, которые, сохранив прежнюю форму, изменили свое содержание. Такими прикрытыми формами эксплуатации была испольщина-ортак, кошевые товарищества — кьош-нёргерлик, усыновление-аталычество, работа у родственников и т. д.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 3308.

² Полевой материал 1860 г. В. Мара, Турклиев Муса.

³ Кавказ, 1900 г., № 322.

⁴ Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 60,

⁵ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 99,

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 97,

Натуральная оплата труда батраков маскировала нищенскую оценку его. Овечьего пастуха — кьой-джылчы — нанимали обычно на 5 лет, расплачиваясь по истечению этого срока частью скота, за которым ухаживал пастух. Айтек Батчаев в своей статье «Карачай за 15 лет пролетарской диктатуры» приводит конкретные примеры того, на каких условиях в прошлом нанимались овечьи пастухи. Некий Харун Акманов работал батраком 15 лет «без единого выходного дня и при длине рабочего дня 18 и более часов» и получил в качестве платы 14 овец, то есть менее одной овцы за годовой труд (овца стоила 3—4 рубля), батрак Хаджимар заработал за 5 лет 7 овец, Алисултан — за 3 года 5 овец.¹

Еще более низкой была оплата труда тех бедняков, которые вынуждены были наниматься в кьарын-джылчы — батраки желудка, работавшие только «за харчи».

Денежную оплату получали в аулах только табунщики. За крупным рогатым скотом и овцами ухаживали, как правило, не нанятые батраки, а кошевые товарищи или лица, взявшие скот в ортак.

Использование ортака как одной из форм эксплуатации в Карачае в конце XIX — начале XX в. детально исследовано Евгенией Николаевной Студенецкой,² собравшей по этому вопросу большой полевой и литературный материал.

Она рассматривает 3 основные формы ортака — кьошхан-ортакъ — ортак с прибавкой, кьошмагъан-ортакъ — ортак без прибавки и чегем-ортак (по названию одного из ущелий Балкарки).

При первой из упомянутых форм ортака — кьошхан-ортакъ — человек, берущий скот, должен был сам владеть некоторым количеством скота, который он добавлял к владельческому. Взяв в ортак скот, обычно овец, крестьянин должен был в течение 5 лет ухаживать за ним, кормить, перегонять весной на летние, а осенью на зимние пастбища, стричь и т. д. Он нес все связанные с этим труды и расходы и целиком отвечал за сохранность стада.

И за эти 5 лет непрерывного труда без отдыха и праздничных дней крестьянин получал при расчете половину скота, а при стрижке — половину шерсти овец. Е. Н. Студенецкая подчеркивает, что фактически это была оплата труда не одного человека, а всей семьи, так как такие работы как покос и стрижка и уход за скотом выполняла вся семья крестьянина.³

¹ «Революция и горец», 1932, № 10—12.

² Е. Н. Студенецкая. Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарки (конец XIX — начало XX в.). Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. Выпуск I, 1958 г.

³ Е. Н. Студенецкая. Ук. соч., стр. 211.

Еще тяжелее были условия у тех крестьян, которые не имели своего скота и пасли только чужой. В этом случае крестьянин получал через 5 лет только третью часть скота (кьошмаган-ортакъ) или один приплод (чегем-ортакъ). Последняя форма ортака в Карачае в пореформенный период была менее распространенной.

В ортак давали и коров, в виде исключения и лошадей, но наиболее частой формой ортака была отдача овец. Причем крупные хозяева старались раздавать свой скот как можно большему числу крестьян небольшими партиями. Это, по словам Е. Н. Студенецкой, давало большую гарантию сохранности стада от падежа и других убытков.¹

Крестьянин, «принявший скот на ортак, становился в некоторые зависимые условия к хозяину его: он обязан последнему оказывать полнейшее уважение, исполнять его волю, давать подробный отчет о приращении и убыли, обращаться в свою пользу не более того, что определяло договором»,²— писали Г. Петров и В. М. Сысоев.

Таким же завуалированным видом батрачества было участие в кошевых товариществах — кьош-негерлик. Как правило, такое товарищество было объединением не равноправных хозяев-скотоводов, а группировкой бедных мелких скотоводов вокруг богатого хозяина, который или имел свою землю или арендовал ее у казны и станичников. Бедняки, которых казак подбирал себе в кошевые товарищи, должны были за право участия в товариществе и пользование арендованной землей платить своим трудом.

Только за то, чтобы перегонять с летних на зимние пастбища свой скот вместе с хозяйским, косить на арендованной им земле, бедные крестьяне в течение многих месяцев ухаживали за его скотом, запасали для него сено, а часто еще и вносили определенную сумму денег за аренду земли. Это были те же батраки, во всем обязанные слушаться хозяина и работать на него, но «батраки со скотом», с одной-двумя головами крупного рогатого скота, реже с десятком овец.

Самый тяжелый вид батрачества — эксплуатация детского труда — прикрывалась обычаем усыновления — аталычеством. Богатая семья, имевшая много скота и недостаточно рабочих рук, брала в аталыки мальчика лет 6—7, который считался уже пригодным для пастыбы овец. Он жил в этой семье на правах аталыка, а фактически — батрака до 20 лет. После этого хозяин отпускал его назад к отцу и давал в качестве аталыцкого подарка — аталыкъ саугъа — телку и 2-х бычков.³ Это была плата за 13—14 лет работы подростка!

¹ Е. Н. Студенецкая. Ук. соч., стр. 211.

² Г. Петров. Ук. соч., стр. 143 В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 83.

³ Полсвой материал 1961 г., К-Теберда.

В других случаях договора была покупка для юноши невесты, т. е. плата калыма. Отдавали детей в аталыки обычно многодетные крестьяне, у которых не было возможности самим вырастить своих сыновей, а тем более собрать калым для покупки им невесты.

В таких же завуалированных формах выступала эксплуатация женского труда. По тем же официальным данным 1897 г., только 3 % батраков составляли у горцев женщины, в то время как у казаков «женщин-батрачек насчитывается свыше 59% общего количества батраков».¹

Низкий процент распространения наемного труда у коренного населения Л. В. Македонов объясняет сравнительной устойчивостью хозяйства населения.² Но в данном случае это не соответствует действительности. Не устойчивостью хозяйства, а устойчивостью патриархально-родовых пережитков в быту карачаевцев объяснялись низкие цифры батрачества, завуалированностью отношений найма рабочей силы. Многие бедные женщины, особенно одинокие, работали у своих более богатых родственников или даже в чужих семьях, но не считались батрачками, не получали никакой заработной платы, хотя и трудились с утра до ночи. Они довольствовались за свой труд скудной пищей и жалкими обносками

Фактически именно в батрачек превратились после отмены крепостного права все карауш — рабыни, не имевшие семьи и жившие при доме владельца. Так как в большинстве случаев это были не карачаевки, у них не было родственников, к которым они могли бы уйти после освобождения. Да и платить за свое освобождение им было нечем. Вот и оставались они в доме владельца, работали на его семью, ухаживали за его детьми. Если у такой женщины рождался ребенок, она кормила своим молоком и его и хозяйских детей.

Такие женщины не считались при переписи батрачками, так как не существовало никакого, даже словесного, уговора о найме их. Документы отмечают, что они «добровольно» оставались у своих бывших владельцев или их детей. Но куда же еще могла деться такая женщина в условиях патриархально-феодального общества? Когда же работница становилась старой и немощной, ее просто выгоняли, оставляя без всяких средств к существованию.

Во 2-м Баталпашинском горском суде в 1887 г. рассматривалось дело о жителях Учкулана Шогае, Али Гирее и Алисултане Джанибековых. Всю жизнь прожила у них Ногайкыз, бывшая карауш их отца, грудью своей выкормила сына Алисултана. А

¹ Население Кубанской области по данным вторых экземпляров переписи 1897 г., стр. 553.

² Там же.

когда ей исполнилось 90 лет, ни один из братьев не хотел содержать ее.¹

Когда суд вынес решение, чтобы братья Джанибековы кормили несчастную старуху, они подали жалобу на решение суда, жалея для Ногайкыз муки или чашку айрана.

Не учитывала официальная статистика и такого распространенного в Карачае вида батрачества, как сезонное отходничество в станицы. Сфера применения наемного труда в самом Карачае была ограниченной, а количество бедняков, которых не могло прокормить их жалкое хозяйство — довольно велико. Поэтому летом, в горячую пору сенокоса, растекались карачаевцы по всем ближайшим, а иногда и дальним станицам в качестве косарей.

Не говоря уже о ближайших к Карачаю станицах — Кардоникской, Усть-Джегутинской, Верхне-Николаевской и др. не было буквально ни одного селения в Баталпаинском отделе, где бы ни работали во время сенокоса карачаевцы.

Нанимались косари обычно не по одному, а целой артелью — джыйином, со своим инвентарем, к зажиточным казакам или владельцам экономий. Условия найма в станицах были значительно более выгодными, чем в самом Карачае. В хороший год косарь мог заработать до 3 рублей за десятину, а при дружной работе опытных косарей на человека приходилось до десятины покоса.

Кроме денежной оплаты, косари получали и натуральное довольствие: муку, молоко, мясо. (Мясо выдавали из расчета 1 барана на питание 1 косаря в течение 10 дней).

Больше всего косарей-поденщиков выделяли так называемые қульские аулы — Мара, Каменноостокское, Сенты. Жители этих аулов постоянно нанимались на покос в станицах Зеленчукской, Кардоникской, Бекешевской.

Кроме того, постоянными наемными работниками в станицах были карачаевские табунщики и иногда пастухи. Карачаевцы считались очень хорошими табунщиками, так как многовековой опыт ухода за лошадьми выработал у них большую сноровку. Поэтому их особенно охотно брали табунщиками и в частные хозяйства и в общественные табуны. Из карачаевцев же пополнялись обычно кадры ямщиков общественных троек. В архивных документах пореформенного периода упоминаются многие случаи найма карачаевцев в станицы: Мусоса Каракотова и Батыра Лайпанова табунщиками в ст. Красногорской,² Лайпанова — ямщиком в ст. Усть-Джегутинской и т. д.

Профессия табунщика была, пожалуй, единственным видом работы по найму в сельском хозяйстве, которая оплачивалась не натурой, а деньгами и составляла главное занятие работни-

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 908, л. 124.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 265, л. 101.

ка. Нанимаясь табунщиком, карачаевский крестьянин порывал постоянно или временно со своим хозяйством и жил только продажей своей рабочей силы.

Отходничество в города центральной России в Карачае не получило большого распространения. Карачаевцы уходили на заработки на промышленные предприятия в Карачае и около его пределов: на Эльбрусский рудник, смоло-скипидарные, лесопильные и сыроваренные заводы, Хумаринские угольные шахты, где работали возчиками по транспортировке сырья и продукции, лесорубами и подсобными и реже—основными рабочими. Многие из них не порвали окончательно с сельским хозяйством и рассматривали работу на производстве, как дополнительный источник дохода.

Но и в тех и в других случаях, один раз явно, другой завуалированно, рабочая сила выступала как товар, а следовательно товарное производство достигало уже такого уровня, при котором можно говорить об элементах капитализма.

Наряду с этим в карачаевских аулах в пореформенную эпоху широко процветали кабальные формы эксплуатации, основанные на испольщине, отработках, ростовщичестве. Ростовщичество стало настоящим бичом для карачаевских крестьян. В. Я. Тепцов писал о кулаках, эксплуатировавших бедноту: «Главное же его внимание обращено на капитал. Он ссужает нуждающихся деньгами за очень большие проценты и нередко натуру: скотом, хлебом и т. д.»¹

Счет процентов до 70-х годов XIX в. велся исходя из приплода скота. Это давало кредитору возможность в течение нескольких лет не только удвоить или утроить сумму данного долга, но получить с должника благодаря нарастающим процентам буквально удесятеренную сумму. Н. Петрусевич в своем небольшом, но интересном исследовании «Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам» приводит такие примеры: Исали Эркенов задолжал Хаджимат Долевой тридцать копеек, а через 7 лет вынужден был заплатить ей по суду 3 коровы с телками, одну телушку-двухлетку и 2-х баранов с барашками. Ибай Чотчаев купил у Исы Чотчаева мерку хлеба, цена которой была 50 копеек, но денег вовремя не отдал. Через 6 лет он вынужден был уплатить за этот долг 5 коров.²

Такой метод исчисления процентов был очень выгоден ростовщикам и разорителен для народа. С конца 60-х годов счет процентов на скот был заменен денежным. Но размер ростовщических процентов по-прежнему был очень высок.

Попыткой освободиться от гнета ростовщиков было решение общего схода карачаевского общества от 27 ноября 1869 г. Для

¹ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 99.

² Н. Петрусевич. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам. ССКГ, вып. IV, стр. 51.

борьбы с ростовщичеством сход постановил учредить ссудную кассу, «где всякий нуждающийся будет иметь возможность за пять необходимую сумму под меньшие проценты».¹

Условия получения денег из кассы были тоже нелегкими—заимодавец должен был платить в кассу 9% в год, а в случае, если не сможет вернуть денег в срок, аульский суд мог продать часть его имущества и т. д. Но и эти условия казались льготными по сравнению с алчностью ростовщиков. Заведующим кассой был назначен эфенди Учкуланского аула Такмак Акбаев.

Однако касса далеко не могла удовлетворить всех желающих. Капитал ее достигал едва 3-х тысяч рублей, ссуды давались мелкими суммами: лично заведующим кассой до 10 рублей, по решению аульского суда—до 30 рублей и в самом крайнем случае по решению окружного суда—до 50 рублей.² Между тем развитие товарно-денежных отношений и медленное мучительное превращение натурального хозяйства карачаевских крестьян в мелкотоварное требовали денег, которых у крестьян не было. Деньгами надо было платить государственные налоги и общественные подати, за деньги арендовать недостающие земли, покупать рыночные изделия, даже за билеты на право отлучки из аула на базар и билеты на рубку леса надо было платить деньгами. Все это вынуждало карачаевских крестьян все чаще обращаться к ростовщику. Поэтому безрезультатными были попытки общества бороться с ростовщичеством путем аульных приговоров и жалкой ссудой кассы.

Ростовщичество продолжало процветать. Оно приняло такие большие размеры, что даже кавказская администрация вынуждена была обратить на это внимание. «Считая весьма важным неослабное наблюдение администрации за недопущением ростовщичеству равиваться среди туземного населения, прошу... обратить особое внимание на изложенное обстоятельство и о результатах дознания меня уведомить»,— писал начальник Кубанской области генерал-майор Малама атаману Баталпашинского отдела.³

Однако это грозное предписание никого не испугало. Местная администрация фактически не только не преследовала ростовщиков, но даже защищала их, тем более, что сельские кулаки и ростовщики в большинстве случаев сами входили в состав аульной администрации.

В этом отношении очень показательное дело старшины а. Хурзук Ахмата Байрамукова, возбужденное в 1895—96 гг. Будучи старшиной, Байрамуков провел в жизнь целый ряд прогрессивных преобразований, ввел подходящий распределение налогов, построил школу и новое здание аульного правления.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 182, л. 9.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 182, л. 10.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 116, л. 9.

Но и такой казалось бы прогрессивный деятель не брезговал ростовщицеством. Он открыто объявил на сходе перед обществом, «что может давать в кредит деньги, но лишь под процент, в месяц на 10 рублей—1 рубль, т. е. на 100 рублей—120 рублей в год».¹ Ростовщические спекуляции старшины были так велики, что он нанял специального человека, который за 15 рублей занимался финансовыми делами Байрамукова и ведал раздачей в долг денег.

В течение сравнительно небольшого срока Байрамуков «успел уже запутать в свои сети почти весь наш маломальский не богатый аул»;— писали жители аула атаману отдела. «Давая им под такие проценты деньги, он закабальует их в неоплатные должники или же заставляет в конце разоряться неоплатного обывателя». В жалобе перечислена 21 фамилия жителей, разоренных Байрамуковым. Асланкул Гюрьгоков занял у старшины 10 рублей, а возратить должен был 30, Умар Карабашев взял 50 р., вернул—120 р., К. Чотчасев—50, вернул 100 рублей.

Бага Бутаева заняла 40 р., долго не могла вернуть долга. Проценты выросли так, что только за них Байрамуков отобрал у нее лошадь, купленную за 70 рублей.² Чтобы обеспечить возврат долга, старшина требовал залога, который потом не возвращал.

Но напрасно ждали жители Хурзука помощи от атамана отдела Браткова. Он целиком и полностью взял старшину под свою защиту. Ростовщицество даже с таким необычайно высоким процентом, как 120% годовых, он считал обычным явлением и ссылался на то, что «так поступают все состоятельные горцы в Карачае, что 120% годовых «не тяжелые сравнительно условия».³ Вот так велась «борьба» в Карачае с ростовщицеством. В том же Хурзукском ауле ростовщицеством занимался Кази Магомет Кубанов и др.

Даже в таком отдаленном и высокогорном ауле, как Дуут, были свои ростовщики—Абайхановы. Они сконцентрировали в своих руках значительную часть земель аула, имели огромные стада, за которыми ухаживали бедные односельчане, нанятые в батраки, или опутанные ростовщическими процентами. Абайхановы широко практиковали ростовщические операции, заставляя должников работать на себя. Батракам, особенно косарям в период покоса, платили натурой,⁴ т. к. такая плата была значительно ниже денежной.

Сочетание в одном лице аульного старшины, кулака и ростовщика было обычным для Карачая явлением. В старшины избирали обычно наиболее богатых людей, а став старшиной, они использовали свое положение для дальнейшего обогащения.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 116, л. 9—10,

² Там же.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 116, л. 91,

⁴ Полевой материал 1960. Аул Дуут, Кипкеева Х.

Первые годы после реформ, когда кулачество только зарождалось, в аульную администрацию избирали обычно представителями старой феодальной знати. Так, в Карт-Джурте старшинами были Абдурзак Крымшамхалов, после него брат его Асланбек. Но чем дальше шло расслоение карачаевского крестьянства, чем больше богатств скапливалось в руках новой верхушки, тем большей становилась их роль и в политической жизни.

К концу пореформенного периода не только среди бывших уздений, но и среди кулов появились лица, не уступавшие по своему богатству биям. Не говоря уже о Байчоровых — первых богачах Карачая, богаче многих биев стали Боташевы, Текеевы и др. Из кулов вышли такие крупные богачи и скотоводы, как Динаевы, Блимготовы — бывшие кулы Крымшамхаловых, Токовых и др.

Положение человека в обществе все более определялось не тем, в какое сословие он прежде входил, а тем каково было его экономическое положение. В конце пореформенного периода стали встречаться небывалые прежде явления — бывшие бии вынуждены были идти в батраки, а господами их стали бывшие крепостные. Правда, такие случаи были еще редким исключением. Разрушалась былая замкнутость сословий. Разбогатевшие уздени и кулы роднились не только между собой, но и с представителями бийских фамилий, которые прежде считали такие браки унижительными для себя.

В пореформенную эпоху часть биев старалась перестроить свое хозяйство на капиталистический путь. Даже среди представителей крупнейшей феодальной фамилии Карачая — Крымшамхаловых появились капиталистические предприниматели.

Ислам Крымшамхалов решил организовать на территории Тебердинского курорта образцовое молочное хозяйство. Для того, чтобы организовать ферму по последнему слову экономической науки конца XIX в. Крымшамхалов ознакомился со специальной литературой и лично посетил несколько образцовых молочных хозяйств центральной России: образцовую ферму А. Герпа в Смоленской губернии, молочную школу Верещагина в с. Ефимовка Тверской губернии, отдел молочного хозяйства и скотоводства Нижегородской выставки.¹

В январе 1895 г. он подал прошение в Управление государственными имуществами на предмет предоставления ему на льготных условиях участка казенной земли под ферму. Купив племенных производителей, Крымшамхалов рассчитывал улучшить этим породность скота, увеличить удойность коров и организовать на ферме маслодельное и сыроваренное производство.

«Варю 2 года, хотя в небольшом размере, бакштейн и расходуется нарасхват, умею готовить разных сортов масло; имею

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 946, л. 7—12.

сепаратор Альфа беби, большого колибра; один год держал сыровара из школы Н. Верещагина — С. Морозова. Имею сочинения по отрасли молочного хозяйства и скотоводства д-ра фон Кранца, Бусса, Зеттегаста и Флейшмана»¹ — писал предприимчивый князь в своем прошении.

Несколькими годами позже братья Ислама Крымшамхалова построили там же, в районе Тебердинских дач, лесопилку, работавшую на водяной турбине и небольшую электростанцию — первую в Карачае.²

Этот процесс стирания старых сословных граней и замены их новым классовым делением общества тормозился консервативно-охранительной политикой царизма, который и во второй половине XIX века продолжал поддерживать старую феодальную знать. Главным из мероприятий правительства по консервации феодальных отношений было сохранение феодального землевладения. Так как преимущественные права на землю оставались у лиц княжеских фамилий, сословный вопрос в Карачае, как и в других местах Северного Кавказа, сохранил свою остроту не только в XIX, но и в начале XX века.

В течение многих лет работала созданная в 1869 г. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей. Целью ее было установление того, какие горские сословия могли быть причислены к дворянству.

Комиссия пришла к выводу на основании опроса населения, что в Карачае высшим сословием были бии, к которым относились члены 3-х фамилий: Крымшамхаловых, Карабашевых и Дудовых — всего в 1874 году 93 человека, и разновидность этого сословия — чанка — 40 человек.³

Материалы Комиссии были представлены начальнику Кубанской области, который не согласился с ее доводами. Департамент главного управления наместника не принял, в свою очередь, заключения начальника области. И много лет, до самой Октябрьской революции, тянулась бюрократическая переписка по поводу феодальных сословий, в то время как ход исторического развития все более властно ломал старые сословные перегородки, требовал разрушения феодальных пут, мешавших дальнейшему прогрессу общества.

«Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 946, л. 7—12.

² Полевой материал 1961 г. К. Теберда.

³ Записка Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе «О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях», стр. 84.

свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача»,¹ — писал В. И. Ленин в 1908 году.

Глава IX.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КАРАЧАЕВСКИХ АУЛАХ

История карачаевцев в пореформенную эпоху — это история борьбы народа против двойного гнета местных князей и кулаков и царского самодержавия.

Революционная ситуация 60-х годов XIX в. нашла отклик и в горных селениях Кавказа. Крестьяне требовали освобождения без выкупа, справедливого передела земли, отказывались нести повинности в пользу своих владельцев.² Реформа 1868 г. не удовлетворила чаяний народа. Крестьяне не получили ни желанной земли, ни настоящей свободы. Судебно-административные реформы были еще более куцыми, чем крестьянская.

Все эти причины приводили к дальнейшему обеднению крестьянства и к обострению классовой борьбы в карачаевских аулах. Русско-турецкая война 1877—78 гг. еще более ухудшила положение народа. Несмотря на то, что карачаевцы, как и другие народы Кавказа были освобождены от воинской повинности, часть мужчин была мобилизована в армию под видом добровольцев и отправлена на фронт. Последовавшая за этим необычайно суровая зима и бураны разорили хозяйство.

На Кавказе сложилась такая же тяжелая для крестьян обстановка, как и в других областях России, где борьба крестьян за землю, протест против кабально-крепостнической эксплуатации и бесконечных поборов и налогов привели к возникновению революционной ситуации 1879—80 гг.

Развитие капитализма в России втягивало Кавказ, в том числе и Карачай, в общее русло экономического развития империи. Проникновение в горские аулы товарно-денежных отношений породило новые формы эксплуатации, вело к росту и разорению крестьянства, опутанного сетями ростовщического и торгового капитала, к росту батрачества и отходничества.

Но, наряду с этим, сохранение феодального землевладения и многих других пережитков крепостничества отягощало положение народных масс Карачая, страдавших от острого ма-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 125.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 539. «Переписка с начальником Эльборуского военного округа об агитации среди крестьян об освобождении их от крепостной зависимости».

лоземелья, кабальных форм аренды земли, вздорожания цен на землю и арендной платы.

Колониальная политика царизма накладывала новые цепи на горские народы, разоряла их налогами и поборами, опутывала круговой порукой, ставила в неравноправное положение, тормозила их развитие.

Особенности социально-экономического развития горских народов, в том числе и карачаевцев, отсталость социальных отношений, обилие феодальных и даже дофеодальных пережитков порождали своеобразие форм протеста и классовой борьбы в аулах.

Завуалированность классовых взаимоотношений в карачаевских аулах, при которой кабальная эксплуатация трудящихся часто прикрывалась патриархальными формами помочей, аталычества, ортака, кошевого товарищества и проч. приводила к тому, что ненависть к князьям, кулакам и самодержавному аппарату, часто проявлялась в форме индивидуального протеста.

Вот почему наряду со стихийными массовыми выступлениями крестьян такое большое распространение имело в 60—70-х годах абречество.

Крестьяне, недовольные и колониальным гнетом кавказской администрации и кабальными формами эксплуатации своих феодальных владельцев и кулаков, уходили в горы и становились абреками.

Прячась в горных тущобах, они совершали храбрые набегги на владения богачей и князей, угоняли скот, мстили своим обидчикам. Население относилось к абрекам сочувственно, снабжало их пищей, прятало от властей. Чаще всего абреками становились молодые люди, не обремененные семьей, более отважные и выносливые. Но бывали и такие случаи, что в горы уходили целые семьи, вместе с престарелыми родителями и малолетними детьми.

В 60—70-е годы, когда абречество было распространено особенно сильно, кавказская администрация посылала на борьбу с ним большие военные силы. Карательные экспедиции прочесывали горные леса и ущелья, запугивали население аулов, помогавших абрекам, облагали их штрафами и поборами. Но в большинстве случаев народные мстители по-прежнему оставались неуловимыми. Как ни старалось командование готовить операции против абреков в глубокой тайне, ловкие лазутчики-горцы всегда узнавали о них и предупреждали своих товарищей, скрывавшихся в глухих лесистых ущельях, среди огромных скал и нехоженных троп.

В неприступных горах Карачая находили приют беглецы не только из карачаевского общества, но и из соседних округов Кубанской области. Там скрывались в конце 60-х годов

абазины и кабардинцы Кувинского аула Зеленчукского округа: Юсуф Шоов, Кучук Боташев, Д. Агба и др.¹ Полковник Дукмасов, помощник начальника Кубанской области, сам неоднократно приезжал в Карачай, чтобы руководить «делом о поимке абреков».²

Наряду с карательными экспедициями кавказская администрация часто прибегала к переговорам с абреками. в большинстве случаев заманивая этим неуловимых беглецов в ловушку. Изредка переговоры приводили к мирному решению конфликтов. Так, после переговоров с начальником Эльборусского округа Петрусевичем вышли из гор и поселились в Джегутинском ауле абреки братья Суюнчевы и др.

В 80-е годы абречество уже не носило такого массового характера, как в 60-ые гг. Но отдельные случаи ухода в горы в результате стычек работников со своими хозяевами или недовольства действиями местной администрации бывали и в конце века. Так, уход в абреки Канамата, ссылка его в Сибирь, бегство и убийство Г. Чурсин датирует серединой 80-х годов XIX века.³

Сочувствие к абрекам и поддержка их народными массами нашли отражение в фольклоре карачаевцев. О наиболее смелых и справедливых абреках сложены песни, воспевавшие их удаль и клеймящие предателей и несправедливый царский суд. Таковы песни о Канамате, Бараке, Наурузе Лепشوкове и других.

В этих песнях нашло отражение недовольство народа тяжелым экономическим положением и политическим бесправием, мечты о лучшей свободной жизни:

«Ах, увидеть бы жизнь свободную,
Вырвавшись из-под насилия царя,
Ах, увидеть бы нам жизнь с законом,
Либо с правым судом»,—

мечтал герой народной песни Канамат.⁴

Песни клеймили царизм, который «горы в стальные кандалы скрутил»,⁵ погубил лучших сынов народа. Вместе с тем они осуждали жадных князей и кулаков, не плативших своим работникам положенной платы, обманывавших народ. Пять лет проработал Барак Салпагаров у хозяина, а платы не получил. Напрасно искал он справедливости у царского суда — тот защищал только богачей. «Долгое время ходатайствовал,

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 49, л. 79—80,

² ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 49, л. 21,

³ «Кавказ», 1901, № 270.

⁴ «Песня о Канамате», цит. по книге А. И. Караевой «О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа». Черкесск, 1961 г., стр. 37.

⁵ Там же.

ходил грустным, не спал в хорошей постели, но так и не нашел права по суду и закону»,¹ — жаловался Барак.

И повсюду в песнях, как и в жизни, местные богачи и князья выступали заодно с царской администрацией, которая по их указанию сослала в Сибирь Барака Салпагарова, Касбота Эбзеева и др.¹

Горькой мудростью звучат народные пословицы: «С сильным не борись, с богатым не судись» (Къарыулу бла кюрешме, бай бла сютлешме). «Бедняку незаслуженная палка» (Джарлыгъа джалгъан таякъ).

«Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»,² — писал В. И. Ленин в 1903 г. о русских крестьянах в статье «К деревенской бедноте».

Что же говорить о еще более темных и забытых карачаевских крестьянах. Борьба с угнетавшими их князьями и кулаками, с обиравшими их чиновниками отличалась еще большей неорганизованностью, стихийностью, ограниченностью. Одной из форм борьбы были побеги крестьян от своих владельцев в другой аул, а иногда и за пределы Карачая — в Кабарду, Балкарию или к Западным адыгам.

Недовольство аульной администрацией, проводившей в аулах политику царизма, порождало многочисленные жалобы, прошения, петиции. Доверчивым горцам часто казалось, что виновата во всем была местная администрация, а если дойти до «главных начальников», то они заступятся за народ. Поэтому окружные народные суды, канцелярия начальника Кубанской области и его помощника была буквально завалена такими жалобами.

Жители аула Карт-Джурт жаловались на плохую работу аульного правления, во главе которого стоял Абузрак Крымшамхалов, на злоупотребления и взяточничество властей;³ бедняки Хурзука просили атамана Баталпашинского отдела взять их «под защиту от того, тяготеющего над ними ига, которое переживают жители селения» от старшины.⁴ Доверенные карачаевского народа Хаджи-Султан Байчоров и Аслан Мурза Боташев приносили атаману отдела протест против выборов на общественные должности Ислама Крымшамхалова и Абдул-Керима Хубиева, как самовольно захвативших общекарачевские земли и злоупотреблявших своим положением общекарачевского казначая.⁵

¹ Рукописный фонд КЧНИИ.

² В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, хр. 577.

⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 116, л. 8.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1377, л. 5—7.

Но, разумеется, напрасно ждали карачаевские крестьяне, что атаманы и областные начальники заступятся за них и восстановят справедливость. Поэтому с каждым годом убеждался народ, что нечего ждать помощи от начальства, что князья и кулаки Карачая давно уже столквались с царской администрацией и вместе угнетают тружеников гор.

Мусульманское духовенство и кулацко-княжеская верхушка стремились использовать недовольство народа тяжелым положением, малоземельем и политическим беспорядком и извлечь из этого максимальные выгоды для себя. Они отвлекали внимание народных масс от классовой борьбы и подменяли ее национально-религиозной.

Они обманывали народ, уверяя его, что главные враги — это русские, а не кулаки и феодалы, захватившие лучшие земли и угнетавшие народ. Вражду к царскому правительству они старались распространить и на русский народ. Тяжелой нужде крестьян на родине они противопоставляли фантастические картины «райской жизни» в единоверной Турции.

Кампанию за переселение в Турцию в 70-ых годах XIX века возглавил эфенди Магомет Хубиев, связанный в свое время, в 50-ых годах, с набобом Шамиля Магомет-Амином. Тогда карачаевцы тяжело заплатились за авантюру эфенди Хубиева, заплатив 20 тысяч рублей контрибуции.¹ Сам эфенди был долгое время в опале, но потом получил прощение. Вернувшись на родину, он продолжал свою антирусскую деятельность, подбивая народ к переселению.

Магомета Хубиева поддерживало не только духовенство, возглавлявшее протурецкие элементы, но и часть кулацко-княжеской верхушки. Кулаки использовали нужду народа для своих корыстных целей, стремясь превратить переселение в спекулятивную сделку.

Переселение было выгодно кулакам и тем, что отвлекало народ от их грязных проделок и гнета, и тем, что, помогало избавиться от недовольных, бунтарских элементов в ауле. Но кроме этого, они использовали переселение для прямого обогащения, скупая имущество отъезжающих.

Постоянные разговоры о переселении, петиции, сходы, сборы нарушали нормальную хозяйственную жизнь аулов. «В числе причин, вызывающих обеднение горцев, после малоземелья первое место занимает, по моему мнению, постоянное брожение мысли о переселении в Стамбул и неуверенность, вследствие этого, даже у наиболее склонных к труду горцев, в своем будущем и в том, не придется ли рано или поздно бросить все нажитое и идти вслед за своими односельчанами в Турцию»,² — писал в своем докладе правителю канцелярии на-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 195, л. 8.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5299, л. 17.

чальника Кубанской области подъесаул Филимонов, который в течение 5 лет занимал должность председательствующего в Баталпашинском горском суде и поэтому хорошо был знаком с условиями жизни карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев.

Кулацкая верхушка карачаевских аулов, особенно Тебердинского, запугивала народ солдатчиной и крещением, одурманивала соблазнительными картинками жизни в Турции.

Особенно напряженным был конец 80-х годов XIX века. Реформы 60—70-х годов и революционная ситуация 1879—80 годов сменились политической реакцией и контрреформами. Малейшие волнения в горских аулах вызывали волну репрессий и арестов. Усилился колониальный гнет. У карачаевцев, черкесов и других народов Северного Кавказа было отобрано даже то кучее самоуправление и политические права, которые они получили в 60—70-х годах. Все управление Кубанской областью было военизировано и подчинено казачьей администрации.¹

Колониальный гнет в Карачае отягощался острым малоземельем из-за нерешенности земельного вопроса. Это вызывало народные волнения, которые мусульманское духовенство и кулацко-княжеская верхушка — сторонники переселения в Турцию стремились использовать в своих целях. Они активизировали свою подрывную деятельность в аулах, запугивая крестьян солдатчиной и крещением, обещая им в Турции желанную землю. Одно селение за другим подавало в 1887 г. прошение о разрешении переселиться в Турцию.

Не говоря о Тебердинском ауле, в котором сильнее всего была провокационная деятельность подстрекателей, в этот тревожный год не осталось буквально ни одного карачаевского аула, в котором не кипели бы страсти и не велись оживленные разговоры о переселении. Этому способствовала политика царской администрации, которая поставила условием переселения поголовное согласие всех жителей аула или в крайнем случае двух третей его. «Вследствие этого многие горцы, помимо личного своего желания, находились под давлением влиятельных фамилий или большинства и дабы не препятствовать остальным одноаульцам, вносят свои имена в списки изъявивших намерение переселиться в Турцию, тогда как при иных условиях они, вероятно, навсегда остались бы подданными России».²

Эта политика была тем более неумна, что администрация не имела в этот период никакой заинтересованности в выселении карачаевцев. Напротив, начальник области был очень обеспокоен тем, что с выселением карачаевцев, «занимаемая

¹ Подробнее о контрреформах см. гл. III, § 3.

² ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 330, л. 71.

ими ныне горная местность может сделаться безлюдной ввиду того, что русское население едва ли будет в состоянии водвориться там по невозможности, вследствие неблагоприятных условий местности, обеспечить себя материальными средствами существования».¹

Поэтому решено было всеми силами удержать «карачаевцев на ныне занимаемых ими местах». Но вместо того, чтобы ликвидировать причины, порождавшие брожение и тягу к переселению, вместо того, чтобы разрешить как-то земельный вопрос и ослабить податный гнет, царизм пошел по пути административных запретов.

После того, как в 1887 г. часть карачаевцев успела переселиться в Турцию, выселение было запрещено в административном порядке. Но это, разумеется, не могло прекратить брожения в аулах, жалоб и ходатайств.

Новая волна переселенческого движения охватила Карачай в первые годы XX века. Это было связано с обострением аграрного движения в аулах, борьбой за справедливый передел земли. И на этот раз кулаки и князья, представители мусульманского духовенства старались сбить народ с правильного пути, увести его мысли в сторону от справедливой борьбы с социальным неравенством, спасти этим свое имущество, нажитое потом бедняков, и свои привилегии.

Главными провокаторами переселенческого движения 1902—1905 гг. были жители Тебердинского аула Рамазан Кипкеев Туган Карабашев и Хаджи Осман Гулаев, переехавший в Теберду из Карт-Джурта. Все они были связаны с турецким правительством, неоднократно бывали в Стамбуле и получали оттуда не только директивы, но и средства. При этом они не брезговали никакими методами выманивания денег у карачаевцев. В секретном рапорте атамана Баталпашинского отдела указывалось: «Для большего же успеха Кипкеев, как побывавший несколько раз в Турции, тайно занялся сбором с населения денег на разъезды и наем адвоката по переселенческому делу, завербовав таким образом в свои руки около 340 дворов».² Собрав с каждого двора по 10 рублей, Кипкеев заявил, что человек, которому он передал эти деньги, умер, деньги пропали, и поэтому надо начинать сбор средств сызнова.

Но в XX веке агитация за переселение в Турцию не встречала уже такого горячего отклика, как в 80-е годы. Карачаевские крестьяне стали понимать, что таилось за этим обманом. Даже из тех трехсот семейств, которых удалось провокаторам склонить к переезду, многие вскоре раскаялись в своем согласии покинуть родину. Посыпались заявления и прошения с

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 330, л. 71.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5302, л. 1.

просьбой вычеркнуть их из списков переселенцев. «Это переселение даст мне и моей семье одно только разорение»,² — писал Баши Эсеккуев.

Еще подробнее излагал свою просьбу Токмак Айдакуров из Тебердинского аула: «В 1902 г. в числе многих карачаевцев мною был возбужден вопрос о переселении в пределы Турецкой империи. Мною ничто не руководило, а лишь не пожелал отстать от своих родственников, которые ехали туда. Между тем агитаторы Карабашев и Голаев тогда же внушили переселенцам распродать свои имущества и вследствие этого, многие, в том числе и я, совершенно лишились и не имеют даже куска хлеба и средства на переселение.

Поняв всю бесполезность и разорительность, а главное, любовь к родине и своим горам, я прошу Ваше превосходительство от переселения в Турцию отставить меня, ибо я в этом раскаиваюсь».²

Те карачаевцы, которые уехали в 80-х годах, присылали на родину письма, в которых сообщали, что не нашли на чужбине счастья. «Стамбул не здесь, а там», писали они оставшимся, призывая их не повторять ошибки.³

Многие из уехавших ходатайствовали о разрешении вернуться на родину. Тем, у кого были средства и оставались родственники на Кавказе, удалось это, и они принесли в Карачай правду о совсем не райской жизни в Турции, где карачаевским крестьянам пришлось батрачить у местных богачей. Так, вернулись из Турции в Карачай Зекерья Джаубаев с женой и сыном Али, Гаджи Исмаил Алчаков с семьей, Токмак Джаубаев с женой и сыновьями, Токмак Гаджаев с семьей, Мырземен Байрамкулов с семьей, Адильгерий Эсеккуев⁴ и многие другие.

Переселение разорило их хозяйства, лишило их родины. Потребовалось длительное ходатайство, вплоть до поездки в Петербург для того, чтобы получить разрешение поселиться в родном ауле. Это было хорошим предостережением для тех, кого уговаривали провокаторы на новое переселение.

Главное же, что спасло карачаевский народ в начале XX века от повторения прежних ошибок и от массового выселения в Турцию — это рост классового самосознания народа, переход к новым, активным методам борьбы.

На зимних кошах около русских станиц и сел, на рудниках и лесопилках встречались карачаевцы с представителями русского трудового народа. От них узнавали они о героической

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5302, л. 183.

² Там же, л. 131.

³ Полевой материал 1958 г. А. Джага, Эбзеев Касбот, 114 лет.

⁴ ГАКК, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 1882, л. 11—12.

борьбе русского рабочего класса, о крестьянских волнениях в России.

Классик карачаевской литературы Х. Аппаев в романе «Черный сундук»¹ показал на конкретных, ярких примерах, как влияли на пробуждение классового сознания карачаевцев рабочие Эльбрусского рудника. Герой романа русский рабочий Семен принял активное участие в делах карачаевского аула, где самоуправствовали князья и кулаки, встал на сторону слабых и угнетенных, призывал народ к борьбе с эксплуататорами. И постепенно, шаг за шагом, открывались глаза у рабочих и темных крестьян, рушилась их вера в справедливость князей и духовенства, крепились силы для борьбы за свои права.

Важнейшим этапом в развитии национально-освободительного движения карачаевцев, как и других народов Кавказа, явилась буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. Она пробудила к активной политической деятельности многомиллионные массы тружеников Российской империи, в том числе и угнетенные народы далеких окраин.

Это была первая народная революция эпохи империализма, руководителем и главной движущей силой которой был самый революционный класс — пролетариат и его передовой отряд — коммунистическая партия. И в этом было великое международное значение первой русской революции — пролога и генеральной репетиции Великой Октябрьской Социалистической революции.

Выстрелы на Дворцовой площади 9 января 1905 г., забастовки и стачки промышленного пролетариата вызвали мощную волну аграрного движения не только в центральных губерниях, но и в самых отдаленных уголках империи.

Обострение классовой борьбы в аулах Карачая и Черкесии, захваты помещичьих и кулацких земель, самовольные порубки лесов, протесты против полицейского режима — все это было проявлением революционных настроений, охвативших народные массы всей России и особенно ближайших к Карачаю районов Кубани, Кабарды, Сванетии и Северной Осетии.

И на Кубани во главе народной революции шел рабочий класс. Уже с весны 1905 г. начались забастовки на фабриках и заводах городских центров Кубанской области, происходили бурные политические демонстрации, летом и осенью 1905 г. бастовали рабочие Ростово-Владикавказской железной дороги.

Руководили революционной борьбой трудящиеся большевики Кубанского комитета РСДРП. Не только в промышленных центрах, но и в станицах и селах создавались социал-демократические кружки, которые вели большую агитационную

¹ Х. Аппаев «Къара кюбюр». Черкесск, 1958.

работу среди населения. В станице Баталпашинской руководителем кружка был учитель Александр Гордеевич Макеев. Кружковцы, в основном, учителя и учащаяся молодежь, собирались в зарослях Зеленого острова или на квартире одного из учителей. Большое влияние на кружок оказывал Ставропольский комитет РСДРП.

Члены кружка распространяли среди населения отдела прокламации и листовки, напечатанные Ставропольским комитетом. Прокламация «К казакам» описывала бедственное положение крестьянства, притеснения со стороны правительства и призывала казаков «сбросить ярмо, надетое на казаков хитрым правительством». «Идите в лагерь бедняков крестьян и рабочих, идите к нам — добудем вместе свободу, да здравствует казак — друг народа, да здравствует правительство, выбранное всем народом!»¹ — призывала прокламация.

Баталпашинский кружок не успел развернуть своей деятельности, так как одно из заседаний кружка было выслежено станичным атаманом, и члены его подверглись аресту. При обыске у А. Г. Макеева нашли прокламации с требованием «Долой царя и старые порядки!», брошюру о профсоюзной работе, изданную социал-демократической партией в Женеве, газету «Свободное слово».²

После освобождения А. Г. Макеев продолжал свою революционную деятельность, снова был арестован и отдан под суд. Главным обвинением его было то, что он «в январе 1906 г. в станице Баталпашинской распространял среди жителей прокламации, озаглавленные «К казакам», заключающие в себе призыв к неповиновению правительству и к нарушению строевыми казаками обязанностей военной службы»,³ — сообщал в Министерстве юстиции прокурор судебной палаты.

За распространение листовок были арестованы и преданы суду также Петр Воронкин, Иван Почтовский (в станице Баталпашинской), Никита Кучеров (в станице Усть-Джегутинской).⁴

Наиболее крупные волнения в Баталпашинском отделе Кубанской области происходили в Северной части отдела, в крестьянских селах, кулацких экономиях и особенно на промышленных предприятиях. Большая забастовка произошла на чугунолитейном заводе Герцена в колонии Александродар.⁵ Рабочие предъявили владельцу требования прекратить увольнение рабочих, удалить с завода мастера, который плохо относился к рабочим, улучшить условия жизни.

¹ ГА КЧАО. Копированные документы, дело № 1, л. 13, 17.

² ЦГИАМ, ф. Министерство юстиции, 1906, ед. хр. 2009.

³ ЦГИАМ, ф. Министерство юстиции, 1906 г., ед. хр. 2009, л. 7—8.

⁴ ЦГИАМ, ф. Министерство юстиции, 1906 г., ед. хр. 2009, л. 7—8.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 372, л. 112.

Опасаясь революционных выступлений горского крестьянства, администрация постаралась прежде всего обезоружить его. В декабре 1905 г. было издано постановление Совета министров, утвержденное императором, о порядке хранения и продажи огнестрельного оружия,¹ по которому крестьяне фактически лишались права ношения оружия. Мало того, даже кинжалы нельзя было носить без особого разрешения.

За малейшее нарушение этого постановления горцы подвергались штрафу в размере 3 или 5 рублей, а за огнестрельное оружие до 10 рублей или аресту до 15 суток.² Но эти меры не помогали, так как горцы всячески сопротивлялись разоружению. Сотни дел возникали по поводу нарушения постановления Совета Министров, тысячами рублей исчислялись суммы штрафов, собранных с карачаевцев, черкесов и других народов Кубанской области.

Аграрное движение продолжало разворачиваться и шириться в 1906—1907 гг., когда рабочие демонстрации и стачки в значительной степени шли на убыль. Крупные волнения происходили в помещичьих и кулацких экономиях Баталпашинского отдела, например, в экономике барона Штейгеля. Сельскохозяйственные рабочие требовали повышения заработной платы, крестьяне — справедливого передела земель. Правительство отвечало на это карательными экспедициями и арестами. «Тревожные заявления землевладельцев учащаются, прощуп об оставлении сотни, хотя до 15 июля, к этому времени несколько выяснятся и упрочатся отношения землевладельцев, арендаторов и рабочих».³ — телеграфировал в Екатеринодар наказному атаману о волнениях в Баталпашинском отделе войсковой старшина Шелховский.

Крестьяне потребовали от крупных землевладельцев Штейгеля, Николенко, Щербака и Емельяненко, имеющих более 30 тыс. десятин, чтобы они сдали половину своих земель в аренду по пониженным ценам. Штейгель, испугавшись, пошел на уступки и пообещал сдать 1 тыс. десятин. Николенко и Щербак не соглашались. Создана была специальная комиссия для разбора этого вопроса, но вошедшие в нее представители землевладельцев умышленно затягивали переговоры и не приходили ни к каким выводам.

Тогда крестьяне объявили бойкот помещикам, а из солидарности к бойкоту присоединились и рабочие всех предприятий Штейгеля и др. В имении «Хуторок» были сожжены 5 сараев и запасы сена. Перепуганные помещики вызвали атамана отдела и сотню казаков.

В станицах и селах отдела собирались бурные митинги, на

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 718, л. 8.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 667.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 3501, л. 33.

которых обсуждались самые животрепещущие вопросы дня: о земле, о правах народа, о равенстве, и свободе. В июне 1907 г. состоялся большой митинг в селении Ольгинском, на котором присутствовало 2 социал-демократа, призывавшие народ к борьбе.¹

В экономии Николая Макеева, около станицы Отрадной, восставшие крестьяне захватили выпасы и сенокосы. В ответ на это приказчики Макеева угнали крестьянских лошадей, а когда крестьяне сломали замки, Макеев вызвал карателей, которым было оказано вооруженное сопротивление.²

В лесистых районах южной части отдела крестьяне производили самовольные порубки леса, принадлежащего как частным лицам (например, купцу Мяснянкину),³ так и казне (в юрте села Марухского).⁴

Аграрные волнения, вызванные малоземельем и бедностью карачаевских крестьян, были так значительны, что обратили на себя внимание правительства. Для решения земельного вопроса «сверху», не дожидаясь пока народ разрешит его «снизу» была создана специальная правительственная Комиссия по исследованию современного положения землепользования и землевладения нагорной полосы Кубанской и Терской областей под председательством известного экономиста юрисконсульта Кавказского военного округа Абрамова.

Комиссия констатировала острое малоземелье карачаевского народа, но никаких реальных мер для устранения его не предложила и положения народа не улучшила.

Крестьяне пытались самовольно захватить помещичьи и княжеские земли. Так, в 1907 г. жители Джегутинского аула совместно с населением Усть-Джегутинской станицы выступили против землевладения полковника Свидина, который арендовал большой участок около аульных и станичных владений. Причем, при отмежевании участка Свидину несправедливо была отдана часть аульных земель, что вызвало негодование джегутинцев.

Напуганный возмущением жителей, Свидин телеграфировал в 1907 г. наказному атаману Кубанского казачьего войска в Екатеринодар: «Ваше превосходительство, Джегутинский аул выбивает стадами покосные места. Усть-Джегутинцы намереваются косить войсковой арендуемый мной участок, окажите Ваше просвещенное содействие. Полковник Свидин».⁵

В этом же году происходили волнения в ауле Хурзукском. По донесению старшины аула Кумбанова, жители аула «учинили бунт». Виновных арестовали и посадили в арестантское по-

¹ «Герек» от 22 сентября 1907 г.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 386, л. 99.

³ ГАКЧАО, копированные документы, дело № 1, л. 18.

⁴ Там же, л. 20.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 328, л. 14.

мещение при аульном правлении. Однако жители аула взломали замки и выпустили арестованных.¹

Весть об этом волнении дошла до генерал-губернатора Кубанской области, который писал прокурору Екатеринодарского окружного суда: «При этом препровождаю на распоряжение Вашего высокогородия дознание о насильственном освобождении арестованных из арестного помещения Хурзукского аульного правления и сообщаю, что о перечислении обвиняемых по сему делу содержанием под стражей при аульном правлении распоряжение сделано».² Зачинщиков волнения и многих его участников решено было отдать под суд.

Еще более крупными были аграрные волнения в ауле Тебердинском, где борьбу за справедливый передел земли возглавил Султан Байчоров — герой народных песен, прозванный «защитником народа».

Султан Байчоров еще в 90-х годах XIX в., избранный доверенным карачаевского народа, начал борьбу с крупным землевладением князей Крымшамхаловых и др. Он возбудил в Баталпашинском горском словесном суде дело «об изъятии из владения некоторых влиятельных жителей Карачая самовольно захваченных ими участков из общекарачаевской территории».³ Такими захватчиками он считал в а. Джегутинском — Ислама Хаджи Крымшамхалова, в Теберде — Аскербия Крымшамхалова и в Карт-Джурте — Азамат-Гирея Крымшамхалова.

С. Байчоров наивно полагал, что Кубанская администрация заступится за попранные права народа и обуздает жадных князей и кулаков. Но ничего этого, конечно, не произошло. Жалобой своей он привлек только «на себя недовольствие со стороны этих влиятельных людей Карачая»,⁴ которые потребовали удаления его от общественной должности.

Убедившись, что ни царский суд, ни казачья администрация не помогут безземельным крестьянам, Султан Байчоров обратился к самому народу и в 1908 г. возглавил его движение за принудительный передел земель. Крестьяне Тебердинского аула сломали все ограды вокруг незаконно захваченных земель и объявили земли народными. Чтобы закрепить за собой владение землей, они провели на нее оросительные каналы.

Напуганные богачи и старшина аула Кумуков обратились за помощью к Кубанской администрации. Телеграммы о событиях в ауле Тебердинском в значительно преувеличенном

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 3501, л. 52.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 3501, л. 53.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1377, л. 5—7.

⁴ Там же.

Султан Байчоров.
(Фотография представлена Ш. Байкуловым)

виде полетели в Тифлис и Петербург. В них говорилось о захвате «десятков тысяч общественной карачаевской земли и десятков тысяч общественных сумм, о сопротивлении властям и насильственном отчуждении чужих земель».¹

Генерал Бабич и полковник Кравченко поспешили расправиться с мятежниками. Султан Байчоров был арестован и сослан в Оренбургскую губернию,² движение подавлено.

¹ ГАКК, ф. 318, оп. 2, ед. хр. 4059, л. 1.

² Там же.

Так окончилась попытка карачаевских крестьян своими силами произвести справедливый передел земли. И это движение, как и все крестьянские восстания, было подавлено, «потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных политических требований, т. е. без требования изменить государственные порядки»,¹ — писал о крестьянских восстаниях В. И. Ленин.

Борьба карачаевского народа против князей и кулаков, против колониального гнета и национального угнетения только тогда принесла победу, когда слилась в единый поток с освободительной борьбой народов России во главе с ее героическим рабочим классом, под руководством мудрой ленинской партии большевиков.

Глава X.

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КУЛЬТУРУ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА

Кавказом и его народами еще в первой половине XIX в. интересовались лучшие люди России, классики русской литературы А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. С. Грибоедов, Л. Н. Толстой, ссыльные декабристы А. Бестужев-Марлинский, А. К. Якубович и др.

«...С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценной кровью сынов ее и подвигами ее героев».² — писал В. Г. Белинский.

Один из ссыльных декабристов Константин Густавович Игельстром жил и трудился в ст. Баталпашинской, руководил постройкой Хумаринского укрепления и колесной дорогой в Карачай. В течение многих лет после этого горцы называли эту дорогу «Игельстромовской».³

В 50-х годах Кавказ посетил Л. Н. Толстой, который оставил в своем дневнике теплый отзыв о карачаевцах: «Карачай — нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается своей верностью, красотой и храбростью».⁴

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 385—386.

² В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, том III, М., 1948, стр. 438—439.

³ Декабристы. 86 портретов. Изд. М. М. Зензинова, Москва, 1906.

⁴ А. Прохоров. На Кавказе. «Ленинское знамя», 1960, № 170.

Русские историки и археологи проявляли глубокий интерес к прошлому Карачая, обследовали уникальные памятники в верховьях Кубани и первых ее притоков, записывали старинные сказания и легенды. Так началось знакомство карачаевцев с представителями передовой русской культуры.

Но эти связи не касались широких масс карачаевского народа, пока рядом с карачаевскими аулами не поселились русские станицы и села и между горцами и русскими завязались тысячи разнообразных связей: производственных и поземельных, торговых и политических, родственных и культурных. С этих пор, с конца 50-х годов XIX века усилилось взаимодействие и взаимообогащение культур, начался исторический процесс сближения народов Карачая и Черкесии с великим русским народом.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Усиление экономических связей карачаевцев с соседними народами и особенно с поселившимися по соседству русскими внесло большие изменения в материальную культуру карачаевцев, обогатив ее новыми орудиями труда и культурами, более удобными постройками и мебелью, фабричной посудой, тканями и одеждой, большим разнообразием пищи. Музыкальная культура обогатилась новыми инструментами, быт — швейными машинками и т. д.

В главе о земледелии уже рассказывалось о проникновении в карачаевские аулы, главным образом в хозяйства кулаков, русских фабричных орудий труда — усовершенствованных плугов, молотилок и др. орудий. Заводские косы совершенно вытеснили карачаевскую обоюдоострую косу. Поселившиеся на равнине джегутинцы заменили горный плуг — каладжук — черкесским передковым плугом — черкес-агач.

Изменился и характер построек. В том же Джегутинском ауле дома строили уже не из сосновых бревен, как в Большом Карачае, а из камня, которого кругом было в избытке, а также турлучные дома,¹ аналогичные черкесским постройкам. Изменилась и форма крыши — вместо плоских, засыпанных землей поверхностей, стали строить покатые крыши, покрытые дражкой, а в богатых домах — жостью.

Наряду с этим во всех аулах в пореформенную эпоху появились дома русского типа, с печным отоплением, большими застекленными окнами, деревянным полом и потолком. По фасаду дома строили галерею, что было типичным для жилища кавказских горцев.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 718, л. 1.

Первые дома русского типа возникли в Карачае в конце 60-х годов. Это были в основном общественные здания — аульные правления, школы, фельдшерские пункты. В 1869 г. в Карт-Джурте было 4 дома русского типа, с печью, в Уччулане и в Хурзуке по 2 дома, в Дууте — 1. Всего в Эльборусском округе в этом году было 30 русских домов.

В 70—80-е годы такие дома стали строить и частные лица, особенно аульные богачи. В. Я. Тепцов так описывал в 90-е годы XIX в. дом карачаевского кулака: «Живет он уже не в сакле, а в доме русского стиля: с деревянной крышей, окаймленной резьбой, с расписными ставнями, с русской печью, выбеленными стенами и проч» и дальше добавляет: «у него русский дом, но семейство его не покидает прилепившейся к дому старой темной сакли».¹

Старые традиции и привязанность пожилых людей и особенно женщин к очагу приводили к тому, что и в новых домах, построенных по русскому образцу, в одной комнате клали печь, а в другой сохранялся очаг. Комната с печкой так и называлась «печ», а с очагом по-прежнему — уллу юй. В старых

Дом в ауле Уччулан с очагом в одной комнате и печью в другой.

¹ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 99.

аулах и сейчас можно видеть такие дома переходного типа, где над железной крышей высится с одной стороны дома — труба, а с другой — дымарь.

Печи в домах клали из кирпича, с тремя оборотами, плитой и духовкой. В комнату с печью обычно помещали молодых и топили печь лишь изредка, а в уллу юй жили старики и ежедневно топили очаг. «Первобытный камин местами уступил место русской печке», — писал Ган в газете «Кавказ» за 1893.¹ Он же отмечает наличие в аулах к этому времени значительного количества домов с высокой крышей, крытой соломой, а «иногда даже железом». Покупать железо ездили в станицу Баталпашинскую.²

Строили дома и клали печи в Карачае мастера не только из ближайших станиц,³ но и плотники из Тамбовской и Пензенской губерний, приезжавшие на Кавказ на заработки.⁴ Но постепенно плотничьим ремеслом стали заниматься и сами карачаевцы. Убедившись в преимуществе печей над очагом, многие карачаевцы стали на зиму обкладывать очаг камнем и обмазывать глиной, закладывая трубу и таким образом превращать очаг в печь. К лету же камни разбирали и печь снова становилась очагом.

«Русское влияние уже сильно сказалось на карачаевце», — писал В. Колесников в конце 90-х годов XIX в. «И стал карачаевец думать, как бы ему построить русский домишко или хоть в своей сакле проделать ненужное до сего времени окно и сделать русскую печь, да поставить столик с табуреткой».⁵

С начала XX века в карачаевских аулах стали строить дома также из досок, оштукатуренные с 2-х сторон, под тесовыми или железными крышами, иногда даже двухэтажные с галереей по 2 или всем 4 сторонам.⁶

Изменилась в новых аулах и планировка селений. В них не было родовых кварталов — тийре, хотя родственники и старались селиться поблизости, не было родовых кладбищ и других пережитков патриархально-родового общества. В домах стала появляться русская мебель, привозились из станиц — столы, диваны, шифоньеры. Учкуланское ремесленное учили-

¹ «Кавказ», 1893, № 344.

² Полевой материал 1960 г. Н. Мара, Чичханчиев Ч.

³ Так, у Учкулане дом Чотчаевых под железной крышей, с галереей, большими окнами, с трубами, украшенными резьбой, строил в 90-х годах XIX в. русский мастер из ст. Невинномысской Михаил Селиванов. Им построены в Учкулане и многие другие дома. Полевой материал 1961 г., аул Учкулан.

⁴ Б. Миллер. В Карачае. Этнографическое обозрение, 1899, № 1—12, М., 1899, стр. 393.

⁵ КОВ, 1898, № 259.

⁶ Народы Кавказа, т. 1, стр. 254.

Дом в ауле Учкулан, построенный русскими мастерами
в 90-х годах XIX в.

ще готовило столяров из карачаевских юношей, которые умели делать хорошую мебель.

Наряду с местной деревянной посудой с конца XIX в. употреблялась и городская, покупная. Первое время ее покупали больше для украшения, а пищу по-прежнему готовили в котлах, ели из деревянных чашек. Только богатые стали кипятить воду в медных чайниках или в самоварах. Старушка Хачирова Даум, 80 лет, из Нижней Мары, рассказывает, что в дни ее детства в их семье впервые появилась городская металлическая посуда. Дед отказывался есть из нее и доить корову в жестяные ведра, т. к. это, по его словам, придавало пище и молоку неприятный привкус.¹

Менялось и освещение в домах. Сосновая лучина вытеснялась керосиновыми лампами.

¹ Полевой материал, 1960, а. Н. Маря.

В богатых домах с конца XIX в. появилась новинка — швейная машина.¹ Байрамукова Джандет, 80 лет, из а. Джегута, рассказывает, что брат ее Айбазов Якуб работал агентом фирмы Зингер по продаже в аулах швейных машин, ножных и ручных. Чтобы обеспечить сбыт продукции, фирма практиковала продажу в рассрочку.²

В пище карачаевцев наряду с традиционными молочными и мясными продуктами во второй половине XIX в. стали больше употребляться и растительные — картофель, который стал самой распространенной начинкой пирогов (хычына), капуста и др. овощи. К чаю покупали в местных лавочках сахар. Кроме пшеничной и кукурузной муки использовали гречневую, а также варили кашу из ядрицы.

Одежда как мужчин, так и женщин сохранила и в пореформенное время тот же покрой, что и прежде, у мужчин — черкеска (чебкен), бешмет (къабдал), шганы (шалбар), в холод и дождь — бурка (джамчы) и войлочное пальто у пастухов — гебенек. Женщины носили платья (чебген), кафтанчик (кюбе тюб) рубашки (кёлек) и шаровары (кёнчек).³

Но если мужская одежда изготовлялась в основном из дотканнных материалов, то женская, особенно праздничная, шилась из покупных тканей: у бедных из хлопчатобумажных, у зажиточных из шелка или бархата. К концу века и для мужского костюма все чаще материал покупался в лавке.

Аульные щеголи из богатых семей охотно покупали одежду городского покроя: «русские базарные рубахи, русские сапоги и брюки на выпуск»,⁴ шинели, галоши. Девушки, особенно старшие дочери на выданьи, по праздникам одевали городскую обувь с фабричными чулками, а в будни по-прежнему ходили в сафьяновых чувяках — чарык.

Металлические пояса (кямар) — непременно деталь женского туалета — покупали у ремесленников-кумыков.

Русское влияние проникло и в музыкальное искусство карачаевцев. В начале XIX века главными музыкальными инструментами в Карачае были къыл кюбуз и сыбызгы. Къыл кюбуз — это род скрипки с двумя струнами из конского волоса и корпусом, вытянутым снизу в острие. Играли на ней смычком наподобие лука. Струнным шипковым инструментом был къакъкъан-кюбуз, похожий на трехструнную балалайку.

Сыбызгы напоминала флейту. Прежде ее делали из ствола тростника или другого аналогичного растения, а позже — из старого ружейного ствола. Кроме того, на праздниках широко пользовались особой трещеткой — харс — сделанной из 4—5 дощечек.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 3273, л. 41.

² Полевой материал, 1958, а. Джегута.

³ Народы Кавказа, т. 1, стр. 257—258.

⁴ В. Я. Тспцов. Ук. соч., стр. 99.

Но после того как горцы познакомились с русской гармошкой, она так прочно вошла в быт народов, что постепенно вытеснила все остальные инструменты.¹ Все танцы стали производиться исключительно под гармошку. Во второй половине XIX в. нельзя было себе даже представить праздника в карачаевском или черкесском ауле без ставшей традиционным инструментом — гармошки.

Интересно и другое — гармошка стала исключительно женским инструментом, и карачаевки достигли в игре на ней большого совершенства. Умение играть на гармошке считалось одним из достоинств девушки-невесты.

В свою очередь и местное русское население заимствовало у соседних горских народов многие черты их быта и материальной культуры. Поселившись в верховьях Кубани, русские переняли приемы скотоводческого хозяйства. Как и соседи карачаевцы и черкесы, многие станичники перегоняли на лето скот на коши, причем в крупных хозяйствах коши устраивались не на станичной юрте, а на арендованных землях далеко в горах. От горцев переняли станичники использование на корм скоту молодых побегов и листьев деревьев. Как и черкесы поднимали заготовленное сено на столбы над землей. Во дворах ставили плетеные сапетки для кукурузы и других хозяйственных нужд.

Общеизвестно заимствование мужского костюма: черкески с газырями, бурки, папахи и т. д., который стал официальной формой кубанского и терского казачьих войск.

Внутреннее убранство казачьего дома с коврами на стенах и развешанном на них оружием также свидетельствовало о тесных связях местного населения с горским.

В питании русского населения Кубани преобладали те же блюда, что у горцев — любимым мясом была баранина, широко использовали кислое молоко, заквашенное закваской, взятой из желудка телянка. Местное название кислого молока «арьян» — это искаженное карачаевское слово «айран». Летом в степи кислое молоко пили разбавив водой (карачаевский су-саб). Пенку с молока называли как и карачаевцы каймак.

2. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

До 70-х годов XIX в. в Карачае не было ни одной светской школы. Единственным типом учебных заведений были мусульманские школы медресе, учителями в которых были муллы. Обучение в медресе сводилось к бессмысленному заучиванию текстов из корана, так как не только ученики, но и учителя — муллы, в большинстве случаев не знали арабского языка. Ника-

¹ Г. Чурсин. Музыка и танцы карачаевцев. «Кавказ», 1091, № 270.

ким другим наукам, кроме закона божия, детей в медресе не учили. Прочувшись там несколько лет и выучив ряд молитв, ученик фактически оставался таким же неграмотным, каким был до поступления в медресе.

Обучение в медресе было платным, по окончании курса родители ученика должны были одарить муллу или деньгами (обычно не менее 10 рублей) или скотом — лошадью или быком. Учиться при таких условиях могли, разумеется, только дети богатых родителей.

Открытие первых светских школ в горских аулах Баталпашинского отдела относится к концу 70-х годов XIX в. — к периоду деятельности наиболее прогрессивного начальника Эльбрусского округа и Баталпашинского уезда Н. Петрусевича. В сентябре 1877 г. было открыто училище в Мансуровском ауле, а через год, в сентябре 1878 г., в Учкулане. В 1879 г. были дополнительно открыты 2 школы — в аулах Бибурдском и Тебердинском.

Открывая горские школы, кубанская администрация преследовала прежде всего политические цели. Школы нужны были ей как орудие русификаторской политики. Правитель канцелярии Кубанской области Коваленский писал в своем рапор-

Школа в ауле Учкулан, открытая в 1878 г.

те: «Никто не станет отрицать серьезного и плодотворного значения русской школы в среде туземного инородческого населения: русские школы — это самый короткий и самый верный путь в целях ассимиляции горских племен».¹

Администрация тем более охотно шла на открытие школ, что это ей ничего не стоило. Строительство и ремонт школ, содержание учителей и учеников производилось целиком за счет аульных обществ. От 3 до 6 тысяч руб. обходилось строительство школы и не менее 3 тысяч в год содержание ее. Так, в Учкуланском обществе половина бюджета уходила на содержание школы (например, в 1893 г. — 3089 рублей)²; там было выстроено для школы 3 дома: большое двухэтажное здание, в котором помещались классные комнаты и квартиры учителей, четырехкомнатное одноэтажное здание, в котором жили ученики, и третье — столовая и кухня.

Открытие при Учкуланской школе пансионата диктовалось тем, что к этой школе тяготели все аулы Большого Карачая. Ученикам из Хурзука и Карт Джурта приходилось каждый день проходить большие расстояния, по 5—7 верст. чтобы поехать в школу. А для детей из Дуута и Джазлыка ежедневное посещение школы было совсем невозможным, т. к. аулы находились за десятки километров от школы. Поэтому Учкуланская школа сразу же создавалась как интернат. Под спальни были отведены 2 большие комнаты, в которых поставлены кровати. Больше ученикам никаких постельных принадлежностей не давали, матрацы, подушки и одеяла они привозили с собой из дома.

Питание учеников производилось за счет общества. Утром и в полдник им давали чай с хлебом, в обед и ужин — мясные блюда.³

Обучение в горской школе ставило себе задачей научить учеников правильно и бегло читать, писать, считать и знать 4 действия арифметики. Пособиями служили учебники Вольперта «Русская речь», Букалова «В школе и дома», по арифметике — учебник Евтушевского.

Однако значение школ на деле было значительно большим, чем это предусматривалось кавказской администрацией. Школы не только учили карачаевских детей письму и счету, они знакомили их с русской культурой, с литературой, прививали ученикам более прогрессивное мировоззрение, любовь и жажду к знаниям. Русские и карачаевские учителя впервые начали изучение богатейшего народного творчества и тем помогли карачаевцам лучше осмыслить и свою национальную культуру.

¹ ГАКК. Рапорт правителя канцелярии надворного советника Коваленского, стр. 25.

² Рапорт Коваленского, стр. 36.

³ Там же.

Передовые учителя несли детям свет новых идей о дружбе и единстве трудящихся, об общей борьбе с угнетателями.

Вот почему настороженность, с которой первое время встретили открытие школ сельчане, вскоре сменилась страстным желанием учить своих детей не только в сельских школах, но и дать им более высокое образование.

Только первое время — в конце 70 — начале 80-х годов желающих учить своих детей было мало, и запись в училище производилась в принудительном порядке, по раскладке общественного сбора.¹ Такое отношение к школе было результатом агитации мусульманского духовенства — главного противника русских школ. Муллы не скупились на слухи и угрозы, порочащие школу, пугая родителей солдатчиной, которая, якобы, грозила всем, окончившим русскую школу, насильственным крещением и др. страхами.

Но уже «года через 2—3 окончательно рассеялись ложные наветы фанатического духовенства. И народ уже с охотой начал приводить своих детей в училище»,² — писал М. Алейников, сам много лет проработавший учителем в Карачае. Число учеников Учкуланской школы быстро росло: в конце 70-х годов их было 20—30, в 80-е годы до 80 человек, в конце 90-х — 166.³

Желающих учить своих детей в 90-е годы было уже так много, что приходилось ограничивать прием и посылать определенное число детей из каждого аула. Критерием для определения числа учеников служила сумма налога на школу, собираемая с аула. Так, Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук могли посылать по 14—15 мальчиков, Мара и Джегута по 3, Каменноостровский, Дуутский и Джазлыкский аулы — по 2, Сентинский — 5.

Ясно, что в число избранных попадали в первую очередь дети аульных богачей и сельской администрации. Коваленский признавал в своем рапорте, что при посылке детей в школу «сила связей, влияние и т. п. имеют решающее значение. А вывод отсюда далеко не утешителен, следовательно, бедняки, серый народ, на свои гроши дают средства обучаться сынкам состоятельных горцев...».⁴

Один из учителей Учкуланской школы—Субханкулов заявлял, что лиц «желающих дать первоначальное образование насчитывается очень много, так что спрос в этом случае значительно превышает предложение».⁵

Аульные общества согласны были взять на себя все затраты по организации русских школ, только бы иметь возможность учить детей. Таким образом, к концу XIX в. совершенно

¹ М. Алейников. Горские училища Баталпашинского отдела. КОВ, 1901, № 47.

² М. Алейников. Ук. соч.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 103, л. 14.

⁴ Рапорт Коваленского, стр. 32.

⁵ Там же.

Школа в ауле Карт-Джурт, открытая в 1895 г.

очевидной стала необходимость открытия новых школ. По настоятельному ходатайству жителей Тебердинского селения «имсть у себя школу с преподаванием на русском языке», в 1894 г. такая школа была открыта.

В 1895 г. были открыты школы в Карт-Джурте и Хурзуке, в связи с чем интернат при Учуланской школе потерял свое значение и был упразднен. Через несколько месяцев были открыты школы в Маре и Джегуте. Но и при этих условиях школы не могли вместить всех желающих учиться.¹ В 1896 г. в горских училищах Баталпашинского отдела обучалось следующее количество учеников:

Учуланском	166	Кувинском	40
Тебердинском	54	Карамурзинском	35
Бибердовском	55	Урупском	37
Мансуровском	40	Лоовско-Зеленчукском	30
Карт-Джуртском	72	Токтамашевском	67
Хурзукском	66	Докшуковском	30
Маринском	50	Хумаринском	17
Лоовско-Кубанск	57	Атажукинском	30 ²

¹ КОВ, 1898, № 259.

² ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 103, л. 14.

Хызыр Халилов,
один из первых учителей-
карачаевцев

Учебный год продолжался с 1 октября по 25 июня. Учитель делил учеников на 4 отделения по принципу их успехов в учебе. Занятия велись по программе начальных училищ. В небольших школах все предметы, кроме закона божьего, вел один учитель. В больших же школах, как, например, в Учкуланской, учебный персонал состоял из 3 человек: 1) старший учитель, он же заведующий школой. 2) младший учитель, 3) законоучитель.

В начале 90-х годов старшим учителем Учкуланского училища был И. Субханкулов, окончивший Закавказскую учительскую семинарию в Тифлисе. Младшим учителем с 1894 г. был Халилов Хызыр, окончивший курс в Баталпащинском городском училище. Законоучителем — Хамзат Кубанов, эфенди Хурзукского аула.¹

В 1897 г. Учкуланское одноклассное училище было преобразовано в 2-х классное нормальное училище и при нем открыто ремесленное отделение — на первых порах столярная мастерская, позже и токарная. Колесников пишет в своей статье, с каким недоверием посылали карачаевцы своих сыновей в столярню и как успехи детей превзошли все их ожидания. Ученики ремесленного отделения под руководством опытного столяра делали табуретки, столы, кровати, диваны. Работы их отличались прочностью и вместе с тем изяществом. Колесников описывает, какое огромное удовлетворение испытывали ученики от своей работы: «нужно видеть радость мальчика, когда он в первый раз несет домой табуретку своего собственного изделия, для него это целый праздник, и товарищи его, разделяя эту радость, сопровождают гурьбой до самой его сакли, как настоящего триумфатора».²

С открытием ремесленного отделения учкуланское училище насчитывало уже до трехсот учеников.³

¹ КОВ, 1898, № 265.

² Там же.

³ Б. Миллер. Ук. соч., стр. 394.

Обучение на русском языке давалось детям значительно лучше, чем арабская грамота. Способности карачаевских детей в учении удивляли ревизоров из кавказской администрации. Отмечая, как хорошо читают, считают и пишут ученики карачаевских школ, правитель канцелярии Кубанской области Коваленский добавлял: «Но главное, что поражает — это прекрасная осмысленная русская речь, бойкость и разумность ответов на недавно еще совсем чужом языке. С такими способными мальчиками грешно не иметь успеха».¹

В конце 90-х годов была даже сделана попытка начать обучение девочек. При Карт-Джуртском и Хурзукском училищах были организованы отделения для занятий с девочками.² Но это встретило такой отпор со стороны духовенства и части стариков, ссылавшихся на адатные нормы, что девочки в XIX в. так и не учились.

Многие мальчики, окончив начальное училище, стремились продолжить свое образование, но возможности для этого были очень невелики. Число горских вакансий в средних учебных заведениях было ничтожно. Всего одного-двух человек могли послать карачаевцы в Кубанскую учительскую семинарию, Майкопское промышленное училище, Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу,³ да детей знати в Ставропольскую или Кубанскую гимназию и в кадетские корпуса.

По просьбе горцев Баталпашинского отдела в Кубанской учительской семинарии кроме 2 стипендий, существующих за счет всего горского населения отдела, было открыто еще 2 вакансии, содержание которых взяли на себя аульные общества Баталпашинского отдела. А в Екатеринодарской военно-фельдшерской школе были учреждены 2 стипендии по 1300 руб. из средств карачаевского народа для обучения фельдшерскому делу мальчиков-карачаевцев.⁴

Поступление в средние учебные заведения затруднялось для карачаевских мальчиков также тем, что начальные училища не давали для этого должных знаний.

Стремление карачаевцев к образованию было так велико, а возможность для них его получения так мизерна, что уполномоченные карачаевского народа в прошении на имя наместника Кавказа Воронцова-Дашкова, написанном совместно с жителями черкесских, абазинских и ногайских аулов в 1905 г. среди «неотложных нужд населения» называют и вопрос о школах. Причем их интересовало не только начальное, но и среднее и даже высшее образование. Для этого они просили пересмотреть программу начальных училищ, чтобы выпускни-

¹ Рапорт Коваленского, стр. 34.

² Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай, стр. 258.

³ КОВ. 1899, № 266.

⁴ Отчет начальника Кубанской области за 1895 г., стр. 53—54.

ки ее имели возможность поступить в среднее учебное заведение.

Уполномоченные сельских обществ просили:

1. «В имеющихся ныне аульных школах увеличить программу занятий с таким расчетом, чтобы оканчивающие в этих училищах курс могли поступить в средние учебные заведения. Учительский персонал принять на счет казны. При назначении учителей в эти школы давать преимущества горцам, если они подготовлены к этому делу».¹

2. «Увеличить число горских стипендий в Ставропольской гимназии вместо 13 до 30, во Владикавказском кадетском корпусе 20 и в высших учебных заведениях 10».

Многочисленные прошения карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев с просьбой принять их детей в средние учебные заведения говорят о большой тяге горцев к образованию.

Житель Сентинского аула Зекерия Джаубаев пишет атаману Баталпашинского отдела: «Желая дать образование своему родному сыну Али-Султану, имеющему от роду 9 лет, покорнейше прошу ходатайствовать... о зачислении его в Ставропольскую классическую гимназию казеннокоштным воспитанником».² Об этом же просил Муса Ахлов и др.

Хаджи Гилястан Крымшамхалов из Карт-Джурта, Пшенуса Дешоков из Хумары, Хаджи Бекир Кмузов и другие ходатайствовали о зачислении их сыновей в Тифлисский кадетский корпус.³

При выборе кандидатов на горские вакансии в гимназии и кадетском корпусе, кавказская администрация исходила из узко кастовых интересов. В то время, как детям князей давались льготы и привилегии, крестьянским мальчикам чинились всяческие препятствия. Магомет-Гирей Крымшамхалова, как «происходящего от одной из наиболее влиятельных фамилий Карачая»⁴ без всяких проволочек приняли в Тифлисский кадетский корпус, так же как и сына ногайского князя Мусы Ахлова. Остальным же претендентам было отказано, так как они принадлежат к крестьянскому сословию и «права на воспитание своих детей на казенный счет в таком привилегированном учебном заведении, как кадетский корпус, не имеют».⁵

Результатом обучения карачаевских юношей в Кубанской учительской семинарии было появление национальных учителей кадров. В конце 90-х годов в школах Карачая работали учителями Ильяс Байрамуков, Иммолат Хубиев, Хызыр Халилов, Алибек Боташев и др. Вместе с ними преподавали рус-

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1590, л. 5.

² ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 138, л. 31.

³ Там же л. 23, 33, 64, 78.

⁴ Там же, л. 129.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 138, л. 83

ские учителя Л. А. Гриневиц, В. А. Витковский, В. А. Басонцев, осетин Иорам Хурумов, татарин И. Субханкулов.¹

Результатом деятельности русских школ в аулах Карачая было некоторое повышение грамотности населения, появление первых грамотных не только на арабском, но и на русском языке. Процент грамотных был еще очень невелик, особенно в аулах Малого Карачая, где школы были открыты позже. Особенно неблагоприятно обстояло дело с обучением девочек, которые почти поголовно оставались неграмотными.

По данным всероссийской переписи 1897 г. в карачаевских аулах грамотными были:

№	название аула	Число жителей			Число грамотных			проц. грамотн.			Примечание
		муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	
1	Дуут	433	390	823	43	7	50	9,8	1,8	6	
2	Джазлык	211	217	428	10	—	10	4,7	0	2,6	
3	Карт-Джурт	1087	974	2061	93	12	105	8,5	1,2	5	
4	Сенты	464	494	948	10	2	12	2,1	0,4	1,2	
5	Учулан	2902	2923	5825	282	76	358	9,7	2,6	6,1	
6	Мара	406	408	814							
7	Хурзук	2284	2777	5061							нет сведений

Значение русских школ было не только в том, что дети обучались в них письму и счету. Русские школы приобщали карачаевцев к передовой русской культуре, к демократическим общественно-политическим взглядам.

Небольшие библиотеки при школах и личные библиотеки учителей содержали произведения русской классической литературы. Один из первых просветителей карачаевского народа, учитель Хызыр Магометович Халилов имел большую библиотеку, которую перевозил с собой по месту работы то в Адыгею, то в карачаевские аулы Карт-Джурт, Джегуту и Мару (в Мару книги везли на 15 подводах).

Любимыми писателями были революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. По словам его сына Салеха Хызыровича Халилова, отец выписывал самые революционные газеты того времени «Искру» и Социал-Демократ».

Х. Халилов и другие учителя воспитывали у карачаевских детей передовое мировоззрение, любовь к труду и трудящимся, ненависть к угнетателям. Не случайно одним из первых революционеров карачаевского народа стал брат Хызыра Магометовича — Сеид Халилов.

¹ Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар, 1899, стр. 93—95.

² Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. под ред. Л. Македонова. Екатеринодар, 1907, стр. 344—367.

Синд Халилов среди родственников (сверху слева)

3. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

В шестидесятые годы XIX века произошло первое знакомство карачаевцев с русской медициной. До этого единственными лекарями в аулах были знахари и муллы, лечащие не столько лекарствами, сколько заговорами. Переломы и ранения народные лекари кое-как еще умели лечить, но против внутренних болезней оказывались почти всегда бессильными.

Часто бывали опустошительные эпидемии, уносившие сотни и тысячи жизней. Таким страшным мором была чума, посещавшая Карачай неоднократно, и в XVIII и в начале XIX века. Полностью вымерло Урусбиевское селение на Теберде. Память об этом событии сохранилась в народной песне «Эмина» («Чума»).

Огромный урон хозяйству карачаевцев наносили эпизоотии чумы, ящур и др. болезней. С конца 60-х годов XIX в. в борьбу против эпидемий и эпизоотий вступили русские врачи и ветеринары. Их было еще очень мало и еще меньше имели они оружия для борьбы с болезнями, но тем не менее смело брались за дело.

В 70-е годы была построена первая в Карачае больница. Средства для постройки были взяты из народных денег. Карачаевское общество потратило на больницу более 15 тысяч рублей. Больница состояла из большого зала для приема больных, двух квартир для работников больницы, кухни и вспомогательных помещений. В дальнейшем намечено было открыть стационар на 10 коек и пригласить еще одного фельдшера.

Однако эти планы не удалось провести в жизнь. Военно-народные округа были ликвидированы, карачаевцы подчинены атаману отдела, который мало заботился о их нуждах. Вместо больницы в Учкулане был открыт фельдшерский пункт и аптека при нем. Такая же аптека с фельдшером при ней была открыта при Бибердовском участке. Таким образом, на все горское население Баталпашинского отдела, жившее в 35 аулах, было 2 фельдшера и 2 аптеки. (Учкуланская аптека одно время была закрыта, а вместо нее открыт фельдшерский пункт в Хумаринском укреплении, с 1896 г. восстановлен и Учкуланский пункт).

В содержании аптек и фельдшерских пунктов участвовали все аулы горских округов, внося определенную плату на их содержание. Прием больных фельдшеры вели бесплатно. Они же должны были по мере сил бороться с эпидемиями, осуществлять медицинский надзор над учениками горских школ.

За неполный год (с 1 февраля по 1 декабря 1897) в Хумаринскую аптеку обращалось за помощью 2719 человек, кото-

рые посетили аптеку 7491 раз. В Бибердовской аптеке было зарегистрировано 1721 посещение ее 521 больным.¹

Несмотря на очень ограниченные возможности, фельдшерские пункты и работавшие на них фельдшеры принимали все меры, чтобы помочь населению Карачая в борьбе с болезнями. Карачаевцы, особенно женщины с детьми, охотно обращались за медицинской помощью, буквально осаждая аптеку. «В медицину верят и за помощью обращаются к фельдшерам охотно». сказано о карачаевцах в отчете о ревизии Хумаринского участка.²

Вот как описывает прием больных в Учкуланском фельдшерском пункте В. Колесников: «Вы только еще встаете утром, а уже видите нескольких карачаевков, ожидающих фельдшера». Аптека «всегда наполнена посетителями».³ Число принятых фельшером больных колеблется от 5 до 30 человек. Кроме приема в Учкулане, фельдшер дважды в год выезжал с аптечкой в аулы Дуут и Джазлык, т. к. эти аулы принимали участие в содержании аптеки. Аулы Малого Карачая оставались фактически совсем без медицинской помощи, если не считать аптеки в Хумаре.

Интересно отметить, что преимущества медицины над знахарством признали и сами знахари, которые при лечении больных стали использовать аптечные средства. Тот же В. Колесников в статье о постановке медицинского дела в Карачае пишет: «В селении Дударуковском есть черкес-лекарь, о котором ходят и между карачаевцами самые баснословные рассказы из его медицинской практики. Прошлый год этого лекаря привозили в Учкулан к одному больному карачаевцу, и нам пришлось лично видеть у этого больного аптечные лекарства, выданные ему черкесом».⁴

Карачаевские юноши охотно поступали учиться в фельдшерские школы, поэтому Учкуланская аптека уже с 70 годов была обеспечена фельдшерами-карачаевцами. Одним из первых фельдшеров, пользовавшихся у больных большим авторитетом, был Халид Эркенов, окончивший с похвальным листом Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу и ряд лет работавший в Учкуланском фельдшерском пункте.

Большую помощь оказывали карачаевцы также ветеринарам, борющимся с эпизоотиями скота, помогали в организации карантинных застав на горных перевалах. Число эпизоотий резко уменьшилось, и с конца XIX в. Карачай был фактически избавлен от тяжелых потерь скота, который прежде погибал от чумы и других болезней.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 120, л. 17.

² ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 159, л. 30—45.

³ В. Колесников. Путь Карачая. КОВ, 1898, № 257.

⁴ КОВ, 1898, № 257.

4. ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА, ЯЗЫКА И ИСТОРИИ КАРАЧАЕВЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Богатая лексика карачаевского языка, самобытное народное творчество карачаевцев до 80-х годов XIX века никем не изучались.

Народ не имел своей письменности. В официальной переписке: прошениях, приговорах аульных обществ использовался арабский алфавит, который знало только духовенство. Творчество народа: героический эпос о нартских богатырях (нарла), сказки (таурухла), различные по жанру песни (джыр): сатирические, исторические, любовные (инар) существовали только в устном виде, передавались от дедов и отцов к детям и внукам.

Первая запись нартских сказаний, бытовавших у карачаевцев и балкарцев, была произведена учеником Владикавказского реального училища балкарцем С. Урусбиевым. Он записал 4 нартских сказания и опубликовал их в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Это были сказания о славных борцах с чудовищами-эмегенами, свободолюбивых нартах Ёрюзмеке, Шауайе, Рачикау и Сосруке.

Среди русских учителей горских школ также немало было энтузиастов, изучавших язык народа и его культуру, собиравших песни и сказки, легенды и пословицы.

Много текстов карачаевского фольклора записал учитель М. Алейников. Он опубликовал в 3-м выпуске того же сборника «Карачаевские сказания»: «Ачемез и Хубун», «Эмегены» и др.

Кроме того, он изучал этнографию карачаевцев и других горцев Баталпашинского отдела. В газете «Кубанские областные ведомости» были опубликованы его статьи: «Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбах и похоронах»,¹ «Хурлакъл»,² в Сборнике материалов — «Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области».³

В конце 90-х годов записи карачаевского фольклора в ауле Карт-Джурт и публикация его в Сборнике материалов были произведены учителем Кубанской гимназии А. Н. Дьячковым-Тарасовым, неоднократно приезжавшим в Карачай. Это были сказания о подвигах нартов, о славной смерти в бою нарта Ёрюзмека, о мудрой и прекрасной княгине Сатанай: «Сосурка и эмеген пятиголовый», «Алауган», «Генджакешауай», «Смерть Ёрюзмека», «Чюерди», «Княгиня Сатанай».

¹ КОВ, 1880, № 7—9.

² КОВ, 1882, № 14.

³ СМОМПК, вып. 17, Тифлис, 1893.

Обработкой и публикацией фольклора занимался и заведующий Карт-Джуртским одноклассным училищем Н. Кириченко — составитель первого русско-карачаевского словаря. Он опубликовал в Кубанских областных ведомостях за 1897 г. «Песню об Аймуше и его брате Магуле».¹

«Предание о Карче, родоначальнике Карачая» записал в Дууте со слов стариков Ислама Алиева и А. Хубиева воспитанник Екатеринодарской военно-фельдшерской школы Бекир Чеккуев и опубликовал его в Кубанских областных ведомостях.²

Но это все еще были ничтожные крохи, выхваченные отрывки из богатейшего фольклора караевцев, никем не изученного и не записанного. Вне поля зрения исследователей остались интереснейшие старинные песни, рассказывающие о важных событиях в жизни народа, о его борьбе с самовластием князей («Кара-Муса»), об антиколониальных выступлениях («Хасаука», «Умар»), о битвах с князьями соседних народов, нападающих на Карачай («Татаркан»).

Пореформенный период породил целый ряд новых песен, повествующих о тяжелой доле батраков («Барак»), о борьбе с царской администрацией («Канамат»). Нашли в песнях отражение и такие политические события, как русско-турецкая и русско-японская война,³ в которых принимали участие караевские добровольцы, как переселение в Турцию, воспринятое народом как большая и тяжелая ошибка.

Все эти песни никем не были записаны, а лишь пелись сказителями и певцами народа, такими как победитель в соревновании певцов Касбот Кочкаров, прозванный народом Багъыр улу (сын меди) или его соперник, автор сатирических песен, высмеивающих богатей и эксплуататоров Аппа Джанибеков с прозвищем Къалай улу Аппа (Аппа сын жести) и многими другими певцами-джырч — выразителями дум и чаяний народа (Меккяев Ерюзмек, Баттыев Кайсын и Байчоров Шеке и др.).

Первая безуспешная попытка создать письменность на караевско-балкарском языке, приспособив для этого русскую азбуку, была предпринята в начале 80-х годов также С. Урусбиевым, который первым записал нартовские сказания. «В настоящее время один из туземцев, Сафар-Али Урусбиев, занимается составлением грамматики родного языка, применив русскую азбуку к выражению его звуков», — писали В. Миллер и М. Ковалевский.⁴ Изучая осетинский язык, В. Миллер касался и

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 188, л. 35—37.

² КОВ, 1899, № 266.

³ А. Н. Караева. О фольклорном наследии караевско-балкарского народа. Черкесск, 1961, стр. 46.

⁴ В. Миллер, М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. «Вестник Европы», 1884, оп. 4, стр. 56.

карачаево-балкарского языка, сравнивая лексический состав и показывая заимствования.

В 90-х годах изучением карачаевского языка и фольклора, созданием основ грамматики и первого русско-карачаевского языка занимался заведующий Карт-Джуртским училищем, действительный член Кубанского областного статистического комитета Н. И. Кириченко (позже переведенный заведующим Мансуровским училищем).

Автор впервые применил к записи карачаевских слов русский алфавит и рекомендовал карачаевцам составить на своем языке азбуку и не увлекаться заимствованиями из арабского языка.¹

В конце 90-х годов XIX в. Н. И. Кириченко предлагал рукопись своего русско-карачаевского словаря редакции Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа и Кубанскому областному статистическому комитету, но ни в том, ни в другом издании словарь напечатан не был. В 1908 г. рукопись была приобретена библиотекой Общества любителей изучения Кубанской области,² а позже передана Грузинскому лингвистическому обществу. Секретарь этого общества В. Г. Топурия отдал ее в 30-х годах XX в. профессору С. Джикия, у которого она хранится до настоящего дня.

«Главной целью автора было привести в систему данные карачаевского языка, начиная с перечисления звуков, грамматических форм и кончая словарем.

Помимо лингвистической ценности заметки Кириченко интересны и массой сообщений о Карачае, карачаевцах, их мирозерцании, обычаях, поэзии»,³ — писал о рукописи Н. Кириченко Н. Талицкий.

Подробные сведения о словаре и его разделах содержатся в собственноручном письме Н. И. Кириченко, которое имеется в делах Краснодарского архива.

Рукопись состояла из следующих разделов: 1. Краткие сведения о прошлом и настоящем Карачая. 2. Важнейшие грамматические правила и особенности карачаевского наречия. 3. Словарь, который имел разделы:

I. Пространство — Ф а р а г м о у г у л⁴

II. Время — З а м а н

III. Земля — Д ж е р

IV. Растения — Ё с к е н з а т л а

¹ С. Джикия. Об одном рукописном русско-карачаевском словаре. Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. Вып. 2, 1959.

² П. Талицкий. Рукопись Н. И. Кириченко «Заметки о Карачае и карачаевцах». ИОЛИКО, вып. IV, Екатеринодар, 1909, стр. 143.

³ Там же.

⁴ Видимо искаженное фадакъун (араб.).

- V. Рыбы др. земноводные — Ч а б а к ъ л а
- VI. Птицы — К ь а н а т л ы л а
- VII. Животные — Д ж а н ы у а р л а
- VIII. Человек — А д а м
- IX. Родство — Э т д ж е н
- X. Поселение — Э л л е
- XI. Язык — Т и л
- XII. Платье — К и й и м
- XIII. Меры — Ё л ч е л е
- XIV. Мебель
- XV. Инструменты — К е р е к л е
- XVI. Примеры склонений
- XVII. Имена прилагательные
- XVIII. Имена числительные
- XIX. Местоимения
- XX. Глаголы и образы спряжений
- XXI. Наречия, союзы, предложения и междометия
- XXII. Разговоры (практика)
- XXIII. Песни, рассказы, пословицы, поговорки, загадки
- XXIV. Народный гимн.¹

К 1897 г. Кириченко закончил все разделы, кроме сведений о прошлом Карачая. Чтобы собрать их не только со слов стариков, но и по имевшейся литературе, Кириченко обратился с просьбой в Кубанский областной статистический комитет прислать ему сочинения о Карачае, в частности, очерк Г. Петрова, а также цифровые данные о карачаевских аулах по сведениям всеобщей переписи.

Русско-карачаевский словарь, составленный Кириченко, насчитывал 5 тыс. слов.²

Более серьезная разработка вопросов карачаево-балкарской грамматики началась в XX веке. Венгерский ученый В. Прёле написал исследование о карачаевском и балкарском языках, составил словарь и собрал ряд текстов, опубликовав все это на немецком языке. Прёле, как и русский исследователь Н. А. Караулов считал карачаевский и балкарский диалекты самостоятельными языками. Н. А. Караулов занимался изучением этнографии и языка балкарцев, опубликовав «Краткий очерк грамматики горского языка «болкар»³ и этнографический очерк «Болкары на Кавказе».⁴

Один из наиболее образованных карачаевцев, художник и поэт Ислам Крымшамхалов в первые годы XX века работал над созданием карачаевской азбуки на основе русской графики.

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 188, л. 36.

² Там же, л. 35.

³ СМОМПК, вып. 42, Тифлис, 1912.

⁴ СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908.

Он же переводил на карачаевский язык басни Крылова и другие произведения русской литературы.

В противоположность ему И. Акбаев стремился приспособить к карачаевскому языку арабскую письменность и на этой основе составил в 1961 г. учебник «Ана тиль» (Родная речь) и русско-карачаевский словарь «Тылмач».

Тесное соприкосновение карачаевцев с русскими, экономические и культурные связи привели к взаимным заимствованиям и в области языка. В карачаевском языке появилось много русских слов из различных областей, как производственной жизни, так и культуры и быта. Научившись от русских возделывать картофель и сажать гречиху, карачаевцы так и называли эти культуры русскими словами: «гардош» и «гречка». Карачаевское название картофеля джер-мандалак — почти не употреблялось. По-русски называли капусту — «кьобуста», огурцы — «агурча» (вместо своего названия «наша»).

Купленную в станице, а затем изготовляемую в аулах по русским образцам мебель, тоже называли русскими словами: стол, диван, шкаф, посуда, стакан, вилка, самовар и т. д.

Вместе с вещами были заимствованы русские названия одежды: галоши, костюм, платон (пальто), шинель и т. д.

Первые этнографические описания быта карачаевцев,¹ а также исследования археологических памятников в верховьях Кубани² были произведены еще в начале XIX в., но как первое знакомство с народом и его историей, эти описания не могли быть полными.

Более серьезно обследование памятников Прикубанья, необходимое для изучения прошлого народов Кавказа, было произведено в 70-е годы первым секретарем Кубанского областного статистического комитета, редактором «Кубанских областных ведомостей», энтузиастом-краеведом Е. Д. Фелициным.

Он составил первую археологическую карту Кубанской области, обозначив на ней курганы по Кубани, укрепления и городища севернее Хумары, каменные гробницы близ Эльтобе и Карт-Джурта, каменную башню над Хурзуком. Им же составлены лучшие военно-исторические карты Северозападного Кавказа, опубликован ряд архивных материалов и масса статистических данных, написаны исследования о социальном строе горских народов и т. д.

В 90-е годы XIX в. изучением памятников старины, как и всей историей карачаевского народа заинтересовался серьез-

¹ Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное подполковником Буцковским. 1812. ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300.

² Экспедиция Бернардини, 1829, для изучения Хумаринского и Сентинского храмов. См. Т. М. Минаева. Из истории археологических обследований верховьев реки Кубани. Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института, т. VII, 1951.

ный исследователь В. М. Сысоев. Он составил подробные описания произведенных раскопок, с фотографиями и чертежами.¹ В следующие годы (1896, 1898 и др.) В. М. Сысоев повторил поездки в Карачай по поручению Московского археологического общества совместно с преподавателем Екатеринодарской гимназии А. М. Дьячковым-Тарасовым, который также стал крупным исследователем истории карачаевцев.

Итоговая работа В. М. Сысоева «Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении» явилась обобщением его многолетних исследований археологии, этнографии и истории Карачая.

Разработкой отдельных вопросов истории Карачая, описанием быта народа, его обычаев и семейных отношений, внешнего вида аулов, одежды и пищи населения занимались многие этнографы и историки: Г. Петров, В. Я. Тепцов, И. Шукин, Г. Ф. Чурсин, Б. Миллер и др. Социально-экономическое развитие Карачая и, в частности, земельные отношения полнее всего описаны членами Общества любителей изучения Кубанской области Н. Иваненковым² и В. М. Орловым.³ Много статей по истории, этнографии и экономике Карачая было помещено в кавказских газетах и периодических изданиях.

Большой интерес к прошлому карачаевского народа проявляли и учителя горских школ. Они публиковали данные о промысловых занятиях в аулах (И. Хурумов о Теберде, Учкулане, Карт-Джурте и Хурзуке) заметки о старинных памятниках (древние гробницы на р. Индыш) и т. д. Некоторые учителя, как, например, Хызыр Халилов, делали попытку написать историю карачаевского народа, но материалы эти не увидели света.

Глубоким уважением к народам Карачая и Черкесии проникнуто творчество великого сына Осетии Коста Хетагурова. Он близко знал жизнь карачаевских и черкесских аулов, так как ряд лет прожил в непосредственной близости к ним. В 1891 г. Коста Леванович был выслан за свою просветительскую деятельность за пределы Терской области и поселился в Георгиевско-Осетинском селении, где жили с 1870 г. его родители.

Весной 1892 г. он поступил работать конторщиком на Эльбрусский рудник, часто бывал в карачаевских аулах, дружил со многими карачаевцами. Одним из близких его друзей был поэт и художник Ислам Крымшамхалов, товарищ Коста по Ставропольской гимназии, упоминания о котором имеются в нескольких стихотворениях К. Хетагурова («Е. Е. Н.», «Сане и Миле Б.»).⁴

¹ В. М. Сысоев. Поездка на рр. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. Материалы по археологии Кавказа, вып. VII, М., 1898.

² Н. Иваненков Карачаевцы. ИОЛИКО, вып. 5, Екатеринодар, 1912.

³ В. М. Орлов. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае? ИОЛИКО, вып. 3, Екатеринодар, 1902.

⁴ В. Парфененко. Хетагуров и Крымшамхалов. «Ставропольская правда», 1962 г., № 42.

• Коста Леванович Хетагуров.

С обостренным чувством достоинства горца воспринимал Коста Леванович малейшие проявления шовинизма и пренебрежительного отношения к труженикам кавказских гор. В фельетоне «Тартарен», напечатанном впервые в газете «Северный Кавказ» в 1901 г., он резко критикует А. П. Дьячкова-Тарасова, допустившего в своем описании путешествия учеников Екатеринодарской гимназии в горах Карачая¹ несколько неуважительных фраз о местных народах. С большой теплотой пишет крупнейший осетинский поэт о духовном мире горцев, их гостеприимстве и других положительных качествах, призывая изучать жизнь народа, а не черпать сведения о нем «из уст приста-

¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. В горах. Большого и Малого Карачая. СМСМПК, вып. 28.

вов, старшин и писарей, которые к людям относятся только как к номерам исходящих и входящих журналов».¹

Очень высокую оценку дал К. Л. Хетагуров деятельности Н. Петрусевича: «При полковнике Петрусевиче всем туземцам уезда жилось хорошо. При нем были проложены широкие дороги, выстроены прочные мосты, школьные и правленческие здания. Превосходно владея карачаевским и кабардинскими языками, он без всякого переводчика беседовал с народом на его родном языке, он с удивительной энергией, идеальным бескорыстием и братской любовью проводил в туземную жизнь все лучшие формы общечеловечности и административных мер. Любовь туземцев к Петрусевичу была настолько сильна и искренна, что после безвременной его кончины на поле брани, туземцы Баталпашинского уезда, в том числе и осетины, на свои средства перевезли прах своего любимца в Баталпашинск и похоронили его в ограде церкви, увенчав могилу надгробным мраморным памятником, и устраивая ежегодно в его память скачки близ нашего селения, в которых участвуют исключительно туземцы».²

Зарисовки К. Хетагурова, опубликованные в журнале «Север» за 1892 г. отражают тяжелый труд рабочих рудника, примитивную технику и нищенский быт. Вместе с тем на этих картинах видна величественная природа Карачая, панорама далеких гор, могучие сосны, суровые скалы и бурные реки.³

Природа Карачая пленила не одного Коста Хетагурова. Ею увлекался и замечательный русский художник Н. А. Ярошенко, создатель таких известных полотен, как «Кочегар», «Заключенный», «Всюду жизнь», которые позже получили высокую оценку В. И. Ленина.

Н. А. Ярошенко не только сам рисовал виды кавказских гор, но оказал большую поддержку и помощь первому художнику-карачаевцу И. Крымшамхалову.

«Однажды в Теберде он увидел пейзаж, написанный карачаевцем Крымшамхаловым. Художник привез юношу в Кисловодск, стал учить его рисованию и приглашал вместе писать этюды с натуры», — пишет искусствовед Е. Польская.⁴

Таким образом, общение горцев с русским народом и представителями передовой русской культуры в пореформенную эпоху наложило глубокий отпечаток на их материальную и духовную культуру. Карачаевцы заимствовали у русских более совершенные орудия труда и постройки, мебель и домашнюю утварь. Местное русское население в свою очередь перенимало

¹ Коста Хетагуров, Таргарен. Собрание сочинений в 3-х т., т. 3, стр. 166.

² ЦГВИА, ф. 4, оп. 69, ед. хр. 89, л. 8—9.

³ Виды Большого Карачая и нарождающийся в Карачае горный промысел. «Север», 1892, № 24.

⁴ Н. Я. Ярошенко в Кисловодске. «Ставропольская правда», 1962 г. № 8.

Учителя Баталпаинского отдела (фотография 1906 г.)

Многие черты быта (одежды, убранства, пищи) у горских народов.

В последней четверти XIX в. в карачаевских аулах были открыты гражданские школы, в которых дети обучались не только русскому языку, счету, ремеслу, но и приобщались к передовой русской культуре. Учителя школ и фельдшеры открытых в Учкулане и Хумаре аптек вступили в борьбу с невежеством и знахарством.

Представители передовой интеллигенции, как карачаевской так и русской, записывали фольклор, создавали первые словари и грамматики карачаевского языка. Памятники древности в верховьях Кубани обратили на себя внимание археологов и историков.

Это были первые ростки взаимного влияния и обогащения культур, прогрессивного влияния передовой русской общественно-политической мысли.

Расцвету их в XIX и начале XX вв. (до 1917 г.) препятствовала колониальная политика царского самодержавия, двойной гнет, с одной стороны, своих князей и кулаков, а с другой — казачьей администрации и русских землевладельцев и промышленников.

Поэтому настоящее сближение карачаевцев с русским народом, полное развитие культуры и искусства народа стало возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда были сброшены вековые цепи социального и национального гнета.

«С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика»,¹ — гласит принятая на 22 съезде партии Программа КПСС. — Программа построения коммунистического общества.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961 г., стр. 113.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XIX в. была для России периодом быстрого развития капитализма. «После 61 г. развитие капитализма в России прошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века»,¹ — писал В. И. Ленин. Этот поток увлек в общее русло развития империи и такие отдаленные и глухие уголки ее, как горный Карачай, Черкессию, Балкарию и другие районы заселенные «горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории».²

Развитие капитализма в России стало решающим фактором в истории народов Кавказа во второй половине XIX века. Объективный ход исторического развития новых капиталистических отношений потребовал проведения в горских округах Кавказа отмены крепостного права, земельных и судебно-административных реформ. Это облегчало капиталу проникновение в горные аулы, втягивание их в товарное обращение, превращение Кавказа в рынок сырья и сбыта для заводской промышленности центральной России.

Но ломка феодальных отношений, которая и в русской деревне не была завершена буржуазными реформами 60-х—70-х гг., в горских аулах была еще менее решительной и полной.

Отмена крепостного права была проведена в Карачае и других горских округах Кубанской области так, что выгоды от нее достались в первую очередь царской казне, захватившей сотни тысяч десятин земли, феодальной знати, получившей огромный выкуп с крестьян, присвоившей себе половину крестьянской земли и имущества, много лет продолжавшей эксплуатировать временнообязанных крестьян. Земельные преобразования 60-х—70-х гг. лишили народы Карачая и Черкесии многих исконно принадлежавших им земель, которые были отобраны в казну или пожалованы чинам царской армии и администрации из русских и горских офицеров.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

² В. И. Ленин. Соч., 3, стр. 521.

Административно-судебные преобразования, которые проводились в интересах более полного подчинения горских народов правительству, содействовали ломке феодальной замкнутости и феодального права, ослабляли политическую власть феодалов, изымали из-под их влияния суд, устанавливали выборность сельской администрации и суда.

Но даже это куцее самоуправление, ограниченные политические и общественные права были отняты у горских народов в период контрреформ конца 80-х годов. По положению 1888 г. все управление Кубанской области было подчинено казачьей администрации, горское население ставилось под контроль участковых начальников, без ведома которых нельзя было проводить ни выборов, ни сходов по жизненно важным делам.

Таким образом, реформы 60—70-х гг. в Карачае не разрешили основного — земельного вопроса, не освободили крестьян от поземельной зависимости, сословной неполноправности, круговой поруки и других пут, лежавших на горском крестьянстве.

Но как бы ни тормозила развитие народов Российской империи колониальная политика царизма, как бы ни старалось самодержавие воспрепятствовать сближению народов, оно не могло повернуть вспять исторического процесса, помешать втягиванию окраин в общий поток экономического и социального развития России и неуклонному сближению народов.

Экономическое завоевание Кавказа, которое по словам В. И. Ленина, совершилось после политического, началось с колонизации Северного Кавказа выходцами из центральной России, главную массу которых составляло безземельное и разоренное крестьянство, ищущее земель, работы, хлеба. Эта крестьянская колонизация, следовавшая вслед казачьей, способствовала быстрому росту производительных сил Кубани, подъему ее богатых целинных земель, разработке ее недр, оживлению торговых связей.

Общественное разделение труда вело к специализации районов. Если Кубань в целом стала фабрикой пшеницы и табака, то Баталпашинский округ ее, в который входил Карачай, специализировался на товарном скотоводстве, снабжая скотом, лошадьми и продуктами скотоводства не только земледельческое население Кубани, но и такие отдаленные рынки, как Закавказье, Украину, Москву. Не последнюю роль в этой торговле играли и карачаевские аулы.

Близкое соседство и трудовое обращение карачаевцев с русским населением привело к коренным изменениям в хозяйстве и социальных отношениях аула. Заимствованный у русских крупный породистый черноморский скот вытеснил повсеместно мелкий и малопродуктивный горский скот. Ветеринарный надзор и карантинные мероприятия уменьшили губительное влияние эпизоотий.

Чем больше проникал капитализм в карачаевские аулы, тем сильнее подчинял он себе их экономику. Коневодство, овцеводство и в меньшей степени разведение крупного рогатого скота приспособлялось к требованиям рынка. Лошади шли преимущественно на ремонт казачьей кавалерии, в связи с чем и в карачаевской и в кабардинской породах появился особый сорт «под казачье седло». Карачаевские овцы находили широкий сбыт в казачьих станицах Кубани и в городах Минводской группы и за пределами области. Приезжавшие в аулы скупщики шерсти закупали ее и везли на рынки Харькова, Полтавы и Москвы. Около курортных городов Минводской группы, в частности Кисловодска, возникли молочные хозяйства и маслосырodelьни, снабжавшие города молочными продуктами.

Товарный характер приобрел лесной промысел: снабжение городов и станиц, окружавших Карачай, дровами, строительным материалом, готовыми изделиями из дерева.

Изменения в земледелии были не так заметны, так как оно и в пореформенный период продолжало носить потребительский характер. Только в одном плоскостном Джегутинском ауле появился излишек хлеба, который шел на продажу. Там выше была и техника полеводства, заимствованная у соседних земледельческих народов, более совершенные орудия труда (черкесский передковый и русский фабричный плуг, борона), большее разнообразие сельскохозяйственных культур (гречиха, пшеница, кукуруза). В отдельных случаях усовершенствованные орудия труда применяли и кулаки Большого Карачая.

Покупка заводских кос, плугов и других фабричных изделий вела к упадку ремесла, особенно кузнечного. Даже производство и вывоз бурок, изготовлением которых так славились карачаевские женщины, стало уступать место вывозу сырья — шерсти.

В пореформенный период начата была разработка богатых недр Карачая, созданы первые промышленные очаги: Хумаринские угольные копи и Эльбрусский серебряноцинковый рудник. На месте производилась только добыча руды и первичная обработка, т. к. русский капитализм нуждался в сырье и не был заинтересован в развитии в колониях обрабатывающей промышленности.

Вывоз сырья и сельскохозяйственной продукции затруднялся из-за отсутствия дорог. В конце 60-х годов XIX века была построена первая колесная дорога вдоль Кубанского ущелья, соединившая центр Большого Карачая а. Учкулан с Хумарой, и тем самым способствовавшая усилению экономических связей карачаевских аулов с жителями русских станиц и городов. Карачаевцы стали постоянными посетителями ярмарок и базаров в ст. Баталпашинской, г. Кисловодске, Горячеводске, доставляя туда для продажи скот, продукты, изделия своего ремесла и древесину. С базаров в аулы везли хлеб, ткани, ме-

таллические изделия. Часть этих товаров можно было купить и в самом ауле, вначале у приезжих торговцев, а с 70-х годов XIX в. — в постоянных лавках.

Жизнь карачаевского крестьянства все теснее связывалась с рынком. Он не мог уже жить, не продавая части своей продукции, иногда даже в ущерб своей семье, чтобы уплатить налоги и общественные повинности, заплатить за билет на право рубки леса, на право выезда из аула и т. д.

Большое значение для усиления торговых связей Северного Кавказа с центральной Россией имела постройка Ростово-Владикавказской железной дороги. Она облегчала русскому капитализму экономическое «завоевание» Кавказа, стимулировала развитие товарности сельского хозяйства и его специализации.

Проникновение товарно-денежных отношений в карачаевские аулы приводило к имущественному расслоению, к выделению кулацкой верхушки и обеднению крестьянских масс. Кулакам, хозяйство которых носило товарный характер и было основано на эксплуатации чужого труда, стало тесно в узких рамках надельного землевладения. В большом количестве арендовали они земли у казачьих станиц, у казны и помещиков, покупали их в частную собственность, отбирали участки бедноты. Уравнительно-передельная община, введенная правительством в аулах Малого Карачая, как и наличие феодального землевладения, хоть и тормозила, но не могла остановить процесса концентрации земельной собственности в руках нового, буржуазного элемента карачаевского общества.

Таким образом, в карачаевском ауле пореформенного периода наряду с феодальным укладом, существовал и мелкотоварный, а кроме того, элементы частнокапиталистического.

Особенностью развития элементов капиталистических отношений в Карачае была их завуалированность обилием феодальных и даже дофеодальных пережитков. Так, главное проявление «земледельческого капитализма» — применение вольнонаемного труда часто выступало, как добровольная взаимопомощь, усыновление, кошевое товарищество и т. д. Кулаки использовали всевозможные пережитки общинных отношений, трудовые объединения, для прикрытия ими безудержной эксплуатации крестьян. Им было выгоднее отдать свой скот на полный выпас маломощному хозяину, собрать вокруг себя бедных кошевиков для ухода за скотом под видом усыновления использовать детский труд для пастбы мелкого скота, чем организовать фермерское хозяйство с нанятыми за деньги батраками.

Но даже нанимая батраков, кулаки редко расплачивались с ними деньгами, предпочитая натуральную оплату, которая маскировала нищенскую оценку труда.

Кроме таких «полупатриархальных и полукабальных» форм работы по найму, внутри Карачая большое распространение в

пореформенный период получило отходничество на покос, в пастухи и табунщики в казачьи станицы, обслуживание рудника и других предприятий, так как сфера применения наемного труда в самом Карачае была ограниченной, а количество бедняков, вынужденных продавать свои руки -- довольно велико.

Сословные деления населения к концу пореформенного периода утрачивали свое значение, так как положение человека в обществе стало определяться его богатством, а не сословием. Многие богачи вышли из бывших кулов. И хотя консервативно-охранительная политика царизма, поддерживавшая старую феодальную знать, тормозила этот процесс стирания сословных граней и замены их классовым делением общества, объективный ход исторического развития требовал отмены феодальных пут, мешавших дальнейшему прогрессу.

Борьба карачаевских крестьян против феодального землевладения переплеталась с национально-освободительным движением кавказских народов против колониальной политики царизма. Кулацко-княжеская верхушка карачаевского общества пыталась использовать в своих интересах справедливое недовольство народа малоземельем и колониальным гнетом и увлечь его на авантюрное переселение в Турцию.

Но крепнувшие связи с русским народом, пример его героической борьбы с самодержавием открыли перед карачаевским крестьянством путь активной борьбы против княжеской и кулацкой эксплуатации, против колониального гнета.

Только в союзе с трудящимися всей Российской империи, под руководством рабочего класса и его передового отряда Коммунистической партии смогли карачаевские крестьяне сбросить двойной гнет со своих плеч, прогнать помещиков и кулаков и вместе со всеми народами Советского Союза построить новое справедливое социалистическое общество.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

<i>Раздел I. Реформы 60-х годов</i>		
Введение		3
Глава I.	Отмена крепостного права в Карачае	13
Глава II.	Административно-судебные преобразования пореформенного периода	37
<i>Раздел II. Экономическое развитие Карачая во второй половине XIX века.</i>		
глава III.	Включение карачаевских аулов в общее русло экономического развития Баталпашинского уезда	57
глава IV.	Сельское хозяйство Карачая в пореформенный период:	
	1. Скотоводство	78
	2. Земледелие	90
Глава V.	Ремесло и возникновение промышленных очагов	98
	Дорожное строительство	118
Глава VI.	Торговля	128
<i>Раздел III. Социальные отношения в карачаевском ауле в пореформенный период.</i>		
Глава VII.	Землевладение и землспользование:	
	1. Сельская община во второй половине XIX века	146
	2. Арендные отношения	155
Глава VIII.	Проникновение капиталистических отношений в социальный строй Карачая	163
Глава IX.	Классовая борьба в карачаевских аулах	177
Глава X.	Влияние русской культуры на культуру карачаевского народа	191
	1. Изменения в материальной культуре	192
	2. Народное образование	197
	3. Здравоохранение	207
	4. Изучение фольклора, языка и истории карачаевцев во второй половине XIX—начале XX века	209
З а к л ю ч е н и е		219

Валентина Павловна Невская

КАРАЧАЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Редактор С. С. Кунов. Художественный редактор П. М. Бертник.
Технический редактор Г. М. Потькалова. Корректор Н. А. Болохова.

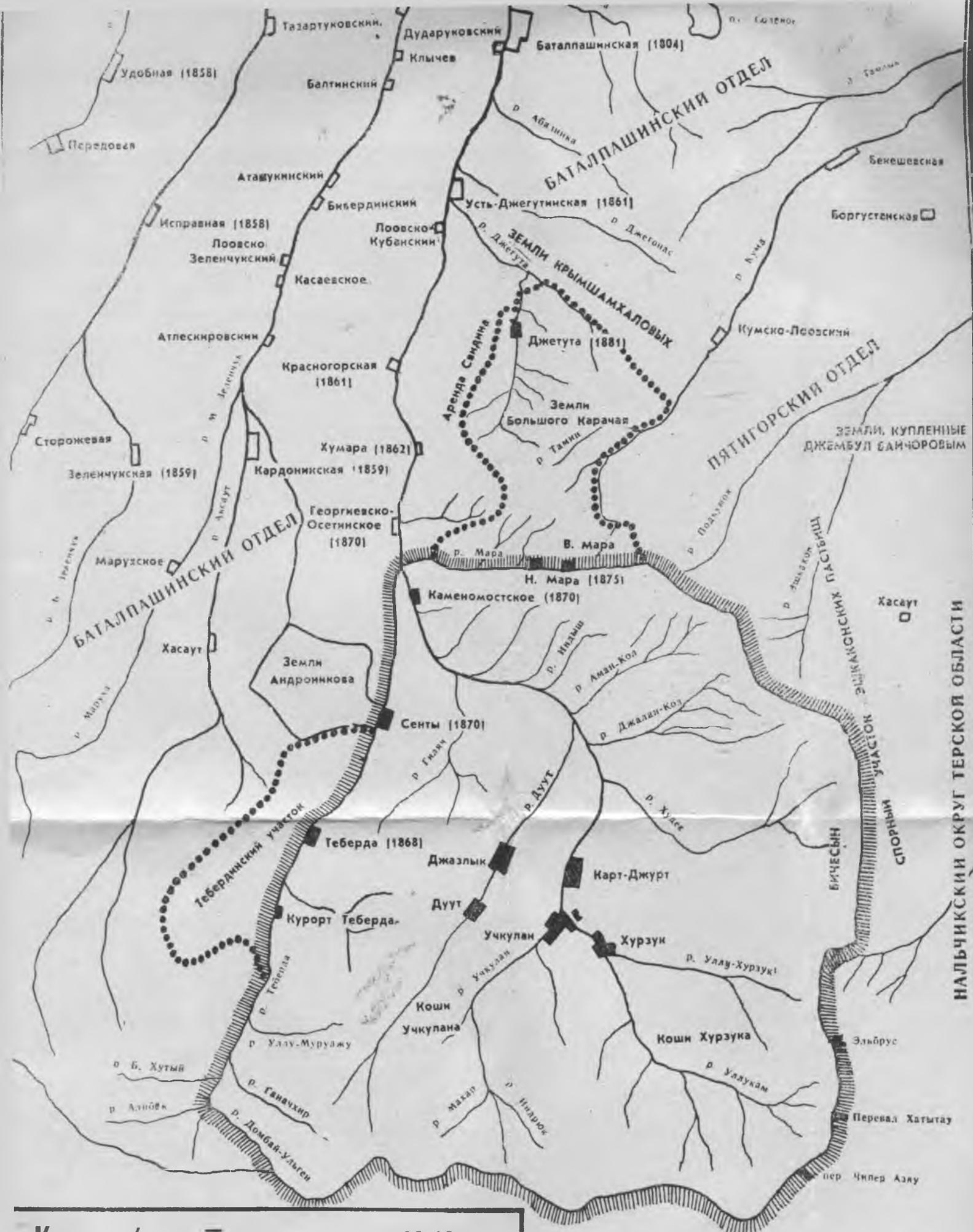
Сдано в набор 10-V-1963 г. Подписано к печати 22-VI-1964 г. Формат 60x92 1/32.
Печ. л. 14 плюс 1 вкл. Уч.-изд. л. 14,34 плюс 0,22 л. вкл. Тираж 500 экз. Заказ № 1803.
ВУ 08062. Цена 97 коп.

Ставропольское книжное издательство.
Карачаевская типография, г. Карачаевск, Ленина, 3.

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
2	6 снизу	ЦГВИА Гр. ССР	ЦГИА Гр. ССР.
13	13 сверху	кардонных	кордонных
15	2 сверху	70	80
28	1 снизу	Петрусевич	Петрусевич
75	10 снизу	столом	столпсм
46	1 снизу	селении ягорцев	селения горцев
74	Сноска	Кавказский	3. Кавказский
74	Последняя сноска	2	4
108	3 сноска	1	3
162	9 и 10 строчки снизу	Переставить местами Семенов	Семенов заложил
163	19 сверху	гл. III	гл. II
182	1 сноска	2	1
184	2 сверху	Токтамышевском	Тохтамышевским
201	4 снизу		

В. П. Невская „Карачай в пореформенный период“

КАРАЧАЙ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX В.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ГРАНИЦА ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ КАРАЧАЕВЦЕВ 1862.
- ГРАНИЦА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ.

МАСШТАБ
1:420000

